

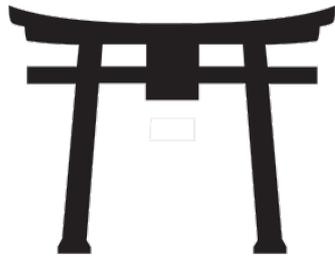
<u>Тайна гор</u>	<i>Jay Moldenhauer-Salazar</i>
<u>Чувство долга</u>	<i>Ed Stark</i>
<u>Всё</u>	<i>Gwendolyn Kestrel</i>
<u>Восемь с половиной историй</u>	<i>Rei Nakazawa</i>
<u>Безопасность</u>	<i>Gwendolyn Kestrel</i>
<u>Поручение Дракона</u>	<i>Alexander O. Smith</i>
<u>Неблагодарное дитя</u>	<i>Rei Nakazawa</i>
<u>Оковы льда и пламени</u>	<i>Jay Moldenhauer-Salazar</i>
<u>Щит Дракона</u>	<i>Jay Moldenhauer-Salazar</i>
<u>Рассказанное Шепотом</u>	<i>Rei Nakazawa</i>

<u>Миссия слуги</u>	<i>Jay Moldenhauer-Salazar</i>
<u>Покровитель акки</u>	<i>Jeff Grubb</i>
<u>Личные войны</u>	<i>Rei Nakazawa</i>
<u>Улыбки искупления</u>	<i>David A. Page</i>
<u>Стрекот цикад</u>	<i>Alexander O. Smith</i>

<u>Возмездие Войны</u>	<i>Jeff Grubb</i>
<u>Лицо под маской</u>	<i>Rei Nakazawa</i>
<u>Встреча</u>	<i>Alexander O. Smith</i>
<u>Ийзука Беспощадный</u>	<i>Gwendolyn Kestrel</i>
<u>Последняя Гостья</u>	<i>Jay Moldenhauer-Salazar</i>

Тайна гор

Jay Moldenhauer-Salazar

Рюсаки Кумано изможденно брел по небольшому скалистому плато, удаляясь от укрытия горного склона. Он не был в восторге от прогулки к этому острому отвесному утесу, где завывал ветер, угрожая сбросить его на горную тропу внизу.

Жесткие, черные брови Кумано нахмурились, когда он выглянул за край утеса. Там, в миле от него, он разглядел четыре силуэта – один из них весьма крупный –двигающиеся тяжело и медленно по обледеневшей горной тропе. Тропа эта, петляя через обветренный гранит, вела лишь к Кумано. Он чувствовал, как расставленные магические обереги рушились под ногами приближающейся группы непрошенных гостей. Кумано вздохнул, и ветер унес прочь туманное облако его дыхания. Его начинали пугать эти периодические визиты, всегда окутанные пеленой таинственности. Теперь ему оставалось лишь ждать.

Шерстяной плащ Кумано отчаянно хлестал на ветру, когда он отошел от обрыва. Он немощно ухватился за свои одежды. Ветер пронизывал насквозь тяжелую накидку из кожи буйвола, плотную рубаху *хаори* и мешковатые штаны *сузукаке*, вея холодом сквозь его грубую, мозолистую кожу, и, видимо, сквозь сами кости.

Снег и лед хрустели под его ногами, когда Кумано пересек плато на своих худых, изможденных ногах. Его сгорбленный силуэт рухнул наземь перед грубым деревянным алтарем, установленным у самого горного склона. Алтарь состоял из деревянных досок, составленных вместе, две, как подставка, а одна уложена горизонтально для подношений. На алтаре лежало два предмета, посох с металлическими кольцами, длиной с рост Кумано, и раковина моллюска, размером меньше, чем его кулак. Оба предмета тряслись с каждым порывом ветра.

Склонив покрытую шерстяным капюшоном голову к алтарю, Кумано приступил к медитативным упражнениям, заполнявшим большую часть его дней. Сначала он сосредоточился на тишине, отстраняясь от завывающего ветра и пронизывающего холода. В тишине он искал образы. Сквозь сомкнутые веки Кумано видел танцующие языки пламени и молнии, пока они не слились воедино. Образы дополнились звуком. Раскаты грома и рев полыхающего огня затмили его слух. Кумано замедлил дыхание, впуская в себя эту сцену. Он позволил огню и молниям унести себя, дрейфуя на них, словно на плоту. Благодаря его магии, изучаемой и оттачиваемой на протяжении всей его долгой жизни, холод и голод могли лишь истязать Кумано, но были неспособны убить его. Он годами выживал на этом отвесном скалистом плато с одним лишь алтарем и своими упражнениями по сосредоточению силы воли.

Но подобные гости требовали более чем выживания. Кумано воззвал к ярости пламени, решимости молнии, всецело наполнившись ими. Его худощавое тело налилось силой. Сгорбленные плечи выпрямились и сделались шире. Изможденное лицо приобрело резкие и сильные черты. Руки сжались в могучие кулаки. Но сила пламени и молний продолжала течь, поглощая его.

Прошло время – хотя, сколько точно прошло времени, он сказать не мог – и Кумано открыл свои глаза цвета стали. Он встал, превратившись из трясущегося отшельника в настоящего боевого монаха *ямабуши*, и осмотрел свое окружение.

Не многие, вдохновившись перехватывающей дух красотой Гор Сокезан, решались подняться так высоко. Все надежды жизни здесь были выкрадены постоянным ледяным ветром. Лишь острые скалы, покрытые снегом, тянулись ввысь под немислимыми углами наперекор ветрам. Бледный белый шпиль Пика Унтайдаке возвышался над Кумано, подобно обглоданным костям некоего павшего гиганта. Единственным напоминанием о том, что в мире существовали цвета и краски,

был купол синего неба над его головой. Но Кумано редко смотрел вверх. С первого дня своего добровольного отшельничества он обнаружил силу в пугающей необъятности Сокензан. В окружающих его камнях он чувствовал себя, как в кругу семьи, вой ветра был для него голосом друга. И он сожалел, что эти таинственные гости прервут его познание этой углубляющейся связи.

Громыхающие шаги и их тяжелые звуки *фум фум*, эхом разносились по горной тропе. Кумано нехотя поднял с алтаря посох с кольцами и надел кожаный ремешок с моллюском под плащ. Шаги продолжались, медленные и неумолимые. *Фум фум*. Кумано пробно взмахнул посохом, рассекая ветер. *Фум фум*. Помимо шагов до него донеслись и другие звуки – беглые, быстрые звуки, похожие на стук нескольких челюстей. *Фум фум*. Кумано повернулся к пустому склону, где извиная горная тропа всходила к его маленькому плато. *Фум фум*. Вскоре показались и его гости.

Первые визитеры передвигались на трех, мохнатых ногах, колени которых возвышались, по крайней мере, футов на шесть от земли, а худощавые бедра были круто изогнуты вниз, соединяясь с кошмарной головой. У этих существ не было ни туловищ, ни рук. Кумано заметил, что они, по-своему, напоминали гигантских пауков, у которых оторвали половину лап. Передвигались они, также как раненные пауки, неуклюже прыгая сквозь сугробы на своих когтистых ступнях.

Одно из этих паучьих существ, переползавших через скалистые выступы, было тускло серого цвета, его мохнатые лапы были присоединены прямо к голове мертвецки старого человека. Следующее существо было белым, его лапы сливались со снегом и венчались одним оранжевым глазом без век. Последнее, полностью черное с человеческой головой без лица, вскарабкался, присоединившись к своим собратьям. Каждое из чудовищ тащило за собой тяжелую железную цепь, втягивая за собой последнего гостя, громыхавшего своими шагами вверх по тропе.

Кумано нервно сглотнул. Возвышаясь на двадцать футов от земли, одетый в черное кимоно крокодил с грудной клеткой размером с бочку, показался у края скалы. Его красная чешуя сверкала рубиновым цветом в лучах дневного солнца, отбрасывая на снег тускловатые алые отблески. Восемь массивных, мускулистых рук торчали из его тела во всех направлениях. Одна из когтистых лап, размером не меньше туловища Кумано, сжимала концы трех цепей. Две другие руки держали черную тецубо, выше его собственного роста. Широкая часть дубины была с небольшую рыболовную лодку. Остальные руки, щелкая когтями, исполняли таинственный танец в воздухе. По широкой дуге над головой крокодила парили бестелесные рты, полупрозрачные, с плотно сжатыми оранжевыми губами.

«Ками», безрадостно подумал Кумано.

- Приветствую тебя, Кумано, легендарный *ямабуши* гор, - произнес крокодил голосом, грохочущим, как обвал, - я рад, что, несмотря на слухи, нашел тебя живым. Я Какказан, Великий Ками Горного Огня. В поисках тебя, я привел с собой Ками Пепла, Обжигающего Ветра, и Черного Стекла.

Кумано церемониально поклонился, но к очевидному удивлению Какказана ничего не сказал. Гигантский ками раздраженно прокашлялся.

- Мне сказали, что ты обладаешь тайной гнева О-Кагачи. – На мгновение поднялся дикий ветер, и вся гора словно застонала. Великий ками замолк, а Кумано продолжал молча смотреть на него, не проронив ни звука, хотя сердце его сжалось. Он слышал эти слова прежде и знал, какие требования последуют за ними.

- Мне также сказали, что ками, от малых, до великих, приходили к тебе в поисках этой тайны, способной спасти ваш мир от нашего гнева. – Снова пауза, Кумано оставался молчалив и хмур. –

Наконец, мне сказали, что ни один из этих ками не вернулся с вершины этой горы, ни с твоей тайной, ни без нее.

Кумано вздохнул, расправив плечи, ветер вырвал и унес прочь туман его дыхания. Между ним и Какказаном, три младших ками неуклюже пританцовывали на концах своих цепей. Кумано жалел, что не мог остановить великого ками от произнесения своих следующих слов.

- Кумано, Мастер Ямабуши, - прогремел Какказан, - Я требую тайну, которую ты скрываешь от нас. И я требую, чтобы ты озвучил ее мне сейчас же.

Ветер ревел над плато. Кумано вдохнул морозный воздух. Все еще хмурясь, он заговорил впервые за многие месяцы.

- Великий Ками Горного Огня, - хрипло сказал он, - с сожалением говорю тебе, что твоя информация неверна. Я хочу спросить тебя о том, кто дал тебе эту информацию.

Какказан зарычал. – Средства мало что значат, маленький человек. Расскажи мне тайну. Сейчас же.

Кумано прокашлялся. – Я с радостью расскажу тебе все, что знаю, но боюсь, это вряд ли тебе пригодится. Много лет назад я отправился в это отдаленное место, чтобы медитировать о бедах нашего мира. За эти годы у меня действительно были гости, и, да, эти гости были из мира духов. Все они требовали ответов о том, чего требуешь ты. Все они отказались верить в мое неведение, и потому, все эти встречи, к сожалению, завершились смертью. – Какказан взревел в ответ на эти слова, но Кумано бесстрашно продолжал.

- И все же, я попытаюсь снова, и скажу то, что говорил тем, кто приходил до тебя. – Следующие слова Кумано были произнесены медленно и старательно, чтобы их было слышно сквозь ветер. – У меня не было тайн, когда я взбирался на эту гору, не находил я их здесь и после этого. Мы можем поговорить о холоде и скалах, ибо это все, что я познал за последние годы. Я даже подозреваю, что ты сможешь ответить на мои вопросы об этой скале, с которой я уже чувствую некоторое родство. Но у меня нет никаких тайн, Какказан, лишь жалобы на старые кости и усталые мысли. Я не могу помочь тебе.

- Ты пытаешься защитить того, что вызвал гнев О-Кагачи? – Недоверчиво проревел ками. Три мелких духа затрещали и забегали по плато, прыгая в очевидной ярости.

Кумано умоляюще поднял руку. – Я никого не пытаюсь защитить. Я не испытываю любви к Конде, и рад был бы видеть жестокую кару за его преступление. Он безумец, алчущий славы. Я лишь говорю тебе, что я не ключ к его краху, что бы тебе ни говорили. Если ты не скажешь мне, кто сбил тебя с толку, то умоляю тебя оставить меня и рассказать всем, что я не знаю ничего полезного.

Теперь тишину хранил Какказан, но это была жуткая, давящая тишина. Кумано подавил еще один вздох. Он сказал то же самое другим ками, и подозревал, что знает, чем это кончится. Кумано решил повторить свою мольбу.

- Если ты скажешь мне... - начал он, но рев Какказана прервал его мысль.

- Сегодня ты навлек на себя смерть! Я с удовольствием испепелю твою плоть! – Одним движением массивной кисти, Какказан выпустил из руки все три цепи.

Три ками бросились вперед, а их цепи исчезли в дыму. Ками Пепла, пятная снег своими серыми ногами, поставил когтистые лапы по бокам от Кумано и опустил голову. Лицо старца с гневно

сбившимися лохматыми бровями раскрыло беззубый рот в безмолвной ярости. Рот растянулся невероятно широко, и одним движением опускающейся головы, он проглотил Кумано целиком.

Кромешная тьма окружила его, и в следующий миг все тело Кумано вспыхнуло ярким желтым огнем. Языки пламени танцевали по его рукам, устремляясь к его посоху, которым он взмахнул над головой.

Послышался крик, и тьма осыпалась вокруг него, словно изрезанный бумажный домик. Хлопья пепла разлетались во все стороны, орошая каменное плато.

Кумано вновь взмахнул своим теперь уже огненным посохом, нанеся удар Ками Черного Стекла. Звук, подобный кузнечному молоту, эхом раскатился по склону, и безликая голова попятилась назад на своих черных паучьих ногах.

Острый свист справа от Кумано предупредил его о нападении Ками Обжигающего Ветра. Оранжевый глаз вспыхнул ярким светом, из него вырвался широкий ослепительный луч. Свет окатил Кумано, поджигая его одежды.

Кумано поднес к свету ладонь и произнес магическое слово. В тот же миг, в том месте, где луч коснулся его руки, свет рассыпался на тысячу мелких осколков. Плато залилось заревом под натиском чудовища, продолжавшего свое ослепляющее нападение на Кумано.

Кумано произнес еще одно слово и ткнул посохом вверх. Хотя оружие пронзило лишь воздух, ледяная скала над ками загрохотала. Спустя мгновение, глаз исчез под лавиной из снега и камней с ее вершины. Неожиданный обвал покрыл почти треть плато, и из снега осталась торчать лишь одна лапа с белой шерстью.

Черная лапа с силой ударила Кумано по щеке. Монах откатился от удара, и его зрение на миг помутилось. Ками Черного Стекла ударил еще раз, но на этот раз Кумано отбил нападение, поднявшись на одно колено. Снова звон кузнечного молота эхом прокатился по долине.

Кумано блокировал ками удар за ударом, отступая назад, пока его спина не прижалась к горному склону. Когти вновь метнулись к нему, и Кумано нагнулся, черная лапа вонзилась в обветренный камень. Пока Ками Черного Стекла пытался высвободиться, Кумано рассек своим огненным посохом его безликую голову пополам.

Как только обе половины ками рухнули на землю, новые лапы вырвались из них, подобно росткам бамбука. Кумано поморщился, поскольку теперь перед ним теперь было два Ками Черного Стекла, более мелких, чем изначальный, но в остальном неотличимые от него.

Кумано вертел огненным посохом, нанося нескончаемый поток ударов. Он взревел боевым кличем, разрывая оружием черные лапы и головы на куски. Каждый раз отрастали новые лапы, подымались новые ками, и он бил снова и снова. Десять ками превратились в двадцать, и двадцать – в сорок, каждый раз все мельче и мельче, а Кумано все орудовал своим посохом, как заточенной косой. Когда плато сплошь покрылось мелкими кусками, начинавшими подниматься, Кумано опустился на колено. Одним выкриком, он выпустил от себя кольцо огня. Черные ками зашипели и вспыхнули, уносясь со скалы с воющими порывами ветра.

Какказан не дал Кумано насладиться триумфом. С громогласным ревом, Великий Ками ударил своей громадной тецубо по ребрам отшельника. Боевой монах отлетел в сторону, и как тряпичная кукла обмяк у склона горы. Его кости хрустнули, ударившись о несгибаемую отвесную скалу.

В следующее мгновение он уже летел в воздухе - удар выбил его с поверхности плато. Кумано взглянул вверх, видя перед собой лишь синее небо. В ушах его ревел ледяной ветер.

Тень быстро затмила поле зрения Кумано, когда Какказан прыгнул всей своей двадцати футовой тушей вдогонку за *ямабуши*. Кумано чувствовал лишь ветер, треплющий его опаленные одежды, и видел лишь Великого Ками Горного Огня, чей жуткий светящийся силуэт приближался с каждым мгновением.

Кумано со стоном рухнул на землю, подняв облако снега. Не прошло и секунды, как Какказан обрушился на него. Великий Ками махал когтистыми лапами, наносил удары своей дубиной, разбивая на куски лед и покрытые снегом камни. Кумано произнес слово, обращаясь к камням под своей спиной, и гора поглотила его.

На мгновение все почернело, и после шепота благодарности от Кумано, скала извергла его на плато. Теперь он стоял в пятидесяти футах над огромным, сгорбленным силуэтом ками.

Какказан прекратил удары и озадаченно осмотрел кровь и порванную одежду, разбросанную по изрезанным камням. Кумано поднял свой посох над головой. Вместо желтого пламени, по нему теперь проходили синие разряды.

- Где ты, боевой мон... - начал Ками, и взвыл от удара молнии сверху. Вспыхнул еще один разряд, и еще один, каждый оставлял почерневшую вмятину в рубиновой чешуе Какказана. Ками вертелся на месте, выискивая своими крокодильими глазами Кумано, пока не обнаружил его над собой.

Посох *ямабуши* посылал молнии в небо, обрушивая их затем на ками, сверкающими разрядами. Молния ударила снова. Затем еще раз. Какказан поднял сразу несколько рук в тщетных попытках защититься.

И все же, атака Кумано была для него чрезмерно изнурительной. Он чувствовал, как задрожало пламя его внутреннего огня. Молнии вспыхивали с рваными интервалами. Наконец, на целое дыхание, они прекратились вовсе.

- Довольно! – Прогремел Какказан, - ХВАТИТ!

Широкий хвост ками ударил о землю, подняв облако снега. В тот же миг, парящие сомкнутые рты, окружавшие Какказана, раскрылись в ревущем крике. Вместе с криками из них вырвалось пламя.

Кумано спешно вызвал перед собой каменный щит, который расплавился в мгновение ока. Поток огня окутал его. Поначалу, его магическое сопротивление стихии огня хранило его. Он не видел ничего, кроме пляшущего инферно, ощущая отдаленный жар. Он знал, что раковина моллюска на его груди сейчас светилась, не подпуская к нему огонь. И все же, защита Кумано быстро слабела. Жар возрастал. Огонь начал жечь его кожу. Адское пламя не стихало, и вскоре Кумано уже не видел и не слышал ничего, кроме собственной боли. Плоть трещала. Рюсаки Кумано, задыхаясь, произнес последнюю молитву скале, приютившей его, и ветру, с которым он подружился за все эти годы. Он рухнул на одно колено.

Затем, подобно задутой свече, пламя погасло. В ушах Кумано шипел удаленный рев. Он моргнул залитыми кровью глазами.

Обугленные, почерневшие камни простирались на двадцать футов во все стороны вокруг него. Там, где прежде был снег, вздымались струи дыма, уносимые ветром.

Какказан взирал на него с неприкрытой ненавистью, неустойчиво раскачиваясь всем телом. Рты, парящие вокруг него, были все еще раскрыты, выдыхая пар. Крокодилье тело, еще недавно столь плотное и внушительное, теперь казалось подобным миражу. Какказан становился прозрачным, камни и снег были видны все яснее за его тушей.

Кумано улыбнулся рассеченными губами. – Ты растратил всю свою силу в этом мире, - прохрипел он, - боюсь, нам придется продолжить беседу позже. – Он откашлял немного крови.

- Верно, - прорычал Какказан, и его голос звучал отдаленным эхо, - не верь в то, что это конец, Кумано. Твоя тайна... - начал он и исчез.

- Скажи им, - хрипло простонал Кумано в пустоту. – Скажи им, что я ничего не знаю.

Он рухнул на дымящиеся камни, дрожа, сплевывая кровь, и царапая почерневшими ногтями обожженную скалу.

* * * * *

Спустя два дня, когда Кумано уже мог стоять на ногах, он подобрал свой обугленный посох и треснутую раковину моллюска. Едва ли не голый, и вновь превратившись в хилого отшельника, он начал медленный и мучительный спуск по Горам Сокезан.

Кумано взглянул вверх, на свой дом последних лет, и перевел взор на пики Сокезан. – Какказан был прав, - с болью прошептал он. – Наша битва была лишь началом. Слишком поздно уже узнавать, кто рассказывает ками о том, что я обладаю тайной, и почему. Я вернусь, благородные горы, с ответами и головой, свисающей с пояса. – Он сделал шаркающий шаг по черным камням и вздрогнул от боли.

Единственным ответом среди обнаженных скал был дикий вой ветра, пронизывающего его спину своим обжигающим холодом.

Чувство долга

Ed Stark

Шепот придворных оборвался, как только двери распахнулись, и в зал вошел Мунецугу Такено. Несмотря на то, что он находился в самом сердце Эйгандзё, внутри неприступной крепости, окруженный самыми преданными стражниками Даймё, Такено всегда ходил в полном обмундировании. «Хранящие клятву» - его катана и вакизаси висели у него на боку, он был одет в искусно украшенный доспех *до-мару* и шлем стражников Даймё, *кабуто*. Черно-белые мотивы его одеяния резко выделялись своей простотой на фоне роскоши зала, но строгое лицо, темные волосы и усы Такено удерживали даже самых богато разодетых от комментариев на тему того, как должен одеваться предводитель самураев.

Такено вошел в зал не один. Два крупных самурая в подобном обмундировании, но без шлемов, с длинными нагината в руках, шли за ним следом. Официально, все они были частью *хатамото* Даймё, поклявшись защищать своего повелителя от всех опасностей и стоять на страже его законов. Неофициально, эти двое, и еще четверо помимо них были назначены личными охранниками Такено. Даймё очень ценил Такено, и телохранители были еще одним доказательством его расположения.

Придворные видели эти знаки внимания, и никто не проронил ни слова, когда Такено прошел к парадной части зала. Трон Даймё пустовал, но предводитель самураев встал справа от него так, словно он охранял своего повелителя даже сейчас. Личные охранники Такено отошли в сторону и молча встали, наблюдая за присутствующими.

- Милорд?

Такено взглянул через незанятый трон и едва сумел подавить ухмылку. Если бы ему предстояло выбрать лучшего из советников Даймё, Ацумори Фушими отсекся бы первым. Лишь его высокое происхождение давало ему право состоять при дворе, и Повелитель Конда редко позволял ему сидеть в своем присутствии. Даймё называл Фушими змеей, и червем, и даже хуже, но никогда официально не порицал его. Тот факт, что он был здесь и осмелился заговорить с Такено, говорил самураю о том, что Даймё, вероятно, сегодня не осчастливит придворных своим присутствием.

Но что бы Такено ни думал о Фушими, самурай был слугой Даймё, и не более того. – Да, сир? – ответил он настолько вежливо, насколько мог.

- Милорд, посыльный прибыл из деревни Кодайра. Похоже, там какое-то несчастье. Жители просят помощи.

- Кодайра? - Предводитель самураев потер гладко выбритый подбородок. – Разве там нет сторожевой заставы?

Фушими кивнул. – Да, милорд, - сказал он настолько приторным голосом, что Такено невольно поморщился от отвращения, - небольшой отряд. Не более двадцати человек. Это скорее почтовая станция, в лучшем случае.

- Когда он прибыл?

Вкрадчивый придворный подхалим, казалось, задумался, затем сказал. – Полагаю, он прибыл на рассвете, милорд, или сразу после него. Он ужасно выглядел, милорд! Весь в грязи и...

- На рассвете?! – Прорычал Такено. Придворные только-только возобновили свой фоновый гул, но эти слова вновь заставили всех замолчать. – На рассвете?! Это же два часа назад, идиот!

Фушими съежился и отступил от самурая. Его манеры были столь пугающими, что два охранника за его спиной сделали шаг вперед, уверенные, что определенная степень насилия была неизбежна. Такено про себя выругал свой вспыльчивый нрав и попытался успокоить и выровнять голос.

- Почему никто тотчас же не доложил мне об этом? – спросил он тихим голосом, звучавшим, правда, как скрип колес по гравиию.

- Это... это всего лишь сторожевой пост, милорд. Никто не хотел Вас беспокоить, - быстро промямлил Фушими. Затем он указал на дверь на правой стене. – Милорд, он в вестибюле, если желаете видеть его лично.

- Конечно, я желаю видеть его лично! – Такено пронесся мимо низкого, съежившегося человека, и его охранники проследовали за ним. Он кипел от гнева. Существовали четкие *процедуры*, которые следовало соблюдать, приказы, которые обязаны были исполняться. Если бы Фушими был в его подчинении, он бы лишился своей головы в мгновение ока!

Но он не в твоём подчинении, идиот! Напомнил себе самурай. Приказы и процедуры мало что значили для этого тупоголового придворного, но они были кровью Такено. Он рванул на себя дверь, пылая от ярости от отсутствия дисциплины, с которым ему приходилось здесь сталкиваться. Он поговорит об этом с Повелителем Кондой. Он скажет...

У главного зала Даймё было много вестибюлей, не говоря уже об уединенных палатах для переговоров. Некоторые, такие, как этот, имели отдельные проходы в другие части замка. Данный вестибюль, как он догадывался, вел прямо на кухню. Его догадка подтвердилась, когда он увидел юношу, вымазанного запекшейся грязью, но одетого в форму провинциального солдата, сидящего за столом, и устало жующего рисовый шарик.

Эта картина заставила Такено резко остановиться, и он почувствовал, как его глаза наливаются кровавым туманом. Юный солдат оторвал взгляд от своей спартанской еды, увидел гневный взор самурая, и вскочил на ноги с такой неожиданностью, что его табурет перевернулся за ним, упав на пол. Парень густо залился краской и повернулся поднять табурет, но передумал поворачиваться спиной к человеку в доспехах личного охранника Даймё. Он резко выпрямился и стоял, не шелохнувшись, не осмеливаясь даже проглотить рис, все еще выпиравший за его щекой.

Такено стремительно вошел в комнату, встав вплотную к молодому солдату.

- Это так ты представляешься старшему по званию, *мальчишка*? – спросил он зловещим низким тоном.

Парень выглядел потерянным. Его лицо, как оказалось, было чистым, как и его руки. Он поперхнулся, пытаясь ответить.

- Проглоти, - ровным голосом произнес самурай, подняв кружку с водой и передав ее юноше.

Солдат принял кружку, проглотил рис, и быстро запил водой, все еще стоя по стойке смирно.

- Значит, ты решил поесть вместо того, чтобы привести себя в порядок перед старшим по званию офицером? Отвечай, мальчишка!

- Нет, сир! То есть, сир ...

- Говори же! – Прорычал Такено.

Парень замешкался, взглянул на самурая, и выпалил. – Милорд, я явился с донесением. Никто ко мне не вышел, кроме служанки, которая принесла рис и воду. Я пытался немного почиститься, сир ... - Парень начал поднимать руки вверх, в доказательство своих слов, но Такено нахмурился еще больше.

И все же красный туман сошел с его глаз. Юноша был одет в форму хикаку – легкий доспех, кожаные штаны с уплотненной задней частью, и кушак, на котором обычно крепился полевой лук или, возможно, пика. Никому, кроме личной охраны Даймё не позволялось входить с оружием во дворец. Несмотря на грязь, обмундирование парня было в хорошем состоянии, и Такено фыркнул.

- Ладно. Ни *никогда* больше не забывай следить за своей формой, парень. Заботься о ней, и она позаботится о тебе. Теперь сядь и расскажи, что происходит в Кодайре.

Юноша замялся, но когда Такено подтащил небольшой стул и уселся, то быстро поднял свой перевернутый табурет и подсел к самураю. Он все еще сидел скованно, подальше от стола, явно игнорируя простую пищу, которую уплетал всего пару мгновений назад.

- Вчера вечером вооруженная банда незуми напала на деревню, - начал юноша. Такено услышал, как один из телохранителей затаил дыхание, и отметил про себя поговорить с ним об этом позже. Телохранители должны были защищать своих подопечных, а не подслушивать разговоры, какими бы шокирующими они ни были. – Они явились неожиданно, мы не были предупреждены. Прежде чем мы смогли отреагировать, они заняли деревню и убили многих жителей.

- Как они прошли ваших скаутов? – почти небрежно спросил Такено.

Его оценка юного солдата значительно выросла, когда уставший юноша ответил защищающимся тоном, - Мы не знаем, милорд. Капитан Мацуда выставил необходимое количество пикетов снаружи, но крысы либо проскользнули мимо, либо же убили их всех. Капитан посоветовал мне доложить, что он опасается, что здесь замешана магия, однако явных доказательств этому нет.

Такено кивнул, внимательно выслушав солдата. – Хорошо. Проще всего обвинять магию, когда что-то идет не так. Крысы прирожденные проныры; если они выползли из реки, полагаю, они могли перебить ближайший пикет, не потревожив остальных. Продолжай, - приказал он.

- Капитан Мацуда выслал трех посланцев за подмогой. Я ... я не знаю, что случилось с остальными, но я добрался сюда менее чем за четыре часа.

Самурай был впечатлен. Кодайра была в сутках езды от Арабы. Ночью, преследуемый незуми, обладавшими ночным зрением – и острым нюхом – это расстояние должно было занять у него вдвое больше времени. Этот юноша был не прост.

Но сейчас было не до этого. Такено обдумал ситуацию. – Если мы выедем сейчас на полной скорости, мы сможем быть там после полудня, - размышлял он вслух. – Мы не успеем спасти деревню, но...

- Милорд, - перебил его юный солдат. – Милорд, мы можем успеть. Капитан Мацуда приказал жителям собраться в заставе. Большая их часть успела укрыться в ее стенах, до того, как незуми наводнили деревню.

- Что?! – Самурай вскочил на ноги. Прежде чем юноша смог ответить, Такено повернулся и ткнул пальцем в телохранителя. – Собери стражу! Возьми лошадей! Мы выезжаем через час!

* * * * *

Такено скакал во главе двадцати четырех хатамото Даймё. Двадцать пятый всадник мчался рядом с ним. Несмотря на усталость, юный солдат – которого звали Широ – настоял на сопровождении отряда. Самурай уважил рвение юноши и предоставил ему свежую лошадь и чистую форму.

Согласно донесению Широ, на деревню напали, по крайней мере, восемь десятков незуми. Возможно, еще большее их число могло прийти ночью, но Такено уже сражался с крысами прежде. Если они решились на общий рейд, то наводнят деревню и попытаются взять форт одной лишь своей численностью. Если нападало восемьдесят незуми, значит, их всего было восемьдесят.

И двадцать четыре лучших самураев Даймё для них были непреодолимой силой.

Такено осмотрел свой отряд, когда они приблизились к Кодайре. Шестеро из его солдат были вооружены длинными ханкю, некогда презираемыми самураями, но принятыми Такено, как отличная альтернатива для ближнего боя. Стрелы, выпущенные из ханкю, могли пробить лучшую броню до-мару, а его лучники никогда не промахивались.

Остальные воины были вооружены длинными пиками, либо нагинатами. Они ворвутся в деревню и поразят всех незуми на открытом пространстве, затем вытащат мечи и завершат работу на земле.

На самом Такено была надета хоро стражника Даймё. Он будет скакать перед своими людьми, и ни одна крыса не устоит перед ним. Это был не элегантный план, но прямой и ясный.

Сражение началось перед самыми воротами в деревню. Незуми предпочитали тьму, а отряд Даймё прибыл в разгар дня. Они вылетели из леса и помчались вдоль берега реки. К тому времени, как стражники незуми поняли, что произошло, в груди каждого из них уже красовались острые стрелы.

Солдаты Даймё без единого слова внеслись в деревню. Такено давно понял, что крики *киай* были хороши для концентрации личных ударов посреди сражения, но чем дольше нападение проходило в тишине, тем сильнее оно ослабляло противника. В данном случае, отсутствие боевых криков служило двойной цели, поскольку незуми, стоявшие за пределами выстрела стрелы от стен заставы, не слышали их приближения. Даже стук копыт двадцати пяти лошадей по мягкой земле улиц деревни не доносился до свистящих и вопящих крыс, осаждающих крошечный форт.

Один из незуми обернулся в последний момент, и Такено видел, как его яркие, красные глаза округлились (насколько это было возможно) от ужаса. Затем катана самурая со свистом обрушилась вниз, вонзившись в горло крысы. Кровь фонтаном вырвалась вверх, незуми рухнул на спину, а Такено с легкостью вывернул клинок, втопав черное тело грызуна в грязь под копытами своего коня.

Его воины были повсюду. Лучники спешили и быстро обстреливали шеренги незуми. Несмотря на то, что их всего было шестеро, казалось, на остолбеневших крыс сыпался дождь из стрел, достойный целой армии лучников.

Собственные телохранители Такено демонстрировали свое превосходное искусство верховой езды по бокам от предводителя, вращаясь из стороны в сторону, нанося режущие и колющие удары длинными нагинатами. Копья не очень хорошо подходили для верхового сражения, но каждый солдат, прошедший школу Такено, умел сражаться на скаку любым оружием.

Наконец, самурай выкрикнул собственный боевой клич, вслед за которым послышались крики *киай* от всех его людей. Большинство из них размахивали вокруг себя катанами, но некоторые спешили, для более удобного боя с мелкими, быстрыми незуми. Они сражались парами и четверками, как их обучал Такено, и, наблюдая за ними, он, неожиданно, наполнился гордостью.

Но гордость эта обернулась резкой болью, когда что-то тяжелое ударило в затылочную часть его шлема. Кабуто защитил его шею, но захрипел и, оглушенный, выпал из седла, грузно рухнув в мягкую землю. Пытаясь подняться, он поскользнулся и почувствовал, как что-то мохнатое прыгнуло ему на грудь.

- *Сдохни!* – Рявкнуло существо, замахиваясь выгнутой кусари-гама. За мгновение мысленной отстраненности Такено понял, что по голове его ударил тяжелый цеп, свисающий с рукояти острого оружия. Острый крюк незуми стремительно опускался на лицо самурая.

Но острие оружия так и не достигло цели. Коричневый силуэт метнулся слева, ударив незуми в бок. Фигура выбила крысу с распростертого самурая, и Такено с трудом поднялся на один локоть. Там, справа от него, Широ катался в грязи, борясь с головорезом незуми.

Такено поднялся на ноги, все еще слегка оглушенный от удара и падения. Он обнажил вакизаси – его катана отлетела бог знает куда – и двинулся вперед. Парень и крыс сплелись, кусаясь, борясь в грязи, и нанося удары друг другу. Самурай искал способ пронзить мохнатое существо, не ранив юношу, как вдруг раздались звуки горна.

Подняв глаза, Такено увидел, как распахнулись ворота форта. Небольшой отряд вооруженных мужчин и женщин выбежал из ворот. Их было не более двадцати, но вместе с неожиданным нападением стражников Даймё, их было вполне достаточно. Незуми, которые все еще могли ходить, начали разбежаться в сторону реки.

Когда Такено вновь опустил взгляд, он увидел, что подкрепление пришло слишком поздно. Лезвие незуми вошло в грудь Широ, и парень был мертв. Он, тем не менее, захватил своего врага с собой – умирающий юный солдат, прижал крыса к себе, вонзив клинок сквозь подбородок незуми, прямо ему в мозг. Такено склонился над ним.

- Милорд!

Самурай поднял взгляд и выпрямился. Человек с гладко выбритым лицом и темными волосами, стриженными на военный манер и завязанными в пучок, шел в его сторону. На мече мужчины была кровь, но он вытер ее тряпкой и опытным движением сунул клинок в ножны, подойдя к самураю.

- Милорд Такено, я полагаю? – спросил он.

- Это я, - ответил самурай.

Мужчина низко поклонился. – Милорд, я Капитан Мацуда, командующий заставой Кодайры. – Он взглянул на сплетенные тела и ахнул. – Я ... я вижу, Широ нашел Вас, милорд, - сбивчиво сказал он.

- Нашел, Капитан, - холодно произнес Такено. – Он исполнил свой долг. Чего я не могу сказать о тебе.

Капитан поднял встревоженный взгляд. – Милорд...

- Капитан, - резко перебил его Такено, с яростью, нарастающей в голосе. – Тебя назначили возглавлять одну из застав Конды. Этот форт – территория Даймё. Кто тебе *позволил* впустить жителей деревни внутрь?

- Милорд? Я думал о спасении деревни, милорд ... - не веря своим ушам, заикаясь, произнес мужчина.

Такено посмотрел вокруг. Многие деревенские хижины все еще стояли на месте, но большая их часть была сожжена. Все было выпотрошено. – Ты знаешь правила, Капитан. Арестовать его. – Стражники предводителя самураев шагнули вперед и взяли ошарашенного мужчину под руки, отводя его в форт.

Такено подошел к телам, лежащим на земле, и пинком оттолкнул труп крысиного убийцы из смертельных объятий Широ. Он повернул юношу на спину и аккуратно привел его в порядок. – Да, - пробормотал он сам себе, - ты знаешь правила.

Всё

Gwendolyn Kestrel

Наиболее ценные знания – те, которым никто не может научить, но которые ты все равно постигаешь. Это тайна личности. Это истина. Она может стать благословением, или проклятием.

Меня зовут Азами, я старший библиотекарь самой крупной и всеобъемлющей библиотеки во всем мире. У меня есть все, чего я когда-либо хотела, и все же, я не счастлива.

Я росла в Провинции Кавабе, вниз по реке от водопадов. Мой отец был военным и редко бывал дома. Мать изучала традиции и эпос соратами и писала о них научные труды. Она мало времени проводила со мной и с моим братом.

Мать была очень строгой. У нее было множество свитков и бумаг, к которым нам было запрещено прикасаться, не говоря уже о том, чтобы их читать. Естественно, именно эти тексты интересовали меня больше всего, поэтому я частенько крадала книги из личной библиотеки матери. Я сидела у реки и жадно глотала каждое слово.

Однажды, когда весь мир был окутан густым туманом, я стащила один свиток из ее коллекции и унесла его к реке. Мне пришлось немного подождать, пока солнце растопит утренний сумрак, и станет достаточно светло, чтобы разобрать письмена. Пока я сидела там, лениво бросая в воду ветки, и наблюдая, как их уносит течение, дух реки всплыл на поверхность и взглянул на меня. Это было странное чешуйчатое существо с дюжиной плавников и четырьмя выпученными глазами. Тогда я решила, что бы был Великий Ками. Я же была лишь маленькой девочкой.

- Что ты делаешь? – таинственным булькающим голосом спросил дух. Он, не мигая, уставился на меня, пока я собиралась с храбростью для ответа.

- Я пришла сюда почитать, о, Великий Дух, - сказала я.

- Зачем ты читаешь? – спросил он.

На этот раз я ответила без колебаний. – Чтобы получить знания.

- И это то, чего ты хочешь больше всего?

- Да, о, да, - сказала я.

Он медленно моргнул по очереди каждым из четырех своих глаз.

- Что бы ты отдала за них?

В животе у меня задрожало. Как в легендах и сказаниях старины, Великий Ками, должно быть, предлагал мне сделку.

- Всё, - прошептала я.

- Тогда они у тебя будут, - произнес дух и с всплеском исчез в реке.

Радость наполнила мое сердце. Я с нетерпением ждала исполнения своего желания. Шли дни, и ничего не происходило, но я не отчаивалась. Я продолжала красть и возвращать документы из библиотеки матери.

Спустя примерно год после этого случая с речным духом, мать заметила мое отсутствие в доме. В поисках меня она упала в реку и едва не утонула. Охваченная лихорадкой, она слегла в постель. Все попытки местного лекаря и заезжего йюши не смогли восстановить ее здоровье. Я тоже заботилась о ней, прикладывала холодную ткань ко лбу и кормила ее супом, но больше времени я проводила в ее библиотеке, чем у ее кровати. В течение одной луны она умерла.

Философы утверждают, что смерть, это лишь изменение. Со смертью матери, в моей жизни изменилось многое. Отец решил послать меня в Школу Минамо. Он сказал, что хочет, чтобы я раскрыла свой потенциал, но я-то понимала, что он просто не хотел проблем с воспитанием дочери. Таким образом, в тот же год отец также был для меня потерян. Он выслал со мной и всю библиотеку матери в помощь моему обучению.

Потеря родителей казалась мне малой ценой за обретенные возможности. Я пыталась скорбеть по матери, по отцу, по той цене, которую я заплатила за знания, но не смогла. Я чувствовала, что эти трагедии были мне неподвластны. Дух реки взымал свою плату. Я была не виновата, просто магия Великого Ками работала так, чтобы даровать мне знания.

Прежде чем отправиться в школу, я пустила бумажный кораблик с подношением из сладкого ладана и цветов по течению реки.

* * * * *

В школе я встретила Эцуми Урано. Мы обе были молодыми, смысленными, и амбициозными. При других обстоятельствах мы могли бы стать соперницами, но вместо этого, стали близкими подругами.

Прошли счастливые годы, и мы обе выросли, превратившись в красивых девушек. Мы заботились лишь друг о друге, и интересовались только нашей учебой.

Эцуми совмещала свое обучение с тренировками владения бо и различными видами магии.

Меня же восхищали древние сказания и легенды. Столько ценных знаний было обретено и затем снова утрачено. В одном ветхом от старости манускрипте я нашла отсылки к лазутчику соратами, выполнявшем задание на территории незуми. Лазутчик выкрал военные планы и журнал Генерала Сонзаки. Рискую быть пойманным, он спрятал громоздкие футляры со свитками в алтаре Храма Китаносу. Ему удалось сбежать и вернуться без документов. К тому времени, как была организована еще одна экспедиция, великая битва уже завершилась, и манускрипты утратили свою важность.

Возможно, тогда их актуальность была потеряна, но для меня, ученицы истории и традиций, честолюбивой юной ученой, жаждущей сделать собственное имя в науке, эти документы были бесценны.

Храм все еще существовал. Он располагался всего в нескольких лье вглубь территории незуми. Я убедилась Эцуми, что мы сможем прокрасться туда, отыскать манускрипты, и выскользнуть оттуда незамеченными. С ее навыками владения бо и нашими знаниями скрывающей и защитной магии, мы без труда и риска сможем отправиться туда.

Я ошибалась. Попасть туда, и пробраться в храм было сложно, но возможно. Нам удалось миновать разрозненные патрули незуми. Прокрасться мимо очимуши, храпящего в пьяном ступоре в самом храме, также оказалось выполнимо.

Поиски тайника с манускриптами в полуразрушенном, разграбленном храме заняли некоторое время. Мы нашли их, как только очимуша начал просыпаться. Он заметил, как мы уходили, и выкрикнул что-то нам в след, встревожив двух омерзительных крыс, охранявших поселение.

Один из незуми бросился в погоню за нами. Второй поднял на ноги деревню, выкрикивая, что на них напали.

Мы сильно оторвались, но преследовавший нас незуми быстро сокращал расстояние. Тяжелые свитки замедляли нас.

Мы с Эцуми очертя голову бросились бежать через болото.

- Трясина! – Выкрикнула я, на мгновение позже, чем Эцуми провалилась по бедра в топкую жижу.

- Азами, дай руку, - сказала она, сохраняя спокойствие. – Ты можешь вытащить меня на сушу. Если мы оставим свитки, нам, может, удастся убежать от незуми.

- Сначала передай мне свитки, - сказала я.

Я была не виновата, я должна была поступать так, как предписывал Великий Ками.

Прижимая к груди непромокаемый сверток, я оставила ее в болоте, медленно тонущую в трясине. Незуми скоро ее отыщет, и, скорее всего, его охота на ней и закончится. Хотя ее крики преследовали меня, громче них, все же, были воспоминания о собственном шепоте в детстве. Снова и снова, я слышала свой голос: «Всё».

* * * * *

Если раньше я была честолюбивой молодой ученой, после гибели Эцуми я с еще большим рвением погрузилась в учебу. Я публиковала научные, аннотированные версии найденных документов. Они принесли мне высокий статус в ученых кругах.

Моя самоотверженность и мои навыки вели к быстрому продвижению. Поскольку я проводила большую часть времени в библиотеке, я стала весомым авторитетом по ее части. Школа назначила меня ответственной за приобретение и каталогизацию новых рукописей. Все мои усилия оправдались.

У всех успешных людей есть завистники. Глава библиотеки, Ацую Шимазаки, поставила себе целью мешать мне при каждом удобном случае.

Я решила помириться с ней и пригласила ее на пикник на вершине водопадов. Сама я ела мало, засыпая ее едой и напитками и беседуя с ней на общие темы. Я пылко говорила о том, что хочу учиться у нее и дружить с ней, нежели враждовать. Она с удовольствием ела и пила, но не горела желанием отвечать на мои шаги к нашей дружбе. Было так неловко, что в составе салата из сладких грибов, который я подала на десерт, попался отравленный вид. И в самом деле, при всех моих знаниях, я должна была о нем знать, но ошибки случаются всегда. Небольшая порция, которую съела я, вызвала лишь тошноту, но убедила всех в моей честности и очевидности ошибки. Огромное количество салата, поглощенного Ацую, привело к мучительной, длительной болезни, навсегда лишившей ее возможности вернуться к своим обязанностям. Очень неловко, и совсем не подвластно мне.

* * * * *

Прошли годы, и я без помех достигла уважения и власти. Теперь я старший библиотекарь наиболее престижного собрания книг во всем мире.

Недавно, отряд, охотящийся на ками Великих Водопадов, приволок странного речного духа. Это было чешуйчатое существо с дюжиной плавников и тремя выпученными глазами, шрам пересекал пустую глазницу, где когда-то был четвертый глаз. Он постарел, и годы были немилосердны к нему, но я все же узнала его.

После долгих допросов, большая часть которых была мучительна для этого существа, я узнала больше, чем я когда-либо желала. Это был вовсе не Великий Ками с силой осуществления желаний. Он был простым речным духом, с не большей магической силой, чем способностью призывать мелкую рыбу. События моей жизни не были организованы манипуляциями ками, нет, ответственность за смерть матери, Эцуми, и Ацуко Шимазаки была моей, и только моей.

Груз этого знания тяжелым булыжником лег на мою душу. Как могла я быть столь наивной и легковерной? Это существо не было могущественным ками. Оно не давало мне никаких обещаний. Любопытная тварь лишь задала мне пару вопросов и пролепетала простую банальность, пожелав мне на прощанье всего хорошего.

И все же, даже сейчас я не скорблю об умерших. Я не раскаиваюсь в своих поступках. Я лишь сожалею о годах само-заблуждения. Я жила во лжи. Хуже всего, с чем я не могу смириться, и от чего мне горько, это то, что я узнала правду.

Восемь с Половиной Историй

Rei Nakazawa

Запах крови все еще густо ощущался в воздухе. Он затмевал чувствительные органы чувств кицунэ, частично оседая у него в горле. Он боролся с позывом кашля.

Восемь-с-Половиной Хвостов не выходил из деревни Сусуки - не говоря уже о путешествии на столь далекое расстояние от нее - дольше, чем он сам мог вспомнить. За это время, кошмары о ками уже растаяли в его сознании, подобно картине, слишком долго лежащей на солнце. Но хватило всего одной багровой капли, чтобы мгновенно освежить все краски на полотне.

Посох старейшины кицунэ стукнул о землю, кольца, продетые сквозь его набалдашник, зазвенели приятным мотивом, который казался неуместным посреди следов кровавой бойни вокруг него. Обломки нескольких деревянных телег, разбросанные вдоль дороги, говорили ему, что это был торговый караван, и было очевидно, что его охранники ронины мало чем смогли ему помочь. Рулоны тканей извивались в траве, сочная зелень которой была обогрета уродливыми красными пятнами. Проходя мимо, Восемь-с-Половиной Хвостов заметил разорванную мантию торговца. Это сделал не ками. Очевидно, падальщики, люди или животные, уже побывали здесь.

Перед ним слышался тихий, спокойный шепот полей с колышущимися волнами травы. Но повсюду на дороге виднелись небольшие знаки: Огромные пятна примятой или выжженной травы, странное дерево, чьи верхние ветви были обломаны, валун, наполовину втоптаный в твердую почву. Дорога являла собой путь разрушения ками; кто знал, что еще ожидало его впереди?

Восемь-с-Половиной Хвостов закрыл свои бледно-голубые глаза, постепенно приводя свой дух к спокойствию. Горы Сокензан были все еще в двух сутках ходьбы – трех, если он пойдет по протоптанному пути ками. Он подумал о своем путешествии, о содержимом простой, сплетенной из травы корзины за его спиной. Он подумал о своих соплеменниках, оставшихся в Сусуки, которые, несомненно, к этому времени уже знали, что он пропал.

Он думал о деревне Хаги, и мелких нарывах, покрывавших тела почти всех ее жителей. Чума налетела на них, как порыв летнего ветра, несущего зловония на своих крыльях. Лорд Конда наложил на деревню карантин, но негласно позволил не более пяти лекарям осмотреть жертв, стонущих, распростершись на улицах, не в силах даже промыть свои гниющие язвы.

Он отправился туда, не задумываясь о возможности заразиться. Он не помнил, чтобы он спал последующие пять дней; всю его память заполняли лица, искаженные от боли и лихорадки, руки, покрытые уродливыми нарывами, плачущие дети, припарки, целебные травы, зелья, лекарства, молитвы.

Они потеряли четверть деревни, но спасли втрое больше. Когда он проснулся после своего изнуренного сна через два дня, он обнаружил у себя шестой хвост.

* * * * *

Раньше это была ферма – это было очевидно. Но, как и караван на дороге за его спиной, она также была разрушена. Невысокий домик сложился внутрь, словно какая-то сила стянула стены друг к другу изнутри. То, что прежде служило конюшней - не более чем скромная лачуга - дымилось неподалеку под скрип колеса раздавленной телеги, вращающегося на слабом ветру.

Лишь смехотворная, крошечная рисовая поляна осталась нетронутой, ее гордые стебли ожидали жатвы, которая уже никогда не наступит.

Восемь-с-Половиной Хвостов вдруг понял, что на именно такой крошечной ферме он сам вырос. Его отец был не лордом или могучим воином, но простым лисом, строя свою жизнь лучшим из известных и доступных ему способов. И все же, даже столь скромный фермер, в глазах юного лисенка был фонтаном знаний, учащим своего сына о легендарных путях ками, о чести и силе, о самой расе кицунэ, и о том, как лисы отращивали новые хвосты каждый раз, когда совершали или узнавали что-то очень важное – о том, что лисы с девятью хвостами были мудрейшими из всех. Он вспомнил, как, будучи ребенком, задумывался о том, почему у его самого замечательного в мире отца не было девяти хвостов, и о том, как сам решил обрести их.

Но здесь, сейчас, смех и бодрые слова звучали лишь в его воспоминаниях. Никаких признаков тех, кто здесь когда-либо жил не было. Он выкрикнул, но лишь шорох колышущихся рисовых стеблей был ему ответом. Он повернулся на выход, когда едва слышный всхлип достиг его чуткого, острого слуха. Зажав кольца на своем посохе, чтобы они не звенели, он плавно обошел телегу. Там, кутаясь в своем порванном кимоно и дрожа от безымянного страха, сидела девочка человеческой расы с вымазанным грязью лицом. Она была совсем юной...

... Примерно того же возраста, что был он сам, когда услышал, что его друг, сын известного священника, был похищен бандой людей самураев ронинов ради выкупа. Не говоря ничего своему отцу, юный кицунэ сумел самостоятельно выследить похитителей, зная, что не сможет одолеть их в бою. Возвращение за помощью в деревню заняло бы слишком много времени; срок выкупа был уже близок. Побег был также невозможен, если только...

Он тихонько прокрался среди спящих самураев, связав шнурки на их обуви, подсыпав слабительных трав в их sake, и «перераспределив» золото самураев. На следующее утро, к тому времени, когда стих шум хаоса, обвинений, и драки, все похитители были либо мертвы, либо обезврежены, а два кицунэ возвращались домой, и у одного из них только что вырос второй хвост.

Осторожно, он опустился на колени рядом с девочкой, выглядывавшей из-за телеги, чтобы посмотреть, не ушел ли он. – Привет, - сказал он почти шепотом.

Но даже этот тихий звук заставил ребенка подпрыгнуть. Она попыталась удрать, но ее дрожащие ноги не смогли унести ее далеко. – Пожалуйста, - ласково продолжил кицунэ, - я здесь, чтобы помочь. – Он аккуратно провел пальцем по красному рубцу на лбу ребенка. Пробормотав несколько древних слов на лисьем языке, он брякнул посохом и помолился силам создания об облегчении. Глаза девочки расширились от удивления, когда ее рана исчезла. – Тебе лучше? – она уверено кивнула. – Хорошо. Ты одна?

Она нервно сглотнула. – Мама и Папы нет, - ответила она хриплым от жажды голосом. Не трудно было понять, что она имела в виду.

- Кто-нибудь еще остался? – в ответ девочка помотала головой. Восемь-с-Половиной Хвостов кивнул, стягивая ремни, удерживавшие корзину за его спиной. – Пойдем. Мы с собой найдем других людей. – На мгновение она замешкалась, затем вскарабкалась ему на спину, крепко обняв за шею. Лис осторожно поднялся, и они вместе покинули теперь уже полностью заброшенную ферму.

Следующим признаком жизни людей оказался небольшой торговый городок, который, как помнил Восемь-с-Половиной Хвостов, назывался Кофу. Маленькая девочка заворуженно смотрела на телеги груженные гладкими бревнами, мимо которых они проходили, на уличных торговцев, громко объявляющих о наличии свежих куриных кебабах, и на женщин в развивающихся мантиях, щебечущих и смеющихся, едва обращая внимание на весьма странную картину, неуклюже бредущую мимо них.

Как и ожидалось, неподалеку от конца главной улицы был расположен охранный пост солдат Эйгандзё. Подобные заставы должны были охранять порядок на землях Конды, и служить первой линией защиты и предупреждения о нападениях ками. Чаще, тем не менее, самураи более преуспевали во втором, чем в первом. Молодой, скучающий самурай, стоящий на посту, от удивления поднял бровь при виде подошедшей к нему пары.

- Ты далеко зашел от дома, кицунэ, - небрежно сказал он, едва касаясь рукоятки катаны. – Какие-то неприятности?

- Вроде бы никаких, - ответил Восемь-с-Половиной Хвостов, поворачиваясь и осматривая суету вокруг него. – На дороге в двух милях отсюда есть признаки нападения ками. Похоже, что вам и этому городу повезло.

Лицо самурая заметно побледнело. – Похоже на то, - сказал он, мгновенно придя в себя. – А это кто? – Он кивнул в сторону девочки, спрыгнувшей на землю и шагнувшей к Восемь-с-Половиной Хвостов, держась за его кимоно.

- Она каким-то чудом пережила нападение ками на ее дом. У нее нет семьи.

Самурай уставился на вымазанное слезами лицо девочки взглядом, едва не утопившим кицунэ в своей глубине. – Приют переполнен. Ками за последнее время нанесли большой урон этому региону. Не знаю, смогу ли...

- Уверен, Вы поступите правильно, - ответил кицунэ, нежно подталкивая девочку к самураю. – Я Вам доверяю.

... Также, как он решил довериться Стальному-Когтю, одному из своих наиболее выдающихся учеников. Юный кицунэ погружался в духовный мир быстрее любого другого ученика до него, его талант в искусстве исцеления уступал лишь самому Восемь-с-Половиной Хвостов (в то время носившем имя Мудрая-Морда). Стальной-Коготь был вдумчивым, мудрым, и готовым учить и рассуждать о философии, истории, и духовности. Восемь-с-Половиной Хвостов предрекал ему яркое будущее – возможно, он даже станет протее старейшины, и однажды займет его место...

Пока не настал день, когда Стальной-Коготь пришел к Восемь-с-Половиной Хвостов со склоненной головой. – Сенсей... - старейшина мгновенно заметил, сколько эмоции было вложено в одно это слово. – Я желаю стать самураем.

Сердце Восемь-с-Половиной Хвостов замерло. Он знал, что юный лис владел клинком не хуже, чем искусством магии. Он помнил, как часто Стальной-Коготь рассуждал о пользе открытой войны, как инструмента мира, что он происходил из долгого рода воинов кицунэ. Но это...

- Я пришел к заключению, что в мире слишком много тьмы, чтобы я мог сидеть, сложа руки. Я чувствую, что могу принести гораздо больше пользы активными действиями. Кроме того,

ходят слухи, что... - Он замолчал, и покачал головой. – Это не важно. Мои родители и старшая сестра приняли бой. Двое уже погибли, исполняя долг. Я не желаю покидать духовенство, но в последнее время, в медитациях, я все чаще чувствую, что должен быть на поле битвы. – Он взглянул своему сенсею в глаза, с прямою, которую Восемь-с-Половиной Хвостов с тех пор научился ценить и уважать. – Я пришел не просить Вашего позволения, ибо я уже все решил. Но я должен был Вам все объяснить.

Миллион аргументов звенел в ушах старейшины: соображения безопасности, философии, суждения. По крайней мере, подождать пару дней, и все обдумать, на случай, если гибель семьи затуманила разум! Но все, что сказал Восемь-с-Половиной Хвостов, было, - Я желаю тебе огромной удачи в твоих тренировках. Знай, что здесь ты всегда найдешь свой дом.

Юный кицунэ моргнул от удивления. Затем, вся его морда начала светиться. – Благодарю Вас, сенсей. Обещаю, что как только я исполню свой долг перед Камигавой, я вернусь.

- Я стану молиться об этом дне. – Еще долго после того, как Стальной-Коготь отбыл в Эйгандзё, Восемь-с-Половиной Хвостов размышлял о том, что бы он сказал, мог бы сказать, если бы не видел подобной решимости и уверенности в сердце юного кицунэ. Лишь спустя неделю, проводя свое первое обучение без Стального-Когтя, он заметил свой восьмой хвост.

Повисло долгое молчание. Наконец, юноша кивнул. – Я знаю людей, управляющих приютом. Я поговорю с ними, а до тех пор позабочусь о ней сам.

- Благодарю Вас.

Самурай опустился на одно колено перед девочкой и улыбнулся. – Иди сюда, малышка. – Она замешкалась, и подняла вопросительный взгляд на Восемь-с-Половиной Хвостов.

- Ступай. – Наконец, она подошла. Самурай взял ее на руки и встал.

- Могу ли я задать вопрос? – сказал самурай.

- Конечно.

- Я не часто вижу кицунэ в этих краях, помимо проходящих солдат армии Лорда Конды. Куда ты направляешься?

- В Сокезан, к центральным вершинам.

Самурай нахмурился. – И что там?

- Мое искупление, я надеюсь. – Не говоря больше ни слова, старейшина кицунэ отправился своей дорогой. Позднее он узнал, что девочка все еще жила в приюте. Она постепенно открывалась другим детям, но воспитатели не надеялись на то, что она, как и другие дети, будут усыновлены до окончания Войны Ками.

* * * * *

Закат был несколько часов назад, но Восемь-с-Половиной Хвостов бесстрашно шел вперед. Набалдашник его посоха излучал мягкое, теплое сияние, освещая дорогу перед ним. Он мог

пройти еще долгий путь, прежде чем устроить привал на ночь, и чем больше времени он сэкономил, тем лучше.

Земля вокруг уже начала проявлять признаки скалистых гор, в которые она вскоре превратится. Дорога была плоской и твердой, с беспорядочно торчащими валунами и булыжниками. Растительность здесь была редкой, и пыль клубами вздымалась с каждым шагом. В те далекие дни, до того, как ками обуяла ярость, это была дорога, часто используемая торговцами и путешественниками, ее называли Проход Ганзана. Конечно, это означало, что ее также облюбовали...

Восемь-с-Половиной Хвостов остановился, наострив уши. Он принялся к сухому воздуху, и его глаза метнулись из стороны в сторону. Лис крепко сжал свой посох.

- Разбойники.

В одно мгновение, они уже были повсюду: вскарабкивающиеся на валуны, выпрыгивающие из замаскированных ям, спрыгивающих с высоких выступов. Семь или восемь незуми, с жесткой, грязной шерстью, одетые в залатанные кожаные доспехи, угрожающе размахивали своими копьями и кинжалами. Казалось, наемники незуми заполнили всю Камигаву.

- Беззащитный лис, один, - издевательски ухмыльнулся один из них высоким, писклявым голосом.

- Я за милю слышал хруст твоих костей! – Выкрикнул другой.

Третий взмахнул своим копьём, с низким свистом рассекая воздух. – К тому же, даже не самурай! Священник! – Другие просто смеялись, все теснее сжимая кольцо. Восемь-с-Половиной Хвостов медленно пятился назад, к возвышающемуся валуну, и его громадной тени, отброшенной в лунном свете. Его настороженный взгляд, сначала метнулся к незуми, потом к тени, и он еще крепче сжал посох.

- Что ты нам принес, кицунэ?

- Твой посох, кажется, ценный. Может за твои хвосты нам заплатят кругленькую сумму.

Восемь-с-Половиной Хвостов почувствовал низкий рев глубоко в своем горле. – Вы стоите у меня на пути.

Смех незуми эхом прокатился между валунами. – Конечно, стоим! Как еще мы смогли бы убить и ограбить тебя?

- Я соевую вам немедленно оставить меня. – Кицунэ поднял посох, заставив незуми напрячься. – Ради вашей же безопасности.

- Любишь пустые угрозы, старая лиса? Ты либо самоубийца, либо в старческом бреде. Что, по-твоему, ты можешь нам сделать?

- Вам не обо мне нужно беспокоиться. – С этими словами, свет, лучащийся из посоха, ярко вспыхнул, и он резко взмахнул им в сторону тени. Не успели незуми и моргнуть от резкого света, как их уши наполнились жутким криком. Бесформенный пузырь чистой ночи вырвался из тени. Это был клубящийся оживший комок клейковины, чья мрачность, казалось, питалась лунным светом. Он был окружен мелкими сферами из той же субстанции, кружащими вокруг его тела, словно мухи над гниющим мясом. Существо завопило от ярости скрежещущим звуком, который походил на жуткую смесь бульканья, долгого свиста сверчка, и грубого скрипа металла, трущегося о металл. Быстро повторяя заклинание, Восемь-с-Половиной Хвостов с силой затряс своим

посохом, и звон колец усилил его магическое сияние. Комок отреагировал, выстрелив в него кусками своего тела, похожими на копья. Его клейкая субстанция мгновенно застыла, сделав копьа острыми, как бритва.

Один ослепительный взмах посоха отразил одно из копий. Прыжок на валун, и перемахивание через него, спасли его еще от двух. С изящным кувырком кицунэ приземлился на ноги как раз во время, чтобы отразить поднятым посохом еще одно копье. Он выкрикнул три древних слова, резанувшие слух незуми, и луч теплого света окутал комок тьмы.

Он разработал этот трюк, уникальный среди кицунэ, во время его первой тренировки в качестве клирика. Клирики, конечно, проходили менее строгие тренировки, в отличие от самураев, но, как часто повторяли его учителя, если враг не мог тебе навредить, то нет необходимости нападать на него. Этот его трюк, созданный, спустя месяцы изучения Принципа Превращения, позволял ему воспользоваться конкретным видом мистического оберега, и «настроить» противника на этот вид, создавая идеальную защиту против любого врага с минимальными усилиями. Его учителя были изумлены, да и сам он изумился тому, что трюк на самом деле работал. Его пятый хвост появился вскоре после этого.

Существо выстрелило еще одно клейкое копье, отскочившее от кожи кицунэ. Поменявшись ролями, Восемь-с-Половиной Хвостов подпрыгнул прямо к своему противнику. Отбив налету еще две атаки, он издал долгий, хриплый крик, и ударил набалдашником посоха прямо в гущу темного, чернильного существа. Тихо, на удивление тихо, комок померк и растворился в воздухе.

Незуми в шоке таращились на него.

- Это был...

- Ками теней.

- Он убил бы нас всех в мгновение ока.

- Кицунэ одолел его...

- Не напрягаясь.

Крысиная банда переглянулась, и уставилась на Восемь-с-Половиной Хвостов, который все еще стоял посреди них, спокойно стряхивая пыль с кимоно.

- Тебе очень повезло, кицунэ! – Выкрикнул один из разбойников, чуть громче, чем следовало. – Мы оставим тебе жизнь!

- У тебя, вероятно, все равно нет ничего, стоящего нашего времени и стараний.

- Запомни нас!

- Да, в следующий раз мы тебя не отпустим!

В считанные секунды, все незуми исчезли во тьме, оставив Восемь-с-Половиной Хвостов одного посреди дороги. Его дыхание даже не ускорилось от этой встречи, он склонил голову, пробормотав короткую, вежливую молитву, извиняясь перед ками за то, что разозлил его, и за то, что был вынужден его уничтожить. Он с грустью посмотрел на то место, где несколько мгновений назад находился ками...

...вспоминая первого kami, с которым он общался напрямую. Он был погружен в глубокий духовный покой в собственном доме, пытаясь дотянуться в своих молитвах до какуриё. Затем пролился свет – но не простой свет материального мира. Это сияние существовало лишь в его разуме, и он был мягче, теплее, и более успокаивающим, чем любой, известный ему свет. С ним заговорил kami, но не словами, но ощущениями, чувствами, и ускользящими образами. Даже тогда, его сообщение было неясным и сложным, оставив разум кицунэ бурлить обрывками мыслей и эмоций, к значению которых он не знал даже как подступиться. Но даже с этой пропастью между ними, кицунэ был преисполнен надеждой, утешенный словами kami, хотя и не мог их разобрать.

Впоследствии, до начала войны он говорил с kami множество раз, и начал понимать крошечные кусочки того, что они говорили в его снах. Вскоре после этой первой судьбоносной встречи, он обрел свой седьмой хвост.

- Ты ни в чем не виновен, - прошептал он, все еще смотря туда, где недавно находился kami. – Ты делаешь лишь то, что должен. Я же делаю то, что должен делать я. – Отталкивая восстание мыслей, пытавшихся наводнить его разум, он повернулся и продолжил свой путь в горы.

* * * * *

Теперь закутанный в свой шерстяной плащ, который он нес в корзине за спиной, Восемь-с-Половиной Хвостов брел сквозь пронизывающий холод. Пробираясь через неустойчивые валуны и редкие кустарники, он не слышал ничего, кроме собственного хриплого дыхания, и случайного эхо. Эхом иногда было рычание, иногда звонкое хихиканье. Kami и гоблины акки густо населяли горы Сокезан, и Восемь-с-Половиной Хвостов был рад, что долина Шинка, логово огра отшельника, находилась далеко отсюда. Он уже был вынужден карабкаться по долгому, рискованному подъему через едва ли не отвесный обрыв, во избежание мощного присутствия kami, которое он сумел вовремя почувствовать. Он постоянно должен был следить за возможными ловушками, западнями, и прочими опасными сюрпризами, которыми акки усеивали всю свою территорию.

Впервые он услышал о подобных проказах еще в детстве. Совсем юный кицунэ, Восемь-с-Половиной Хвостов (хотя тогда его еще так не называли) услышал от других детей, что в их поселок был доставлен самурай человеческой расы. Он никогда прежде не видел людей, поэтому, исполненный любопытства, прокрался в храм и хорошенько осмотрелся. Он выяснил, что серьезно раненный самурай добрался до рощи, неподалеку отсюда, и рухнул без сил. Человек лежал там неизвестно сколько времени, пока его не обнаружил фермер, и не притащил его в храм за помощью. Доспех самурая был опален, лицо и руки сильно обгорели. От его вида у юного Восемь-с-Половиной Хвостов свело живот. Хуже того, человек оставался в сознании, и лисенок видел агонию в глазах несчастного человека.

- Что случилось? – осторожно спросил один из священников.

- Патруль... Сокезан... - его ослабленный голос был едва слышен. – Мы наткнулись на какую-то лавовую ловушку... вокруг нас хохотали... акки...

Другой священник кивнул. – Акки известны своими жуткими розыгрышами.

- Похоже, этот человек был ранен более суток назад. Мы должны поторопиться.

Восемь-с-Половиной Хвостов наблюдал с восхищением за тем, как клирики произносили заклинания, молились, и прикладывали пахучие травы. Боль человека разрывала сердце лисенка, как ничто другое. Прежде чем он осознал, что делает, он вышел из своего укрытия и тихо принялся помогать священникам, которые отнеслись к его присутствию без малейшего удивления. Весь тот день его лапы и голос работали ради того человека, словно его душа уже тогда знала, что нужно было делать. В итоге, все было тщетно; самурай умер. Юный кицунэ не мог отвести глаз от трупа, чувствуя, как скорбь заполняет его разум. Один из священников коснулся его плеча.

- Ты сделал его последние часы менее мучительными. Ты поступил правильно.

В тот самый день он и решил стать клириком. В тот самый день у него появился третий хвост.

Несмотря на то, что полуденное солнце было в зените, кицунэ почти не видел своего дыхания, клубящегося перед ним. Он знал, что был уже близок к цели, что было весьма кстати – он не был снаряжен для дальнейшего подъема. Одинокий крик, сложная смесь звериного и человеческого голосов, раздался с одной из отдаленных вершин. Восемь-с-Половиной Хвостов натянул плащ потуже, и принялся перепрыгивать с валуна на валун. Если карта и память его не подводили...

Плато простиралось на пятьдесят футов вширь, необычно крупное плоское место посреди острых и крутых гор Сокезан. Земля была все еще усеяна кусками доспехов и выгоревших частей скелетов со следами от зубов различных хищников. Восемь-с-Половиной Хвостов прошел сквозь этот мрачный сад, осторожно ступая так, чтобы не потревожить замерзшие останки. Его острые лисьи глаза настороженно метались по сторонам. Эти кости были не просто остатками того, что когда-то было сильнейшим батальоном самураев Лорда Конды. Они были потенциальными марионетками, ожидавшие своего танца под дудку ками смерти или возмездия. Его лапы напряглись, готовые взмахнуть посохом при малейшем движении костяной руки, или тишайшем стонущем шепоте из пустого черепа.

Завывал горный ветер. Холод, давящая тишина и одиночество сказали ему о том, что должен был чувствовать этот вырезанный батальон, погибая в этом заброшенном, пустынном месте. Шепотом произнося молитву за мертвых, Восемь-с-Половиной Хвостов продолжал свои мрачные поиски. Вой ветра перерос в рев, гортанный, чудовищный, звучащий совсем рядом. Горный зверь? Голодный ками? Проказы акки? Это было не важно. Он ускорил поиски.

Наконец, он нашел то, что искал – на первый взгляд, катана казалась обычной, но ножны рядом с ней ни с чем нельзя было спутать. Восемь-с-Половиной Хвостов осмотрел землю в поисках останков владельца клинка, но ни одни из ближайших костей не подходили. Качая головой, он осторожно поднял катану, вложил ее обратно в ножны, и сунул за пояс. Его миссия была выполнена, и он медленно направился к спуску.

* * * * *

Открывшийся перед ним вид наполнил его бóльшим ужасом, чем незуми, ками, или горы Сокезан. Простая хижина с соломенной крышей была подавляюще обычной, и все же... Он постучал в дверь. Юная самка кицунэ открыла ему, расширив глаза от удивления. – Сенсей?

Он никогда не ожидал, что его будут называть «сенсей». Как мог он стать достойным подобного титула? Его собственный учитель не питал надежд на новое поколение. – Они бесцельны, - говорил он. - Они не знают, ни кем они хотят быть, ни чего они хотят от Камигавы.

- Но разве Вы не учите их тому, чтобы они сами искали свой путь? – спрашивал тогда он.

- Конечно. Но это не значит, что им не нужны наставления, и, боюсь, что найти хороших проводников становится все труднее.

Он размышлял об этом долго и глубоко. Сейчас он был одним из наиболее известных клириков кичунэ в Камигаве. Он сам мог выбрать любой храм для служения; он даже получил приглашение стать личным лекарем Лорда Конды. Но... Возможно, это было самонадеянно, но, может быть, он мог стать тем проводником, которого его учитель не смог отыскать. Возможно, он мог использовать свое положение, чтобы стать светом, ведущим Камигаву туда, куда она действительно хотела двигаться.

Многие из клириков пытались отговорить его от того, чтобы остаться в деревне и стать простым учителем. И все же, хотя никто не осознавал, как далеко его учения могли завести его, когда он обрел свой четвертый хвост, он знал, что принял верное решение.

Нефритовый-Коготь отпила чаю, не сводя глаз с катаны. – Не могу поверить, что Вы отправились так далеко.

- Это было меньшее, что я мог сделать для твоего брата. Я не смог отыскать его останки, но этот предмет не менее важен.

- Его катана... - Она подняла ее и повернула в своих лапах. – Помню, как он ей гордился. Знаете, она раньше принадлежала нашей матери. Он был так уверен, что она принесет ему умения и удачу...

- Ками суровые противники, - тихо произнес Восемь-с-Половиной Хвостов.

- Он говорил о Вас возвышенно, вплоть до самого конца. Он чувствовал, что всем обязан Вам.

- Это я обязан ему.

Нефритовый-Коготь наклонила голову. – Я не понимаю.

- Все в порядке. – Он встал. – Мне нужно идти. Я слишком долго был вдали от своего храма.

- Погодите. – Она протянула ему катану. – Я знаю, он хотел бы, чтобы она была у Вас.

- Но я не достоин...

- Я не знаю никого, кто бы лучше смог хранить дух и память о Серебряном-Когте, чем Вы. Прошу Вас. – Ее глаза были широко распахнуты, и в них читалась настойчивость. Спустя несколько долгих мгновений, он уступил.

- Я лишь надеюсь, что однажды буду достоин, носить ее. – Он повернулся к выходу; как только он встал к ней спиной, он услышал, как она ахнула. Он поморщился; Он все думал, когда кто-нибудь заметит.

- Сенсей Девять Хвостов! Что... что случилось с Вашим...?

Он вышел без ответа.

* * * * *

Почему я не отказал? Вопрос стучал сквозь его мысли всю дорогу домой, и даже теперь, когда он сидел в своей скромной комнате. Он должен был отказаться от катаны. У него были на то все причины. Так, почему же он взял ее?

Это было напоминание. Напоминание о его ошибке, и необходимости искупления.

Он нахмурился. – Это весьма необычно.

Но это пожелание самого Лорда Конды, - ответила Леди Жемчужное-Ухо. – Он всецело уверен в Вас и Ваших клириках. К тому же, он сказал, что Вы были единственным во всей Камигаве, способным выполнить это задание.

- Я благодарен ему за его уверенность, но я не вполне уверен в том, чего он добивается. Он запрашивает очень сложную медитацию с прониканием в природу и духовные энергии ками. Я не вижу, как все это связано.

- Лорд Конда желает, чтобы это пока оставалось в тайне. Он знает, что Вы уважите это.

- Конечно. – И он уважил; три недели мысли о цели работы не проникали в его разум. Затем, за три дня до того, как он собирался передать Конде плоды своих трудов, его осенило тревожное осознание. Эти ритуалы, обереги, молитвы, и заклинания, которые он открыл или создал, были способны манипулировать с барьером между материальным и духовным мирами, пробить рейкай и использовать потустороннюю энергию. Тень сомнения прошла сквозь его мысли, тень, которую он быстро подавил. Какое ему до этого дело? Лишь безумец попытался бы оскорбить духов подобной магией, а Лорд Конда уж точно не был безумцем. Кроме того, были и другие пути, где пригодилась бы эта информация, хоть он и не мог сейчас придумать ни одного из них...

Нет, лучше завершить работу и передать ее результат. Конда желал обладать этой информацией, и вполне мог иметь намерения, которыми не мог делиться. Разве он не заслужил доверие и верность кицунэ...?

Мне очень жаль, - прошептал Восемь-с-Половиной Хвостов катане в своих лапах. – Я тот, кто убил тебя. Если бы я только знал, что Конда... - Он покачал головой, и открыл широкий алтарь, встроенный в одну из стен его комнаты.

Внутри лежал небольшой пучок белой шерсти, с обеих сторон перевязанный веревкой.

Старейшина кицунэ Девять Хвостов крепко сжал церемониальный нож. Лишь пару лет назад, он обрел свой девятый хвост, став духовным лидером всех кицунэ. Тогда это была большая честь. Теперь это стало клеймом позора.

- Я не заслуживаю этого, - прошептал он. – Пока последствия моих действий продолжают убивать невинных. – Он почти слышал, как Война Ками пылала снаружи, как и в его голове. Он все еще дрожал под давлением осознания того, что его действия были направлены на разжигание войны. Он не знал наверняка, была ли его работа как-то связана с войной, но струны глубоко в его сердце настаивали на том, что он прекрасно знал правду.

Ему пришлось зажмурить глаза, когда нож впился в шерсть его хвоста.

Он никогда никому не сможет рассказать, почему он отрезал половину своего хвоста – не сможет, пока продолжалась Война Ками, возможно, даже, после нее. Это будет либо предательством, либо признанием ответственности на сотни, возможно, тысячи смертей. Это была лишь крошечная часть его платы за свою слепоту. Это была крошечная цена за его искупление.

Станным образом, этот кусок шерсти напомнил ему то, что когда-то сказал его отец. Когда Восемь-с-Половиной Хвостов родился, на его хвосте, совершенно белом, как у большинства новорожденных кицунэ, была черная полоса. Это, утверждал его отец, был знак, знамение, что его сына ждала великая судьба, и что он вырастет, чтобы изменить мир.

Восемь-с-Половиной Хвостов фыркнул. Он и в самом деле изменил мир.

Он вложил катану в алтарь, рядом с куском своего хвоста. Может быть, однажды у него будет хоть часть той чести, которой обладал ее владелец. Возможно, настанет день, когда он будет достоин и остатка своего хвоста. Может, когда-нибудь, его неустанный поиск искупления, наконец, приведет его к столь желанному миру для Камигавы и для него самого.

Но не сегодня.

Безопасность

Gwendolyn Kestrel

Три ночи назад, охранники незуми деревни Китаносу, услышали в отдалении отчетливый, тревожный шум, похожий на тысячи стонущих, рыдающих, и вопящих в эмоциональной или физической агонии голосов. Испугавшись, они доложили об этом старейшинам деревни.

Старейшины долго спорили, но к решению не пришли.

Две ночи назад, охранники услышали тот же шум. Некоторые говорили, что он стал громче, словно, ближе, другие утверждали, что он был мягче, словно удаляясь.

Взволнованные и озадаченные старейшины пришли к выводу, что решения у них все еще нет. Они выслали гонца к уважаемой шаманке, Раздвоенному-Языку. Она жила в нескольких милях от деревни и славилась своим умом, заработавшим ей много богатств и власти. Путешествие туда и обратно заняло у избранного для этого задания гонца, крепкого и надежного бегуна по имени Шустрая-Лапа, целый день.

Вечерело. В сумерках, два охранника нервно переминались на своем посту.

- Луна окроплена кровью, - сказал Белый-Ус, нервно оттягивая на своей темной морде единственный желтоватый ус, из-за которого его так прозвали.

- Не смотри на луну, высматривай Шуструю-Лапу, - посоветовала Гнилое-Дыхание. Она нервно прохаживалась, всматриваясь в темень, словно могла ускорить бегуна одной силой воли.

- Что-нибудь слышишь?

- Еще слишком рано. В прошлые две ночи все начиналось после полуночи.

- Но я уже что-то слышу.

До них донесся низкий стон, но не из болот за пределами деревни, а между охранниками и поселением.

Белый-Ус и Гнилое-Дыхание резко развернулись, вынув мечи. От страха, наконечники их клинков тряслись в воздухе, когда незуми направили их в темень.

Стон сменился смехом, и на свет к ним вышел вымазанный грязью воин человеческой расы в перекошенном доспехе.

- Сонокура! – Хором выкрикнули незуми.

- Мы могли тебя убить! – Сказала Гнилое-Дыхание, со свежими силами взмахивая мечом.

- Я пришел помочь вам нести вахту, - небрежно промямлил воин.

Сонокура был наемником очимушей, жившим в их деревне. Он пришел в поселение незуми почти год назад, избитый и помятый после неизвестного сражения или потасовки. Изначально он планировал провести «Пару ночей в старом храме». Ночь сменяла ночь, и Сонокура втянулся в повседневные дела. Когда у него были деньги он пил в деревенском трактире, ночуя в полуразрушенном храме. Когда деньги заканчивались, он проводил пару дней в болотах, в

поисках брони или оружия, подлежащих ремонту, собирая достаточно сырья для покупки очередной бутылки.

- На мели, да? – заметил Белый-Ус. Сонокура, добродушный по своей натуре, работал только тогда, когда ему нужны были деньги.

- Да, знаете, не очень хочется уходить далеко, - сказал он. Рядом с деревней ничего ценного уже не найдешь. Здесь все было прочесано вдоль и поперек. – Старейшины предложили мне пару монет за участие в сегодняшней вахте.

- То есть, ты взял их, пропил, и теперь пришел к нам, - съязвила Гнилое-Дыхание. – От тебя несет пивом.

- А от тебя несет... - Сонокура знал, что совершает ошибку. Никто не говорил Гнилому-Дыханию о ее запахе без крепкой взбучки. Сонокура быстро искал какой-нибудь способ выкрутиться. – Эй, это не Шустрая-Лапа возвращается?

Пуум, щелк. Пуум, щелк. Пуум, щелк.

Хотя это задумывалось им, как блеф, тихий, ритмичный стук когтистых лап по дороге, ведущей к деревне, слышался в ночной мгле.

Явно изнуренный Шустрая-Лапа бежал к деревне.

Старейшины, - задыхался он. – Я должен видеть старейшин.

* * * * *

Срочные новости Шустрой-Лапы встревожили старейшин. Они созвали общий сбор, чтобы поделиться новостями.

- Итак, Раздвоенный-Язык говорит, что звуки, которые мы слышали, исходят от Хороби, ками смертельного стопа. Она советует, ради защиты деревни от этого ками, каждую третью ночь, когда мы будем слышать его стон, приносить ему на пожирание жертву, - подвел итог Седая-Бровь, старейший и наиболее почитаемый незуми. – Мы решили в дальнейшем выслать охотничьи отряды для поимки подходящих жертв. Тем не менее, сегодня как раз третья ночь. Нам нужно жертвоприношение. Есть ли добровольцы?

Фоновое бормотание и сторонние обсуждения резко оборвались. Лишь тишина была ответом на вопрос старейшины.

Наконец, вдалеке, собравшиеся незуми услышали нервные подтрунивания охранников, стоящих на вахте.

- Сонокура, - пробормотал один незуми.

- Сонокура, - более уверенно сказал другой.

- Человек, - слышался еще один голос.

Собравшиеся живо ухватились за чужака, в качестве избранной жертвы.

Толпа бросилась из импровизированного зала заседаний, и хлынула к охранникам. Благодаря фактору неожиданности и огромному количеству, они быстро одолели очимушу. Гнилое-Дыхание и Белый-Ус обменялись сочувственными взглядами, и их руки сжались на рукоятках мечей, но никто из них не встал на защиту Сонокуры.

Седая-Бровь повел толпу чуть поодаль от поселения. Там, они связали Сонокуру.

- Что вы делаете? – спросил наемник, высоким от страха голосом.

- То, что нужно, - ответил Серая-Бровь. – Жертвоприношение для Хороби.

Сонокура замолчал. Он смотрел на собравшихся незуми и видел лишь облегчение на их лицах. У него не было ни сторонников, ни шанса на спасение.

- Нужно заставить его стонать и кричать, чтобы kami принял подношение, - напомнил Шустрая-Лапа об инструкциях Раздвоенного-Языка.

- Делай, что должен, - ответил Серая-Бровь.

Как опытный бегун, Шустрая-Лапа со знанием дела перерезал сухожилия на ноге Сонокуры, похоронив любые надежды наемника на побег. Сонокура завопил от острой боли.

- Назад, в деревню, - приказал Серая-Бровь. – Всем оставаться внутри до рассвета.

Жители разбежались по домам.

Седая-Бровь стоял на вахте вместе с Гнилым-Дыханием и Белым-Усом. Никто из них не проронил ни слова. Все они напряженно всматривались в болото. Небольшой фонарь освещал связанный силуэт Сонокуры. Очимуша звал на помощь и вопил от боли. Гнилое-дыхание закрывала глаза при самых громких или наиболее мучительных воплях.

Вскоре, хор стонов и стенаний присоединился к крикам Сонокуры. Приближался kami. Вдвое выше человеческого роста, с лицом подобным рогатому черепу. Его черная мантия, окаймленная белой шерстью, парила над землей, когда он подлетал к наемнику. В колышущихся складках ткани мантии появлялись и исчезали лица. На мгновение kami замер, склонив голову на бок, словно прислушиваясь к мелодии криков Сонокуры. Очимуша начал умолять сохранить ему жизнь, пытаясь уползти от страшного духа. Kami подлетел ближе, и кожа Сонокуры начала искажаться и рваться, словно ее разрывали невидимые руки. Охваченные агонией, его глаза закатились в глазницах. Стоны становились все громче, и несметные черви и личинки выползли из почвы, проникая в раны Сонокуры. Силуэт kami медленно накрыл собой тело очимуши, и от наемника вскоре осталась нелепая масса из личинок, червей, и костей. Вопящий голос Сонокуры слился в хоре криков и стонов kami, неспешно скрывшегося во тьме.

* * * * *

Раздвоенный-Язык сидела в своей сокровищнице, проводя руками по большим сундукам с золотом. Она подняла серебряный кувшин, украшенный дорогими камнями и золотой филигранью. Поднеся его к свету, она подумала, - В безопасности, мои симпатяшки. У меня вы будете в безопасности. Мерзкий kami не сможет отобрать вас у меня. – Она надела опаловое ожерелье в золотой оправе. – Хитрость Раздвоенного-Языка сохранит вас. Пока деревня Китаносу будет продолжать кормить Хороби, он не оставит их, и будет держаться далеко от нас, мои симпатяшки. Очень далеко.

Поручение Дракона

Или, как Кики-Джики, Разбиватель Зеркал получил свое имя.

Alexander O. Smith

- Ты доставил мне много проблем, гоблинское отродье. – Мелоку прохаживался кругами по просторному залу, ступая по тусклым нефритовым прожилкам, паутиной расходившимся по мраморному полу. Он потер виски длинными тонкими пальцами. Как посол соратами, он проводил множество дознаний – в конце концов, для принятия взвешенных решений, нужна была информация – но некоторые из них были довольно... раздражающими. Он ожидал от этих наземных обитателей несколько большего, чем воровство, и другие мелкие пакости, но чтобы здесь, в его собственных покоях! Эта дерзость была больше, чем личное оскорбление; это был щелчок по носу всем небесным жителям, мерзкое мариане бледного великолепия луны, надругательство, осквернение...

Мелоку вздохнул и взглянул на своего узника, подвешенного в центре зала под длинным, перевернутым шпилем, выступающим, подобно сталактиту из белого мрамора из-под сводчатого потолка. От узника к шпилью тянулась серебристая веревка – единственное, что удерживало его навесу. В десяти футах под ним располагалось идеально круглое отверстие в полу. Под ней не было ничего, кроме туманных облаков и двух тысяч футов пустого пространства над волнами далекого океана. Узник слегка помахал руками, и медленно завертелся по кругу. Хотя, по сравнению с Мелоку, он ростом достигал бы лишь талии соратами, акки, все же, был крупным для своей расы, и веревка казалась слишком тонкой, чтобы долго выдерживать его вес. Он уже жалел, что сожрал все созревшие *бивы* с дерева в саду, на пути сюда. Они выглядели такими аппетитными, такими сладкими. Он словно слышал, как они звали его к себе... Капля пота собралась между грубыми наростами у него на лбу, и стекла вниз, между глаз, к кончику заостренного носа, где она, казалось, вечность висела, покачиваясь, прежде чем сорваться вниз, сквозь отверстие в полу, где она была сметена в пустоту ветрами, обдувающими фундамент летающего дворца. Акки нервно сглотнул.

Мелоку прекратил прохаживаться и поднял бровь. – Знаешь, есть и другие способы заставить тебя говорить. – Он вытащил узкий кинжал из-за пояса, и окинул взором веревку над головой акки. – И все же, думаю, я дам тебе последний шанс стать цивилизованнее, *Кики-Джики*. – Акки напрягся. – Да, я знаю, кто ты, - улыбаясь, сказал Мелоку, - мои зеркала показывают очень многое... хотя, признаю, мне было физически больно, даже со стороны наблюдать за твоими грязными собратями, кувыркающимися в грязи и бьющими друг друга камнями по голове. – Мелоку покачал головой, и снова принялся прохаживаться по кругу.

- Ты Кики-Джики, молодой бунтарь акки, как, я полагаю, ты о себе думаешь. Ты родился четвертым ребенком в семье, был вышвырнут после того, как использовал сестру в качестве булыжника, в тренировке по метанию камней через лаву, и научил старших, но, очевидно, более тупых братьев игре «подразни *они*». Ты пережил эти шалости, равно, как и гнев своей обширной семьи лишь благодаря способности быстро бегать... но ни в одном зеркале я не увидел ничего, чтобы указывало на то, где во всей Камигаве ты спрятал мою жемчужину, не говоря уже об объяснении того, как тебе удалось проникнуть в облачный дворец безо всяких видимых транспортных средств! – Мелоку сделал глубокий вдох и поднял глаза, его тонкие губы выгнулись в холодной улыбке. – Скажи-ка мне, ибо я очень хочу знать, когда это акки научились *летать*?

* * * * *

Что за день. Кики-Джики вынул коричневатый комок из левой ноздри и стряхнул его в низкий жасминовый куст, проросший сквозь щель в камнях на отвесной скале. Он нахмурился, когда куст

поднялся с места, преисполненный растительной ярости встряхнул листья в его сторону, и убежал прочь. Что-то здесь было не так, и он точно знал, что именно; он лишь не мог вспомнить подходящее слово. Это было то место, где происходила всякая странная ерунда безо всяких причин, обычно с помощью какого-то колдуна, или пакостного *ками*. *Мах*-что-то там. Кики-Джики почесал голову и смерил взглядом горячую, песчаную тропу под ногами. *Как всегда – очередной тупик*. Он провел большую часть утра, карабкаясь по этим скалам в поисках проклятого грота, который он вчера увидел с дальнего утеса. Он видел арку пещеры, блеск заходящего солнца на поверхности озера в ней. Ах, это уже бесило его! Он практически уже чувствовал запах рыбы и слепых пещерных жаб-альбиносов... Он готов был поклясться желчным пузырем Духа-Покровителя, что слышал журчание воды. Но, где? Повсюду вокруг были лишь сухие, раскаленные камни.

Еда.

Последнее, что он съел, был кусок черствого червячного хлеба месячной давности, который Паку-Паку метнул в него, когда он убегал из пещеры. Это был хороший бросок. Он размозжил бы Кики-Джики голову, если бы он не заслонился от него украденной грязевой уткой. Он надеялся получить пару яиц от этой костлявой птицы, но после случая с хлебом, она обмякла, как пещерный слизень, и ночью, когда он укрылся в старом расколотом молнией дереве, он ощипал ее, лишь для того, чтобы обнаружить, что костей в ней было все равно больше, чем мяса. Поэтому, он съел черствый червячный хлеб, потеряв один из здоровых зубов в процессе. Теперь он погибал от голода. Кики-Джики пробрался сквозь камни в том направлении, где ему казалось, что он слышал шум реки, его брюхо бурлило, а голова была забита мыслями о... нет, вообще-то, она тоже была почти пуста. Сейчас им руководил желудок.

Он вышел на какую-то гладкую местность, осмотрел землю, рыская глазами во все стороны, выискивая жуков, ящериц, кости, что-угодно... взгляд его, наконец, упал на клочок зелени в тени пары валунов в паре шагов от него. Кики-Джики подбежал и потыкал пальцем ростки травы, чтобы убедиться, что они не были враждебны, затем нагнулся – и услышал воду! Он быстрым движением прижался чутким ухом к земле. Да! Она была там, внизу, под камнями! Ох, как умно – это была *подземная* река! Он тут же принялся рыть землю когтями. Его руки были созданы для копания, а земля вокруг камней была сухой и рассыпчатой. В считанные секунды он вырыл значительную яму, почти вмещавшую его самого. Скоро он уже будет пировать рыбой, улитками и слизнями! Кики-Джики поднялся над своей работой и издал победный визг, триумфально тряс небесам грязными кулаками ... как вдруг, земля под его ногами обрушилась, и он выпал в открытое пространство, плюхнувшись лицом в темный, бурный поток.

Маленькая, жалкая рыбка-с-ногами, рыскающая когтями в воде, жаждущая света. Обернись, мелкая рыбка. Не одну тебя мучает голод.

Кики-Джики открыл глаза и оценил ситуацию. Он был в очень темном, в основном, сухом месте – ах, да, пещера – это было хорошо, и под край его панциря угодила крупная рыбина. Ее можно размозжить о камни и съесть, что тоже было хорошо. Однако у него было смутное подозрение, что единственным выходом из этого места был тот же путь, каким он сюда попал, и это было плохо. Он чувствовал ледяные брызги от ужасно холодной подземной реки, вытекавшей из трещины в стене на расстоянии руки от него, и исчезавшей в какой-то расщелине в глубине пещеры. Да, река принесла его сюда, во всяком случае, он мог сделать такой вывод из того, что он был мокрый, с рыбой под панцирем; и поскольку он обнаружил, что не может ничего вспомнить за последние пять минут. Он копал – это он помнил. А потом обрывки падения, обрывки барахтанья, потом много холодных, темных и мокрых обрывков, а потом... голос.

Он чихнул и вздрогнул. Кто-то, или что-то разговаривало с ним! Он осмотрелся вокруг. Его крупные глаза привыкли к темноте и уже различали тусклый внутренний свет, исходящий от какого-то мха на потолке, но насколько он понимал, здесь не было никого, кто бы скрывался в

тенях. Он посмотрел вниз, на слепые глаза своей добычи в руках. Рыба – голос назвал его рыбой. Что ж, кто бы это ни был, он был довольно глуп, чтобы перепутать акки с рыбой. Большинство акки не умели плавать. Капи-Чапи отлично справлялась с потоком лавы, конечно, но она, в общем-то, все равно не выплыла, и, кроме того, она была в жуткой форме. Кики-Джики хихикнул от воспоминаний, и откусил рыбе голову. В воду он больше ни за что не полезет, но если ему выпало умереть здесь, по крайней мере, он не будет голодным!

* * * * *

Желудок Кики-Джики зарычал. Он часами прохаживался взад, вперед, и полностью исследовал свою темницу уже пять раз. Единственной его находкой было то, что он ошибался насчет возможных выходов. В стене пещеры, наиболее удаленной от темной реки, где тени были самыми темными, было место, где земля резко обрывалась в широкую трещину, которая простиралась до дальней стены пещеры. Здесь он сейчас и сидел. Болтая ногами над краем обрыва, он быстро устал от игры «Я камешек, послушай, как я кричу, улетаю к своей смерти», которая так увлекала его в детстве, и в половозрелом возрасте, и даже сейчас. Но все равно у него закончились камешки. Единственное, что он мог теперь бросить вниз, был жесткий, колючий хвост рыбы, которую он поймал своим панцирем, но он его хранил, как последнее лакомство, прежде чем тьма поглотит его. Слишком долго ждать, подумал он, подняв хвост и раскрыв рот – как, вдруг, порыв ветра, неожиданно, вырвался из пропасти, и вырвал рыбий хвост прямо у него из руки.

Кики-Джики вскрикнул в смятении, когда хвост затрепетался в порыве ветра, затем повернулся и начал падать в расщелину. Его инстинкты требовали, чтобы он бросился за едой, поскольку, какой бы она ни была колючей и костистой, она была всем, что у него было – и все же он удержался. Никто в своем уме не прыгнет в пропасть за жалким рыбьим хвостом! Затем могучая сила схватила его со всей силой и яростью древнего родственника, пытавшегося сдавить его до неестественных размеров – это был желудок, и желудку перечить было нельзя. Кики-Джики ухмыльнулся и бросился в темноту. Он съест этот хвост, даже если это будет последнее, что он сделает в этой жизни. И что-то подсказывало ему, когда он неся вниз, в кромешную тьму, что так оно и будет.

Умная рыбка, нашла мое логово с такой уверенностью. Глупая рыбка, ибо теперь ты должна умереть.

Кики-Джики подскочил. Что-то было совсем не так, и у него зародилось немалое подозрение, что дело было не только в мах-штучке. Во-первых, он не ожидал приземлиться так быстро после прыжка, особенно, учитывая, что он приземлился, насколько он понимал, на воздух – воздух, который чувствовался столь же твердым, как панцирь старейшины, и больно ему было так же, как при посадке на указанного старейшину (наказание, которое он часто испытывал за различные свои шалости). Еще более странным было то, что он собственными глазами видел себя, *продолжавшего падать* в пропасть. Проклятье, он уже почти поймал рыбий хвост, когда, вдруг, увидел себя, скрывшегося из вида.

Открой глаза, маленькая рыбка. Узри того, кто прикончит тебя. Узри меня.

Кики-Джики ахнул. Он уже не стоял на пустоте. Он стоял в самом центре еще одной пещеры, более-менее округлой, и несколько большего размера, чем первая. Он не видел здесь потолка, а стены были довольно странными. Казалось, они были созданы из мерцающих синеватых панелей, каждая размером с него. Панели слегка напользали друг на друга. Их было около пятидесяти. И у каждой панели... постойте. Он был не один. Там, перед каждой панелью, стояли жуткие, низкорослые существа. Он обернулся по кругу, и, да, они стояли вдоль стен за его спиной, тоже!

Они пялились на него налитыми кровью глазами, выглядывавшими по обе стороны мерзких, заостренных носов. О, как же они были уродливы! Кики-Джики пал на колени и поднял руки, показывая, что он был безоружен, и, как один, мерзкие существа пали на пол и подняли руки, в издевательском подобии его жеста! Они точно сожрут его, они были злыми, жестокими, они были... акки? Кики-Джики почесал голову. Пятьдесят акки почесали свои головы. Он поднялся на одну ногу и попрыгал по кругу; все пятьдесят повторили каждое его движение. Зеркала! Он был в комнате, полной зеркал!

Он слышал, что в Камигаве были люди, которые изобрели способ заморозить поверхность воды, и повесить ее на стену. Конечный результат они называли «зеркало», но это был первый раз, когда он видел его вживую. Он подбежал к одному и осмотрел его вплотную, но затем заметил кое-что на полу. Рыбий хвост! О, его удача явно поворачивалась к нему лицом. Он быстро сгреб хвост и открыл рот...

Ты меня видишь, маленькая рыбка?

Кики-Джики выронил хвост и прикусил язык. Голос, как он мог забыть про голос? По всей комнате зеркальные панели начали скользить в сторону, и теперь в стене открылся проем. И там, из мрака за стеной, появилась гигантская, синяя, змеиная голова. Ноги Кики-Джики затряслись и подкосились. Нижняя часть его панциря грохнулась на землю. Слезы наполнили его глаза, наблюдающие за тем, как громадная голова подползала все ближе, а панели, смещаясь и изгибаясь, выстраивались в ряд позади нее. Священный, лавой обожженный хвост Духа-Покровителя! Это были не зеркала, это были... это была... чешуя.

Я здесь.

Рю; великий дракон. Его голос эхом раздавался в голове Кики-Джики. О, он был большой, огромный, необъятный. Он, вероятно, был, к тому же, старым, и если Кики-Джики хоть что-то понимал в стариках, то это то, что они все были вздорными.

Я древнее, чем само время, испуганная рыбка. Жизни твоего вида для меня подобны краткой перемене течения. Я видел, как кольца росли на гигантских глубинных устрицах, и наблюдал, как их раковины превращались в песок. Моя чешуя ярче любого бриллианта на земле, и мой гнев пылает жарче любого огня в горах. И я зол, рыбка-с-ногами, очень зол, ибо у меня было похищено нечто ценное.

Вся жизнь Кики-Джики промелькнула перед его глазами. Его братья и сестры в их домашней пещере, бьющие его камнями. Его отец, отогнавший их; затем, ухмыляясь, бьющий его еще большим камнем. Его мать, подзывающая его к себе; затем бьющая его наотмашь особенно крупным и заточенным камнем. Он лихорадочно выискивал хорошие воспоминания, что-нибудь, где была бы хотя бы еда. Но все закончилось слишком быстро. Все. Это был конец. Он съежился перед *рю* и, всхлипывая, затолкал рыбий хвост себе в рот. Кость застряла у него во рту, и он начал тихонько хныкать и кашлять. Он чувствовал, как дыхание великого ящера окатывало его, подобно волне прибоя. Оно пахлодохлой рыбой. Глаза Кики-Джики закатились, и он рухнул на землю без чувств.

Темнота...

Маленькая рыбка-с-панцирем... маленькая рыбка...

Голос! Если бы только он оставил его в покое. Дал ему умереть хоть с каким-то достоинством. Ладно, это уже, возможно, слишком многое, но, по крайней мере, он мог бы побыть наедине с собой перед смертью.

У тебя хватило ума найти мое логово, ты очень умная рыбка. Возможно, ты мне понадобишься...

* * * * *

Сияло солнце. Мимо проплывали белые облака. И птицы... птицы латали по всему синему небу. Кики-Джики плыл на лодке, покачиваясь на волнах океана. Так спокойно, так умиротворенно. Ни пещеры, ни зеркальной чешуи, и голоса в голове. Он улыбнулся. Он почувствовал, как лодка поднялась на растущей волне, и пышное белоснежное облако подлетело ближе. Такое мягкое, такое милое. – Привет, облако... - Облако устремилось вниз и скрылось под ним. Древний Панцирь! Он не плыл на лодке! Он летел! Он взглянул вниз и увидел собственное лицо, смотрящее на него из яркой зеркальной, синеватой чешуи. Он сидел верхом на спине *рю*! Теперь он вспомнил – голос говорил, что хочет, чтобы он раздобыл что-то, что было украдено, какую-то бесценную жемчужину, спрятанную в летающем дворце...

Кики-Джики поднял голову и увидел его, видневшегося вдали: невероятный дворец, который, казалось, вырастал из облаков. Его шпили ослепительно сверкали на солнце. Он видел огромные арки и площади, и повсюду на ветру скользили повозки, похожие на колесницы, взад, вперед, между главным дворцом и внешними облаками с меньшими башнями с пагодами на крышах. Это были палаты соратами, лунного народа, высокой, холодной расы, парящей в воздухе, и мало заботящейся о земных жителях, и меньше всего, об акки. Он слышал рассказы о Карателе Зо-Зу, поведшем самых отважных акки на учения по метанию камней неподалеку от того места, где обычно летали колесницы соратами. И в обугленных останках собратьев, Кики-Джики собственными глазами видел, на что была способна их могущественная *ма... мах...*

Магия.

- Магия! – Прокричал Кики-Джики, перекрикивая вой ветра. Вот это слово! Он усмехнулся от удовольствия и почти не соскользнул со спины *рю*, но огромный зверь извивался в небе, удерживая своего наездника в равновесии. – Но, погоди – если соратами обладали магией, разве они не увидят нас?

Они увидят быстрое облако, не более, маленькая рыбка. Соратами мудры и опасливы, но они не владеют небесами. Здесь обитают многие существа, гораздо более древние, чем они.

Рю отклонился влево, облетая вокруг темной грозовой тучи.

Вот эта туча, это райджин, ками грома. Горе той колеснице соратами, что пролетит под его грозовой пеленой.

- Ладно, - сказал Кики-Джики, нервно сглотнув. – Но что будет, когда ты высадишь меня у дворца, что тогда? – Но древний *рю* лишь улыбнулся. Его чешуя сверкала отраженным светом блестящих минаретов и узких, загнутых контрфорсов. Они прибыли.

* * * * *

Кики-Джики с жадностью набросился на свою пятую *биву* с облепленного плодами фруктового дерева на площади, и обдумал свой следующий шаг. Какими же странными были эти соратами со своими просторными, открытыми залами! Он ожидал, что внутри дворца будет хоть чуточку уютно, немного полу-обтесанных скал, может быть, капельку пещерного мха. А все это стекло и

мрамор вызывали у него оторопь, к тому же, в широких залах было непросто оставаться незамеченным. Он, пригнувшись, юркнул в коридор, шлепая ногами по нарисованным облакам на холодном плиточном полу. Должно быть, он был рядом с палатами посла, о которых говорил *рю*. За углом слышались голоса, направлявшиеся в его сторону. Кики-Джики укрылся за крупным нефритовым барельефом, похожим на огромный рот с крыльями.

- ... и вот, земной догузо говорит мне, «*ками* забирают у нас всё, всё! Когда они заберут у нас саму землю, на чем мы будем стоять!» А я ему говорю, «Проблема, однако».

Кики-Джики слышал разговор голосов, завершившийся холодным смехом, когда два соратами выплыли из-за ближайшего прохода и проплыли мимо его укрытия. Они были высокими и худыми, одетыми в длинные мантии цвета индиго, украшенными странными, переплетенными символами и мерцающими золотыми нитями. У одного из них были красные манжеты, и казалось, что узоры на его кимоно переливались и смещались на ходу. *Это, должно быть, посол*. Кики-Джики подождал, пока они не исчезли в одной из палат за его спиной, прежде чем выскользнуть из-за странной статуи и юркнуть в проход.

Он вошел в покои, более пышно украшенные, чем все, что он видел прежде с момента появления во дворце. Колонны сияющей зелени нефрита стояли вокруг комнаты, контрастируя с белыми и серыми переливами мраморных стен. В нишах каждой стены палаты стояли элегантные канделябры, вырезанные из белой кости. Они были пусты, но излучали мерцающий свет от языков пламени, парящих в паре дюймов над подсвечниками. На дальней стене, в центре плотного гобелена с подкладкой из золотой парчи, была вышита огромная луна, которая, казалось, парила над тканью, озаряя дальнюю половину зала собственным бледным светом. Кики-Джики показалось, что тень луны двигалась, даже когда он неподвижно стоял на месте, наблюдая за ней. Снова магия. Его взгляд скользнул вниз по шелку, под серебряные кисточки, образующие горизонт, над которым восходила луна, и там, окутанная тусклым гобеленным лунным светом, на чугунном пьедестале покоилась крупная жемчужина. Жемчужина *рю*.

Ладони Кики-Джики сжались в кулаки, и он на мгновение замешкался. Что если это была ловушка? Что если соратами наложили на жемчужину какое-нибудь жуткое заклятье трансформации, и когда он ее схватит, то превратится в что-то... что-то, хуже, чем акки! *Что если все это задание – трюк, подстроенный моей семьей, чтобы проучить меня?* Нет, большая часть его родственников не смогли бы проконтролировать свои кишки, если бы увидели настоящего *рю*, не говоря уже о том, чтобы уговорить его помочь им с каким-то хитроумным розыгрышем. Кики-Джики ухмыльнулся, представляя своих дядюшек и тетюшек, разбегавшихся во все стороны от его нового друга. Он откусил последний кусок зрелой бивы и отшвырнул огрызок на кушетку из тонкого шелка. Тот скатился на пол, оставив за собой на обшивке склизкий органический след. Отряхнув руки, Кики-Джики подошел к пьедесталу, схватил жемчужину, которая оказалась размером с его голову, и гораздо, гораздо тяжелее. Он развернулся уходить, но замер на месте.

За ним следили. Боковым зрением он видел, как кто-то стоял в ближайшей нише, за канделябром. Кики-Джики чувствовал вес жемчужины в ладонях. *Рю* не уточнял, что жемчужина непременно должна была быть в определенном состоянии, и если Кики-Джики что-то умел, так это метать крупные предметы в людей. Одним плавным движением, он развернулся и поднял жемчужину обеими руками над головой – и фигура в нише проделала в точности то же самое. *Еще одно зеркало!* Он едва не рассмеялся в голос. Обхватив жемчужину рукой, он прогулялся к нише и отодвинул канделябр в сторону. Вот это было подходящее зеркало: идеальный овал чистейшего отражающего стекла в золотой раме, украшенной мелкими сапфирами и рубинами. В этой оправе отражение Кики-Джики выглядело чертовски хорошо. Его острый нос был дерзким, синие глаза ярко сияли, руки были длинными и... пустыми?

Кики-Джики взглянул на жемчужину. Да, она была на месте, под его правой подмышкой, тяжелая, как младенец без сознания. Он взглянул в зеркало. У его отражения рука была вынута странным

манером, но жемчужины не было! Он положил жемчужину на пол, и снова поднял глаза. Отражение встретилось с ним взглядом. Он почесал подбородок. Отражение почесало свой. Он улыбнулся, и отражение улыбнулось в ответ, затем оно высунуло язык и громко фыркнуло! На мгновение Кики-Джики подумал, что это сделал он – его рот не первый раз проделывал что-то подобное без его разрешения – но он взглянул вниз и убедился, что его язык был там, где ему было положено быть, за зубами. Он вновь поднял глаза. Теперь его отражение махало ему пальцем! *Наглое отражение! Думаешь, ты такое умное?* В ярости Кики-Джики нагнулся и подобрал жемчужину. Он медленно поднял ее над головой и ухмыльнулся своему отражению. Лицо отражения затуманилось, и оно поднесло руки ко рту. Кажется, оно что-то кричало, но Кики-Джики не слышал слов. – Кому теперь весело? – сказал Кики-Джики, врезав жемчужиной в лицо отражению.

Раздался оглушительный звон. Жемчужина отскочила от зеркала и ударилась о панцирь Кики-Джики. Он развернулся, отчаянно пытаясь не дать жемчужине упасть на мраморный пол, и треснуть, или того хуже: наделать больше шума. Он поднял взгляд, осматривая нанесенный ущерб, и там, стоя перед нишей и отряхиваясь от осколков зеркала, стояло его отражение! – Ты кто? – спросил Кики-Джики.

- Я Кики-Джики! – ответило его отражение.

- Нет, это я Кики-Джики!

Из коридора снаружи послышались голоса – соратами, несомненно, шли сюда, проверить, что это был за шум. Кики-Джики злобно взглянул на свое отражение. – Слушай, - сказал он громким шепотом, заглушая звон последних осколков зеркала, упавших на пол. – Мне не нравится, как ты выглядишь, но если мы не объединимся, мы оба улетим в лаву, как грязевые утки. – Его отражение кивнуло. – Сюда, - сказал Кики-Джики, и, сунув жемчужину подмышку, бросился к двери. Его отражение не отставало.

Им повезло. Посол соратами не успел дойти до входа в палату. Оба Кики-Джики резко свернули за угол и выскочили на просторный внутренний двор. Кики-Джики остановился и повернулся к своему отражению. – Слушай, мне нужно вернуться к *рю*.

- И мне! – Сказало отражение.

Кики-Джики думал быстро, что было для него впервой, и было подобно чуду, но похлопать себя по панцирю ему придется позже. Дело было не закончено. – Эээ, слушай – давай разделимся. Я пойду налево, к тому шпилю, а ты на право, через вон ту площадь. Потом встретимся за дворцом с *рю*. Это даст нам больше шансов!

Его отражение подозрительно нахмурилось.

Проклятье.

Кики-Джики попробовал иную тактику. – Эй, собери побольше *бивы* по пути, ладно?

Отражение улыбнулось. То же лицо, видимо, и желудок тот же. Кики-Джики вздрогнул, когда его отражение помчалось через площадь. Неужели его так просто можно было провести? Ему предстоит над этим поработать. Он повернулся и побежал обратно, к маленькой пагоде, где *рю* обещал подобрать его. Солнце грело его панцирь, и жемчужина, почему-то, уже не казалась тяжелой.

Рю мчался сквозь полосу белых облаков, виляя из стороны в сторону, огибая стаи высоко летающих гигантских мотыльков, разлетающихся, как обрывки бумаги вслед *рю*. Жемчужина, зажатая в его массивных челюстях, мягко светилась на фоне красного света заходящего солнца. На спине дракона, сидел Кики-Джики в редком состоянии раздумья. Затем он выпрямился и прокричал сквозь воющий ветер. – Как думаешь, что стало с моим отражением?

Он теперь узник посла соратами.

- О, - сказал, хмурясь, Кики-Джики. – Мне че-то неприятно бросать его там. В смысле, семья это одно, но он... это я!

Не волнуйся, смелая рыбка. Отражения твоего вида еще более эфемерны, чем ты сам. Он там не задержится. Возрадуйся, рыбка-с-рогами, великий разбиватель зеркал. Ты отлично справился.

Кики-Джики не знал, что значило слово «эфемерный», но оно звучало, как какая-то магия, которая позволит его отражению сбежать, и это было хорошо. Он вздохнул с облегчением и взглянул вниз, на далекую землю. Под ним проплывал тот обрыв, на который он вскарабкался только вчера, а за ним горы, из которых он вышел... где жила его семья. Кики-Джики шлепнул себя по панцирю. Ему нужно было наделать больше отражений! Он представил себе десятки его самого, безудержно носящихся в пещерах, и затрясся от удовольствия. Ему живо представился его отец с распахнутым ртом от наполненного ужасом удивления, погребенный под толпой Кики-Джики! Он прокричал сквозь ветер, - Надо было прихватить больше тех зеркал!

Что может дать тебе зеркало, кроме того, что ты можешь ему показать? Магия была твоей, рыбка.

Погоди, - вскричал Кики-Джики, почесывая между костными наростами на лбу. – Ты хочешь сказать, я могу наделать больше отражений, когда захочу? Мне не нужны зеркала? – *Рю* ничего не ответил, но акки показалось, он почувствовал странную вибрацию сквозь огромную синеватую чешую. Раскаты, похожие на... смех! Дракон смеялся! Резким движением они обвились вокруг облака, и устремились вниз, к бескрайним холмам.

Рю пообещал отвезти его к заброшенному фруктовому саду, в котором было множество плодовых деревьев и жирных слизней. Там также будет пруд с чистой водой, думал Кики-Джики – место, где он сможет испытать свой новый талант. Акки усмехнулся. День, в конце концов, обещал быть весьма удачным.

* * * * *

Высоко в облачном дворце, Мелоку прекратил прохаживаться. Сверля пленника своим жестким взглядом, он улыбнулся. – Я правда надеялся, что до этого не дойдет, ибо мне претит варварство, но ты не оставляешь мне выбора. Давай-ка мы перережем веревку, и собственными глазами увидим это чудо полета акки! – Свисающий с серебряной веревки, акки завизжал и задержался, от чего он начал медленно раскачиваться назад, вперед, и визжать еще больше. – Мне это не доставляет удовольствия, *Кики-Джики*, уверяю тебя, - сказал Мелоку с блеском удовлетворения в глазах, вытащил кинжал, и воспарил над полом, ближе к шпилью и беспомощному пленнику. Он замер в воздухе. Что-то было не так. Акки больше не визжал. Более того, он был совершенно неподвижен, замерев на месте. Мелоку поднял бровь, и ахнул, когда акки *раскололся* на тысячи блестящих осколков, осыпавшихся неожиданным дождем, исчезнувшем в эфире, не достигнув

пола. Все, что осталось от узника – скрученная веревка, бесполезно свисавшая с потолочного шпильки. Мелочу потер виски своими длинными, тонкими пальцами. Да, это действительно был наиболее *раздражительный* допрос.

* * * * *

В скрытом гроте у подземной реки, огромный синий *рю* свернулся во тьме вокруг жемчужины, тускло сиявшей, словно накопившей тепло и свет солнечных лучей за время путешествия с облачного дворца.

Спи, дитя мое, и расти сильным. Скоро ты вылупишься и займешь свое место среди водопадов и туманов, и звезд этого мира. Ты станешь есть мидий из морских глубин, и сладкую росу облаков, и рыбу, что ходит по твоей земле. Только... поосторожнее с теми, у которых есть панцирь.

Неблагодарное дитя

История про Инаме, Ками Жизни и Смерти

Rei Nakazawa

Полуденная медитация Досана была прервана мокрым, шершавым языком, лижущим ему лицо. Вернув свой дух к телу, он открыл глаза и увидел перед собой нос серого волчонка с широко распахнутыми глазами, часто дышащего, обдавая его лицо запахом риса и рыбы. Прежде чем он смог пошевелиться, морда волчонка неожиданно сменилась столь же любопытным человеческим лицом с розовыми щеками, обрамленными грубо остриженными, грязными черными волосами.

- Учитель Досан! – Выкрикнул Риё. – Смотрите, что я нашел!

- Вижу... - все, что смог сказать сейчас старый монах. Шерсть дружелюбной зверушки щекотала ему покрытый морщинами лоб. Он осторожно поднял руку и вытер слюну, капающую с одной из его белоснежных бровей.

- Он был совсем один в лесу! Я осмотрел все кругом, но нигде не смог отыскать его мать! Я назвал его Кенжиро! Он съел весь мой обед, но мне не жалко! – Шестилетний мальчик, одетый в простую холщевую одежду, танцевал на лесной поляне с явно сбитым с толку волчонком. Риё входил в одну из последних волн беженцев, искавших укрытия от ками. В отличие от многих скитальцев, таких, как он, его родители выжили, и были одними из немногих, проявивших себя искренними искателями просвещения и кому было позволено остаться при монастыре.

- Риё, - начал Досан все тем же ровным, спокойным голосом, с которым он в равной степени общался, как со своими наиболее близкими учениками, так и со свирепейшими узниками незуми, - где твои родители?

Мальчик прекратил танцевать, отчего обалдевшему волчонку явно полегчало. Лицо мальчика помрачнело. – Сегодня их очередь работать в полях. Они сказали мне, что если мне что-нибудь понадобится, я смогу обратиться к Вам.

- Это, конечно, так. – Он наблюдал, как Риё чесал шерсть на голове волчонка; звереныш ворчал и обнюхивал лицо мальчика. – Ты в чем-то нуждаешься, молодой человек?

- Нет. – Лицо мальчика исказилось в смеси растерянности и страха. – Не знаю. – Он плюхнулся на землю перед Досаном, скрестив ноги так, чтобы держать на них пищущего щенка. Досан протянул руку и нежно почесал волчонку между ушей; тот едва не заурчал в ответ.

У Досана было сегодня много дел, много чего предстояло спланировать с его монахами будока, многое обдумать и понять. Но он не поднялся со своего места на поляне. – Если тебя что-то тревожит, расскажи мне, прошу.

Риё надул губы, прижимая волчонка к груди. – Мама говорит, что мне нельзя оставить Кенжиро. Говорит, у него есть своя настоящая семья. Это не честно! – Слезинка вытекла из одного его глаза, которую он быстро вытер. – Все мои друзья остались в столице. Их отцы решили остаться и сражаться с ками, защищая город! Я бы мог помочь им в битве! А теперь я здесь, у меня нет друзей, и мама хочет, чтобы я отдал своего единственного друга. – Он обнял волчонка, прислонившись щекой к его шерсти. – Это не честно! – Повторил он.

Досан мгновение смотрел на ребенка, давая утихнуть позыву мальчика заплакать, прежде чем продолжить говорить. – Хочешь послушать историю?

Риё моргнул; несмотря на то, что он был новеньким в лесу, и в монастыре, даже он знал, что это было что-то необычное. – Историю?

- Да. Возможно, она поможет тебе лучше понять, о чем думают твои родители. Хочешь послушать? – Это был вопрос, который Досан задавал постоянно, и по выпрямленной спине и широко раскрытым глазам, он полагал, что ответ был «да». Даже Кенжиро перестал ерзать и поднял глаза на старого монаха в своей собачьей версии восхищения.

В ранние дни вселенной, - начал Досан, - когда вода еще не решила течь под гору, а звездам все еще требовалось подумать, стоило ли им светить, существовали Kami. Рожденные Великой Пустотой, они дрейфовали бесшумно, во сне, дольше, чем существует все сущее, пока не начали просыпаться. Несчастливые и одинокие в Пустоте, они начали делать то, что делали в то время все Kami: создавать. Видишь ли, когда кроме Пустоты ничего не было, Kami начинали с чистых душ, белых и нетронутых, ожидавших собственными руками написать на них свои личности и мечты. Целые миры идей, безграничных чудес и жутких кошмаров были тогда выдуманы, и столь же быстро уничтожены. Прошло еще больше времени, больше, чем могут представить люди, прежде чем создатели были удовлетворены, и начали строить то, что мы сегодня зовем Камигавой.

Но не все Kami знали собственный путь. Был один молодой, новорожденный, в глазах Kami, которого звали Инаме, который все еще не знал, кем он хотел стать. Он был все еще бесформенным существом сырой идеи, но не вещества, жаждущим вылепить что-то из себя, но не знающим, что именно. Он наблюдал, как его старшие братья и сестры вращали землю и небеса, и переполнялся как благоговением, так и завистью, что сам не смог до них додуматься. Одной лишь силой воли они стали древними, могущественными Kami, которых мы знаем и сегодня. Но у Инаме, который был все еще лишь ребенком, несмотря на свое могущество, не обладал ни волей, ни ощущением собственного предназначения, которые требовались для того, чтобы создать из себя собственное существо. Он мало чего знал о себе, и о вселенной вокруг него. Тогда он решил посоветоваться со своими родственниками. Конечно, они смогут обучить его способам существования, и с радостью помогут ему найти свою судьбу.

Сначала он подошел к одному из братьев, Kami хаоса. – Чего ты хочешь, маленький брат? – прокричал он. – Ты прерываешь мою важную работу! Лучше бы это стоило твоего вмешательства!

- Прости меня, брат, - сказал Инаме, кланяясь его ярости, - но я смиренно прошу твоей помощи. Я хочу иметь форму и предназначение.

- О, неужели? И ты пришел ко мне? – несколько долгих мгновений он размышлял. – Думаю, я могу попробовать. Пойдем, братец, я покажу тебе, что делаю я. Кто знает, может, тебе это даже понравится.

- А что ты делаешь?

Kami рассмеялся. – Какой же ты несмышленный! Разве ты никогда не замечал порядка, который связывает все вокруг? Разве не наскучивает тебе вся эта постоянность всего сущего? Я привношу хаос, азарт, изменения! Пойдем, ты сам увидишь, как ярываю оковы порядка!

И Инаме проследовал за своим братом. Даже в те древние времена, хаос был разрушительной силой, каким мы его знаем сегодня. Планеты сражались с планетами, солнца с солнцами, и звезды кружили в постоянной борьбе за выживание. Инаме наблюдал за тем, как его брат с ликованием проводил эти войны. Он даже присоединился к нему, помогая распространять созданный им хаос. Инаме помогал брату тысячи лет. Но со временем, ему стало противно беспричинное разрушение. И тогда он сказал, - Прости меня, брат, но я должен уйти.

- Уйти? – вскипел яростью брат. – Но я показал тебе чудеса хаоса! Мощь моего безграничного гнева! Разве ты не чувствуешь себя лучше, срывая свое раздражение на этих никчемных мирах?

- Должен признать, чувствую. Но я не желаю следовать твоему пути.

- Тогда ты глупец. Что ж, хорошо. Оставь меня. Возможно, когда ты повзрослеешь, ты поймешь, необходимость моей работы. – Он отвернулся от Инаме и продолжил свой путь разрушения, быстро позабыв о малом каму, с которым работал так долго. Инаме продолжил поиски своего предназначения.

Затем он подошел к одной из своих сестер, каму, светящейся ослепительным светом. – Ты молодец, что навестил меня, маленький братец, - тихо сказала она. – Я всегда готова помочь малышам. Чего ты хочешь?

- Прости меня, сестра, - сказал Инаме, кланяясь ее щедрости, - но я смиренно прошу твоей помощи. Я хочу иметь форму и предназначение.

- Я рада, что ты пришел ко мне, братишка. Возможно, я могу тебе помочь. Сядь рядом, чтобы ты мог видеть, какую роль я играю во вселенной.

- Что это за роль?

- Ах, я вижу, ты пока еще не постиг всех путей жизни. Я стараюсь осветить все, что иначе будет потеряно во мраке. Его так много, и он растекается дальше, чем даже мы, каму, можем себе вообразить. Я сижу, и отдаю свой свет, в надежде, что мои скромные усилия помогут отринуть тьму, хотя бы ненадолго. Сядь, и посмотри на то, что ты сможешь увидеть, когда Пустота уходит прочь.

И Инаме сел рядом с сестрой. В те ранние дни, Пустота все еще простиралась над всем сущим. Того малого света, что давали звезды было вовсе недостаточно, чтобы пробить хоть крошечное отверстие в пелене всепоглощающей темноты. Инаме помогал сестре тысячи лет, излучая столько света, сколько в нем было ради славного дела. Но со временем, ему наскучило бесконечное бездействие. Поэтому он сказал, - Прости меня сестра, но я должен уйти.

- Правда? – спросила она, и ее лицо исказилось озадаченностью. – Но я показала тебе важность света. Величие того, что скрыто в тени. Разве ты не чувствуешь себя хорошо, вкладывая свой свет в мою жизненно важную работу?

- Должен признать, чувствую. Но я не желаю следовать твоему пути.

- Понимаю. Что ж, хорошо. Желаю тебе удачи в твоих поисках. Я лишь надеюсь, что однажды ты повзрослеешь достаточно, чтобы понять важность моего труда. – Она отвернулась от Инаме и продолжила излучать свет, быстро позабыв о малом каму, с которым она работала так долго. Инаме продолжил поиски собственного предназначения.

Наконец, он подошел к одному из братьев, каму знания и изучения. – Приветствую тебя, маленький братец, - сказал он. – Ты прерываешь важное исследование. Прошу, скажи побыстрее, чего ты хочешь от меня.

- Прости меня, брат, - сказал Инаме, кланяясь его мудрости, - но я смиренно прошу твоей помощи. Я хочу иметь форму и предназначение.

- Тогда ты поступил очень мудро, придя ко мне. Уверен, что смогу показать тебе правильный путь. Пойдем со мной, братишка, и учись вместе со мной.

- Учиться чему?

- Похоже, я переоценил твою мудрость; в тебе все еще видна юность. Ответ на твой вопрос: все и вся. Все сущее только завершило свое создание; с каждой секундой возникает все больше и больше чудес. Я жажду испытать эти чудеса, впитать их, понять их. Каждый шаг, это новое приключение. Сам увидишь, если пойдешь со мной.

И Инаме пошел за братом. В те ранние дни, все было новым и свежим, поэтому для изучения существовала бескрайняя вселенная. Оба ками разведали ее всю, Инаме помогал брату находить новые факты и новый опыт. Тысячи лет они путешествовали по всему сущему, выискивая, пробуя, и исследуя его. Но со временем Инаме устал от постоянных исследований. Поэтому он сказал, - Прости меня, брат, но я должен уйти.

- Уйти? – переспросил его брат отвлеченным голосом. – Но я показал тебе все чудеса вселенной. Вкус еще непознанных знаний. Разве ты не чувствуешь любопытство от того, что еще ты мог бы помочь мне узнать?

- Должен признать, чувствую. Но я не желаю следовать твоему пути.

- Тогда, прошу тебя оставить меня. Мне еще столько всего нужно отыскать, и я должен приступить немедленно. Я лишь надеюсь, что, когда ты вырастешь, ты разделишь мою любознательность. – Он отвернулся от Инаме и исчез, быстро позабыв о малом ками, с которым он так долго работал.

Раздосадованный Инаме думал сотни лет. Его родственники были мудры, искренни, но никто из них по-настоящему не хотел помочь ему, но лишь использовал его в продвижении собственной работы. Они смотрели сверху вниз на его юность и бесформенность, отмечая его нужды, в пользу своих собственных. Спрашивать других ками было бесполезно; они сделают то же самое. Но куда еще ему было обратиться? Если бы только существовало что-то, кроме ками, некто, у кого он смог бы научиться, и с кем бы он мог поговорить...

Идея ворвалась в его разум с силой цунами. Возможно, ничего, кроме ками не существовало, тогда почему бы не **создать** нечто подобное? Охваченный этой новой мыслью, он тотчас же приступил к работе, смешивая материю, энергию и свет в своих пальцах. Когда эта новая жизнь начала обретать форму, очертания начали проявляться и у него самого. Его тело стало длинным и зеленым, волосы огненно-красными, а на спине раскрылись крылья из листьев. Но он едва ли заметил это; все его внимание было обращено к работе. В отличие от других ками, он не экспериментировал со своим созданием, после чего отбрасывал его, не удовлетворившись результатом. Он позволил своим инстинктам вести его, радуясь любой форме, рождавшейся в его воображении. Это заняло сотни лет, но он нашел форму, удовлетворившую его. Наконец, он лишь прикоснулся силой своей духовной жизни к своему созданию, и в тот миг было рождено первое Дитя ками, впервые с начала времен. Так, Инаме стал ками жизни.

Первыми словами Ребенка было приветствие: «Здравствуй, Отец». Действительно, Инаме был первым и, возможно, величайшим из Отцов, ибо его усилия вели к рождению человечества. Его предназначение было более чудесным, чем он мог себе вообразить.

Поначалу, Ребенок всюду следовал за Инаме, задавая вопросы о жизни и предназначении, так же, как в свое время задавал их и он сам. Инаме знал, что, несмотря на свое обретенное предназначение, существовало очень многое во вселенной, чего он не понимал – в этом смысле, он походил на собственное Дитя. Поэтому, вместо того, чтобы говорить Ребенку, что ему

делать, или куда ходить, он предложил вместе отправиться исследовать вселенную, следуя любым путем, каким им пожелается. На отдаленной планете, Ребенок удовлетворил собственный каприз, и сплел собственное создание: нежные растения с мягкими, разноцветными стеблями, наполненные сладким ароматом, которого Инаме никогда не чувствовал прежде. Вскоре, планета вспыхнула красками, наполненная пылью сотен тысяч весенних дней. Так, Ребенок стал первым каму цветов, которым Инаме был невероятно доволен.

Для Инаме, он был больше, чем его Дитя: он был частью его самого. Он был знаком его старшим братьям о том, что он уже не был столь молод, чтобы обрести свое предназначение. Ребенок стал его истинным предназначением. Словно вселенная во всей своей красе сложилась так, что он смог создать эту первую искру жизни.

Вскоре, присутствие первого нового каму стало ощущаться более могущественными родственниками Инаме. Все великие каму были довольны созданием этой новой вещи, под названием жизнь, и они осадили своего брата просьбами о новых формах жизни. Каму безграничной ярости теперь обладал живыми, думающими существами, которые могли вечно воевать, ибо в то время, не существовало такого понятия, как смерть. Каму очищающего пламени обрел подопечных, которые служили ему и всюду прославляли его. Каму всевидящих ветров получили что-то новое для изучения и познания. Каму сплетения жизни смогла добавить много нового в свою ткань сущего, и однажды разделит с ним силу дарения-жизни. И, конечно, каму объятий ночи получила сердца для совращения прикосновением Пустоты.

Инаме и его Дитя посещали планету-сад всегда, когда у них была такая возможность. Каждый раз у Ребенка было больше идей и энтузиазма. Поверхность планеты утопала в бутонах, кустах, и лозе, постоянно меняющих цвета, новый опыт вел к новым созданиям. Однажды, Инаме увидел странный алый цветок, который показался ему особенно необычным. Он спросил у Ребенка, как у него появилась идея столь странного создания.

- Я вдохновился исследованиями дальних земель, - был ответ. - Я назвал его «роза».

Инаме нахмурился. - Я не знал, что ты путешествовал так далеко. И без моего присмотра.

- Я не думал, что ты стал бы возражать. Думаю, сходить туда снова. Там было много всего, что я бы хотел исследовать.

Еще долго после того, как Ребенок ушел, Инаме оставался в саду, рассматривая розу, страстные слова его отпрыска все еще висели в воздухе. Ребенок учился, но до сих пор он не осознавал, насколько обширно и быстро. Возможно, даже быстрее взросления самого Инаме. Эта мысль рушила все остальные его мысли. Опустилась ночь, но каму жизни все еще размышлял. В голове Инаме зашептал голос. Голос, который он едва слышал, но который был преисполнен злобой. - Скоро ты уже не будешь нужен Ребенку. Он пойдет своим путем, оставив тебя в одиночестве.

- Что за нелепая мысль, - пробормотал Инаме. - Сама идея, что мое Дитя бросит меня... - И все же эта мысль крепко засела в разуме Инаме. - Кроме того, я просто могу создать другого, - спорил он сильным, уверенным тоном ни с кем конкретно.

- Да, можешь, - мурлыкал голос. - Но это твой первый Ребенок. Разве правильно то, что он забудет о тебе? Разве правильно то, что он будет столь неблагодарным тебе, его Отцу? На твоём месте я был бы уязвлен и разгневан подобным легкомыслием! Разве он не знает, какую боль он причиняет тебе? Почему ему это безразлично?

- Замолчи! – Выкрикнул Инаме. Хотя голос затих на мгновение, он знал, что тот вернется. Поэтому он изо всех сил пытался игнорировать его слова. Он не заметил новый цвет, прокравшийся в краски цветов вокруг него: грязно-коричневый, от прикосновения которого, увядали лепестки растений.

Настал день, когда Ребенок пришел к нему. – Отец, могу я задать тебе вопрос?

- Конечно, Дитя мое. Что ты хочешь узнать?

- Каково мое предназначение?

Инаме подумал обо всем, что он сделал, в поисках собственного предназначения, и вспомнил, как долго и как далеко ему пришлось путешествовать, чтобы найти его. Если Ребенок уйдет так же, как он сам, это будет означать, что он пропадет на тысячи лет... Инаме вздрогнул от этой мысли. – Твое предназначение? Ну, как же, оно в том, чтобы оставаться здесь, со мной, и быть моим Ребенком. Какое еще предназначение здесь возможно? – Ребенок кивнул и ушел, но Инаме видел, что он был не удовлетворен ответом.

- Видишь? – усмехнулся голос.

- Тихо! – Приказал он ему. Но голос его не слушал.

Дважды еще Ребенок приходил к Инаме и спрашивал, «Каково мое предназначение?» - Дважды Инаме давал ему тот же ответ: «Твое предназначение оставаться со мной, и быть моим Ребенком. Какое еще предназначение здесь возможно?» С каждым разом Ребенок уходил все более не удовлетворенным, чем прежде, и каждый раз голос издевательски хохотал. Усилия Инаме заглушить голос вскоре прекратились. Он начал привыкать к нему, и хотя он сказал себе, что не слушает его лживые речи, какая-то часть его сердца всегда принимала слова голоса очень серьезно.

Другие камы заметили, что с их формами жизни происходит что-то странное: некогда полные мистической энергии, они начали уставать. Они требовали поддержки, чего никогда прежде им нужно не было. А некоторые даже начали слабеть с возрастом, словно нити ткани жизни обветшали и расплелись. Но когда они спрашивали Инаме о том, что происходит, он игнорировал их.

Отсутствия Ребенка становились все дольше и чаще, и он отказывался отвечать на вопросы Инаме о том, где он пропадал, и что делал. Инаме видел, что таланты Ребенка становились все сильнее, при каждой их встрече. Он понимал, что был лишь вопрос времени, прежде чем умения и воображение Ребенка превзойдут его собственные, даже в этом ограниченном мире. И в гораздо более короткие сроки, нежели путешествия самого Инаме!

Обида росла в сердцах обоих. Инаме возмущался неблагодарностью Ребенка, а Ребенок чувствовал себя скованным растущими требованиями Инаме, а голос в голове Инаме подогревал и подталкивал их взаимные разногласия. Внимание Инаме к просьбам других камы прекратилось вовсе. Он сидел в саду и смотрел на поля, чувствуя, как его сердце становилось все тяжелее и мрачнее. Ребенок ушел в одну из своих экспедиций, наперекор пожеланиям Инаме; без его присутствия, некогда теплое и полное радости место ощущалось холодным и одиноким. И все же, в нем чувствовалось касание его Ребенка, поэтому он оставался здесь.

- Я не могу быть таким эгоистом, - сказал себе Инаме. – В конце концов, я лишь хочу лучшего для своего Ребенка.

- А почему, собственно, не быть эгоистом? – прошептал внутренний голос своим низким, шипящим тоном. – Разве ты не заслуживаешь немного почтения? В конце концов, ты родитель, а он Ребенок. То, что ты можешь создать, ты можешь и контролировать. – Он ненадолго замолк. – И можешь уничтожить.

Инаме ахнул. – Нет. Я никогда бы не смог...

- Что есть жизнь без контроля? – спросил голос. – Это хаотичная вещь, не лучше войн твоего брата. Она расширяется и разрастается, не думая о том, что она может уничтожить своим эгоистичным ростом. То же касается твоего Ребенка. Он настолько погружен в собственные нужды, что забыл о тебе. Он думает, что его потребности важнее тебя, потому что он узнал и увидел так много всего. Ты ками жизни! Кто такой этот твой неблагодарный Ребенок, чтобы потешаться над тобой? Он притворяется, что у него есть сила, которой на самом деле у него нет! Она есть у тебя! Используй ее!

- Если ты не заткнешься, - прорычал Инаме, - Я... Я... - Его злость задохнулась в нем, когда он осознал на кого он гневался: ни на кого. Не было никого, с кем нужно было спорить или сражаться, ни голоса, дразнящего его, ни Ребенка, так быстро его переросшего. Не было никого, на ком он мог бы сорвать свою ярость, кроме бескрайнего луга с цветами, простиравшегося вокруг него.

Камень, бездонный колодец, образовался в сердце Инаме. Он ухаживал и взращивал его, так же, как и свое Дитя. Он был холодным и твердым, но он позволял ему расти, пока он не заполнил все его существо. Когда пустота переполнила его, она нашла выход в силе Инаме.

Под влиянием темной мощи, цветы завяли и опали. То, что было зеленеющим полем, полным сочных красок, превратилось в унылую равнину коричневых и почерневших оттенков. Лепестки опали, стебли завяли, а корни сгнили. Ничего этого Инаме не замечал. Он не чувствовал, как ступает по увядшим розам, и их шипы не вонзались в него, когда он втоптывал их в грязь. В голове у него была лишь одна мысль: Найти свое Дитя. Вернуть его домой.

Его поиски длились веками. Его собратья ками не могли предложить ему помощь, их коробило от него, от его ауры, но он ничего этого не замечал. Наконец, он нашел свое Дитя в отдаленных уголках мироздания. – Пойдем, - сказал Инаме голосом, подобным горному обвалу. – Мы возвращаемся домой.

Ребенок вздрогнул, но не сошел с места. – Нет, пока еще нет. Я хочу тебе кое-что сказать.

Сердце Инаме вновь похолодело. – Что же, Дитя мое?

- Я ухожу, Отец. Навсегда.

Слова, которых Инаме опасался больше всего, были произнесены, и паника охватила его сердце. – Нет! – Вскричал он. – Ты не можешь уйти!

Ребенок едва не смягчился тогда, видя отчаяние своего Отца. Но его сердце быстро затвердело. – Видишь ли, Отец, ты хочешь, чтобы я был твоим Ребенком, всегда. Но я не могу им быть. Ты дал мне слишком много, чтобы я мог довольствоваться лишь этой ролью. Так будет лучше для нас обоих. Я могу отыскать собственное предназначение, а ты сможешь создать других детей. Все будет не так уж плохо! Скоро ты даже не будешь по мне скучать.

Но слова Ребенка не проникли в разум Инаме, кипящий страхом и ненавистью. – Я этого не допущу.

- Это больше не касается тебя, Отец. Это касается меня, и того, что я должен сделать. – Ребенок отвернулся от Инаме. – Прощай.

- Нет! – Закричал он. – Ты никогда не покинешь меня! Никогда! – Ребенок задрожал под гневом Инаме, неспособный ни двинуться, ни говорить. – Я скорее уничтожу тебя! – Темная энергия брызнула из его пальцев и окутала Ребенка. Он вскрикнул, моля о пощаде, но Инаме был глух к его мольбам. Тело Ребенка иссохло и рассыпалось под силой тьмы, пока, наконец, не превратилось в пыль, быстро развеянную небесными ветрами. Впервые за все времена, умер ками.

Сила зла растаяла также быстро, оставив Инаме в ужасе смотреть на место, где только что стоял его Ребенок. – Что я наделал? – прошептал он.

- Что ты сделал? – спросил голос. Инаме огляделся; почему-то, голос теперь звучал громче и яснее, чем прежде. – Ты сделал то, что был должен: ты дал мне жизнь! – И тогда, кошмарный образ возник перед ним из пустоты. Он был грубым и искаженным, с жуткими клыками и острыми, как бритва, волосами. Его перепончатые крылья взмахивали с неслыханной мощью, все его тело было наполнено силой зла.

- Кто ты? Что ты заставил меня сделать?

- Я ничего не заставлял тебя делать, - ухмыльнулось злобное существо. – Все те желания и мысли всегда были твоими. Я лишь немного их подстегнул. И теперь, когда ты убил свое Дитя, ты породил новую силу: смерть, уничтожение всего, что тебе дорого. И самое приятное, я есть, и всегда был, частью тебя, Инаме.

- Ты лжешь!

- Я никогда не лгал тебе, даже в своем шепоте, и не собираюсь лгать теперь. Но утешься! Я стану твоим лучшим и любимым спутником во всех твоих странствиях.

- Я буду сражаться с тобой каждой каплей магии своего существа, - вскричал Инаме. – Я никогда не приму тебя.

- Можешь сражаться со мной, сколько пожелаешь, - фыркнув, ответило существо. – К вопросу о принятии меня, что ж, у тебя в этом деле выбор не большой. – Его взгляд опустился, и глаза Инаме проследовали за ним. Лишь теперь он осознал весь ужас этого создания. Его собственное длинное тело переходило в другое, связанное с ним столь же крепко, как и любая другая конечность. Это тело принадлежало существу перед ним. – Я же сказал, я всегда был частью тебя. Теперь это сможет увидеть каждый!

Инаме пытался продолжать свою работу, но его всегда преследовала тень смерти, постоянно таящейся неподалеку. Когда бы его мысли ни становились мрачными, а мотивы эгоистичными, его вторая половина брала верх, и с радостью разрывала на части все то, что он с таким трудом создавал. Со временем, он вновь обретал контроль, и создавал еще больше жизни, чтобы возместить все то, что было потеряно. Но всегда, рано или поздно, его обратная сторона непременно проявлялась.

И так началась битва между жизнью и смертью, которая продолжается по сей день.

Досан замолчал. Риё смотрел на него с открытым ртом; прошла целая минута, пока мальчик понял, что история закончилась. Даже Кенжиро казался загипнотизированным. – Иногда, сказал старый монах, - родитель должен думать о своих детях больше, чем о себе. Если бы Инаме поступил так, возможно, нам, смертным, не пришлось бы сталкиваться со страхом и горестью

смерти. Но в своем эгоизме, он думал лишь о себе, и позабыл, что эффект его решений не заканчивается на нем. Он не подумал, что было лучше для Ребенка, и дорого заплатил за это. Возможно, это сложно понять, и еще тяжелее принять, но в итоге, принять это необходимо. – Досан протянул руку и взъерошил шерсть волчонка. – Ты понимаешь меня, Риё?

Мальчик долго молчал, опустив глаза на ерзающего щенка в его руках. Наконец, он медленно кивнул. – Думаю, да, Учитель Досан. – Когда он поднял лицо, еще одна слеза стекла по его щеке; на этот раз, он не спешил вытереть ее. Он поднялся на ноги. – Думаю, я помню, где нашел Кенжиро; Может, его мать уже вернулась.

Досан кивнул. – Вероятно.

- Учитель Досан?

- Хмм?

- Что сделали мои родители, покинув свой дом? О чем они думали? От чего они отказались?

- Я не знаю. Почему бы тебе не спросить их?

Мальчик немного подумал, и кивнул. – Я спрошу! Спасибо, Учитель Досан!

Риё убежал, исчезнув в пелене окружавших их деревьев. Досан встал, и стряхнул траву со своей одежды. Ему еще многое предстояло сделать. Пора была продолжать дела жизни.

Оковы Льда и Пламени

Jay Moldenhauer-Salazar

Сейтаро Ямазаки наблюдал за девушкой, вошедшей в его комнату. Она была бледной, худой и неловкой. Ее глаза были широко распахнуты, отчасти потому, что свет здесь был тусклый, но в основном оттого, что это было ее естественное выражение лица. Девушка прижимала к груди, словно ребенка, несколько потертых футляров со свитками.

- Дядя? – обратилась она в темноту, все еще не привыкнув к ней. Комната была просторной – скромной, но достойной – с двумя одинокими свечами, горевшими по обе стороны от деревянного кресла Сейтаро. Дерево было бесценным так глубоко в горах Сокезан, подтверждающим влияние старика. И впрямь, жилище было огромным, способным вместить в себя целую деревню, в тяжкие времена. На расстоянии оно выглядело скорее горной крепостью, чем домом старика и его брата.

Сейтаро пошевелился в кресле, разминая суставы, измученные возрастом и сражениями. Кресло отозвалось со скрипом. Услышав звук, девушка резко поклонилась, случайно выронив несколько свитков на пол.

- Приветствую тебя, Марико, - произнес он тонким голосом. Он ненавидел то, во что превратился его голос в старости. – Мне сказали, ты искала меня.

- Да, дядя, - сказала Марико, поднимая футляры со свитками, выронив еще больше на пол. – У меня так много вопросов.

- Спрашивай, Марико, но сначала, у меня есть вопрос к тебе.

Девушка замерла, прекратив собирать свитки. – Да, дядя? – Ее глаза были невероятно огромными в свете свечей.

- Ничего серьезного, дитя. Я лишь хочу знать, как проходит твоё обучение в Минамо. – Он улыбнулся редкозубой улыбкой.

- Ах, отчасти, поэтому я пришла, дядя. Учеба идет хорошо. Настоятели говорят, однажды я стану великой *йюши*.

- Хорошо. Мы все должны дружить с магией в этой жизни. И все же, полагаю, было бы чрезмерным, надеяться, что однажды, ты забудешь дорогу в великую школу, и примешь жизнь воительницы, а не ученой?

Марико поклонилась с уважением. На этот раз она крепко сжала свитки. – Я вполне согласна с этим, Дядя.

- Да, да, - Сейтаро нетерпеливо отмахнулся от угодничества девушки. – Конечно. Просто я никогда не встречал великого мага, любившего что-нибудь, кроме слов. Воины, тем временем, обладают любовью ко всему в жизни. Все, - засмеялся он, - кроме, возможно, слов и магов! Ах, славная жизнь, жизнь воина. Я когда-нибудь рассказывал тебе о наших с Шуджиро самурайских тренировках под началом этого пса, Конды?

- Рассказывали, дядя.

Сейтаро нахмурился. – Ах, жаль. Мне нравится об этом рассказывать.

- Как раз Вашу жизнь, как воина, я бы и хотела обсудить, дядя, и Вашу службу на войне.

Сейтаро поднял седую бровь. – Правда? Задавай тогда свои вопросы, дитя.

Марико сделал глубокий вдох, собираясь с мыслями. – Просто все в деревне почитают вас с дядей Шуджиро. Они называют вас героями Войны Ками. – Ее голос замолк, словно, не зная, как продолжить.

- Так и должно быть, - надменно произнес Сейтаро, выпрямляя сгорбленную спину. – Мы с Шуджиро сражались во многих битвах на войне, всегда плечом к плечу. Мы повергли бесчисленное количество ками.

- Как Вы часто и говорили мне, дядя. Просто... - Она снова запнулась.

- Говори, дитя! Задавай свои вопросы, или дай старику поспать!

Марико поклонилась, избегая его хмурого взгляда. – Просто я прочла все о Войне Ками в больших библиотеках, дядя. Я почти четыре года прочесывала свитки, глотая каждое слово в Описаниях Войны Ками, равно как и менее ясных текстов. И, и...

- ...и не смогла найти ни единого упоминания, ни о твоём двоюродном дяде Шуджиро, ни обо мне, да? – Спросил он с неожиданным смущением.

Марико не отводила глаз от пола. – Как такое возможно, дядя? Если вы истинные герои, как история смогла забыть о вас?

Сейтаро усмехнулся. – Эх! Не все герои увековечили свои имена на Тропе Ганзан, или при Битве Шёлка, дитя, лишь несколько истинных героев войны освещены в твоих свитках. Но я расскажу тебе короткую историю, чтобы облегчить твой разум. Сядь, дитя, сядь и послушай. Я объясню, почему история позабыла твоих двоюродных дядюшек, в то время как эта деревня, все еще о них помнит.

Девушка подняла взгляд своих распахнутых глаз. Она села, скрестив ноги, на пол, аккуратно сложив рядом футляры со свитками между своими коленями и креслом Сейтаро.

Старик прокашлялся. – Ну что ж, с чего начать? Как я сказал, мы с Шуджиро состояли на службе у Лорда Конды, когда началась Война Ками. Тогда мы получили весть о том, что Конда оттягивает силы от Гряды Сокезан для усиления своей армии в Эйгандзё. Мы с Шуджиро не были дома с тех пор, как покинули его детьми, уйдя на службу, но мы знали, что этот ход Конды означал разрушение нашей деревни, как и всех окрестных деревень, от нападений ками.

- Воспротивившись, мы оставили службу у Конды и вернулись в Сокезан. Там мы встретили повелителя варваров, по имени Годо. Ах, вижу, твои свитки его не забыли, да? Хорошо. Да, Годо был лютым воином, противостоявшим Конде каждой жилой своего тела. Мы с Шуджиро стали его наиболее уважаемыми лейтенантами.

Сейтаро замолчал, погружаясь в воспоминания. Его голос стал задумчивым.

- После неудачной осады Эйгандзё мы с братом оставили и службу у Годо. Прибыл гонец с вестью от нашего отца, призывавшего нас, срочно вернуться домой. Он писал, что использовал собственную магию, чтобы защитить деревню от ками, но ему нужна была наша помощь. Мы с Шуджиро обстоятельно все обсудили, и после поражения при Эйгандзё стало ясно, что Отец нуждался в нас больше, чем Конда или Годо. Я верю, что Годо понимал наше чувство долга, ибо он не преследовал нас, как мы того ожидали.

- И все же, когда мы с Шуджиро прибыли в деревню, мы поняли что опоздали...

* * * * *

Сейтаро хмуро ехал вперед. Его горный конь шел по скалистой тропе, слишком узкой, чтобы называться дорогой, обступая кустарник, сугробы, лед и булыжники.

Разбойничий доспех Сейтаро, хоть и обитый мехом, плотный и тяжелый, не сильно защищал его от холода. Его дыхание вылетало облаками, коротко задерживаясь на его обмороженных усах, прежде чем исчезнуть за спиной воина. Осень в остальной Камигаве лишь начинала окрашивать листву, но высоко в горах Сокензан давно уже наступила зима.

И все же в Сейтаро пылал огонь. Он был зол, очень зол. Если бы он заглянул в собственное сердце, он бы признал, что его внутренний огонь также исходил из страха. За последние дни Сейтаро видел бессчетные деревни, разоренные ками, не оставившими никого в живых. В каждой деревне, слова его отца звенели у него в ушах. *Я слабею, писал он, и наша деревня падет под ударами ками без вашей помощи.*

Он бросил взгляд за спину. За ним, на гнедом жеребце, столь же хмуро ехал его брат Шуджиро. Шуджиро был близнецом Сейтаро, внешне неотличимым от брата. Они даже носили одинаковые усы и бороды, одинаковые красные доспехи. Единственным внешним отличием были их боевые шлемы. Декоративные бараньи рога на *кабудо* Сейтаро заворачивались назад, словно рассчитанные для ударов по голове, у Шуджиро они были повернуты вперед, подобно нижним клыкам какого-то жуткого чудовища.

Сейтаро грустно улыбнулся. Возможно, их шлемы говорили о реальных отличиях между братьями. Сейтаро слыл лидером среди них из-за своей страсти и импульсивности, действительно пробивая рогами все на своем пути. Шуджиро, после раны в шею от стрелы кичунэ, едва не лишившей его жизни, стал угрюмым и безрассудным чудовищем, удерживаемым лишь упрямой волей его брата.

- Что? – огрызнулся Шуджиро, и Сейтаро встряхнулся от задумчивости. Должно быть, он в своих мыслях уже неоднократно оглядывался на брата.

- Эти лошади быстрее ходить не могут? – рявкнул Сейтаро в ответ. Объяснять собственные размышления Шуджиро, было равносильно объяснению *они* смысла милосердия, поэтому он никогда не пытался этого делать.

- Мы почти на месте, - сказал Шуджиро.

Сейтаро повернулся вперед, сосредоточившись на тропе. Это была правда. Знакомые места проникали в его разум, словно сон. Тропа вышла в узкую долину, слегка загороженную от воющего ветра, не утихавшего в горах Сокензан. Летом здесь протекал ручей. Когда из-под снега пробивалась трава, сюда приходило множество яков, на которых легко было охотиться. Дед Сейтаро рассказывал, как, в то время, когда его предки обнаружили это место в горах, они благодарили ками за подаренную удачу. Теперь, казалось, ками решили отобрать свой дар.

- Дым, - прохрипел Шуджиро за спиной.

Тонкие струйки поднимались из-за следующего поворота, оттуда, где незримо пролегла их деревня. Сейтаро страстно надеялся, что дым шел от костров, но предыдущие деревни,

повстречавшиеся им на пути, говорили о другом. Он видел слишком много разрушений на протяжении войны, чтобы теперь лелеять надежду.

И все же сердце Сейтаро оборвалось, когда он увидел фигуру, стоящую у них на пути. Они опоздали спасти свою деревню от ками.

Фигура была ростом с человека, словно закованная в доспех самурая, выточенный из льда. Там, где у нее должно было быть лицо, пылал огонь. Пламя трещало вокруг ледяного доспеха. Когда братья приблизились, существо подняло огненную *катану*, явно приказывая им остановиться.

Ярость вскипала в жилах Сейтаро, сжигая любые признаки страха. С боевым кличем он спрыгнул со спины напуганной лошади и бросился к существу. В руках он сжимал алебарду *нагината* с широким лезвием и древком черным, как сама смерть.

Самурай из льда и пламени вздрогнул от неожиданности, но все же вовремя пришел в себя, чтобы выставить свое оружие, отразив первый дикий удар Сейтаро. Разбойник развернулся и провернул свою алебарду, прорезав щель в ледяном доспехе на уровне живота.

Существо сделало жест, и лед скользнул с его пальцев, сковав тело Сейтаро, прижав его руки к бокам. Близнец рухнул на землю, неуклюже выронив оружие, рыча от злости.

Острый звон эхом разнесся по долине – Шуджиро присоединился к битве. Два зазубренных, грубых клинка сверкнули в его руках, один намного крупнее другого. Прежде чем существо смогло защититься своим пламенным мечом, Шуджиро уже нанес ему несколько стремительных ударов.

Сейтаро рычал, разбивая свои ледяные оковы, и дотягиваясь к своей *нагината*. Одним отточенным движением он воткнул рукоять алебарды в каменистую почву и подтянулся на ноги. Как только его ступни коснулись земли, он уже замахивался оружием над противником. Алебарда отскочила от ледяного плеча, и существо рухнуло.

- Это все, что угрожает нашей деревне? – усмехнулся Шуджиро, - да оно даже не способно драться!

Сейтаро прищурился, наблюдая, как существо пыталось встать на ноги. Его доспех свисал обломками, где оружие близнецов вонзилось в него. Пламя задрожало вокруг его тела, затухая на ветру. Огонь, служивший ему лицом, взглянул на них с напряжением, и как показалось Сейтаро, с мольбой.

- Погоди...! – Заорал Сейтаро, но было уже слишком поздно. Злобно усмехаясь, Шуджиро уже занес оружие над ками. Одним ударом обеими клинками, он обезглавил существо. Пламя угасло в дыму. Лед моментально превратился в жижу, затем в воду. То, что только что было их противником, превратилось в дымящуюся лужу.

- В деревню! – Прокричал Сейтаро. Они повергли ками, но победа принесла с собой необъяснимый, неопиcуемый ужас. Он бросился бежать, и снег закрипел под его сапогами.

Шуджиро пожал плечами, затем побежал за братом. Сейтаро понимал, что его брат следовал за ним не из-за того же чувства страха, но в надежде найти еще одного ками. Его страсть к войне была неутолимой.

Сейтаро несся вперед, завернув за скалистый выступ. К его удивлению, деревня казалась нетронутой. Небольшие, круглые хижины из глиняных кирпичей и шкур яков заполняли долину. Дым от горстки костров поднимался к вершинам Сокезан. Картина выглядела так, как ее помнил

Сейтаро – чуть меньше и, возможно, не столь величественно, как в детских воспоминаниях, но очень знакомо. Лишь одной части его воспоминаний не хватало.

- Где люди? – спросил он у Шуджиро, остановившегося рассмотреть открывшуюся перед ними панораму. Его брат фыркнул. Оба они осторожно прошли в деревню. Сейтаро держал перед собой свою алебарду, пока Шуджиро в нетерпении вращал своими клинками.

Когда они подошли к ограде деревни, из-за хижины вышел человек. Он был средних лет, и очевидно тощий, как камыш под шерстяной накидкой и шляпой. Человек, похоже, заметил боевые стойки братьев, расширив глаза при виде оружия. Он низко поклонился перед ними.

- Приветствую, Сейтаро и Шуджиро Ямазаки, - спешно сказал он. – Добро пожаловать в деревню вашего рождения. Я Хидеаки Минемацу, ученик вашего отца, я послан встретить вас. Только, - он поднял растерянный взгляд, - где же Страж?

- Страж? – спросил Сейтаро, - Мы не встретили ни одной живой души в горах, кроме небольшой банды акки два дня назад, и одного ками только что.

- Все они теперь мертвы, - добавил Шуджиро.

- Понимаю, - сказал мужчина, почесывая подбородок, - Но это очень странно. Ваш отец ожидал вашего прихода, и поэтому выслал Стража, чтобы проводить вас... Вы сказали, ками?

- Ками изо льда и пламени, да.

Мужчина побледнел, словно от внезапной пощечины.

- Где мой отец? – рявкнул Сейтаро. – Он должен был встречать нас, если знал о нашем прибытии. Он, в конце концов, сам обратился к нам за помощью.

- Ваш отец! – воскликнул мужчина, едва не паникуя. – Если вы повергли Стража... Ох! Нам нужно спешить к Учителю Ямазаки! – Не говоря больше ни слова, он развернулся и бросился в деревню. Сейтаро лишь обменялся раздраженными взглядами с братом, прежде чем броситься за ним следом.

Углубившись в деревню, Сейтаро заметил нескольких жителей, возвращавшихся к своей повседневной жизни. Он решил, что они, должно быть, поспешно спрятались, услышав звуки сражения, а голос Хидеаки вновь возвестил им о безопасности. Или, возможно, вид двух людей в доспехах разбойников их уже не тревожил. Неподалеку, мужчина начал чинить крышу, пока под ним его жена растирала коренья в порошок. Небольшие группы детей играли в разные игры. В считанные минуты деревня вновь оживила. Более половины людей открыто наблюдали за братьями, на их лицах была смесь улыбки и оценивающих взглядов.

Хидеаки подбежал к крупной хижине в центре деревни. Без лишних церемоний он распахнул дверную завесу из шкуры и исчез внутри.

- Что происходит? – выкрикнул Сейтаро всем, кто его мог услышать. Резким движением он отбросил завесу и проследовал внутрь, Шуджиро не отставал ни на шаг.

Запахи ладана и целебных трав ударили в нос Сейтаро. Внутри хижины было темно и пусто, без декораций, мебели, кроме небольшого деревянного сундука у дальней стены. Свитки и книги были свалены в кучу, вместе со свечами, фонарями, и перьями. В центре комнаты были навалены меха, в которых лежал человек.

Хидеаки упал на колени рядом с лежащим человеком, прижимая его слабую руку к губам. Слезы текли по его щекам. Когда глаза Сейтаро привыкли к свету свечей, из горла Хидеаки вырвался всхлип.

- Отец? – спросил Сейтаро, подходя к меховому настилу. Было непросто узнать в тощем черепе перед ним лицо его отца из воспоминаний детства. Человек, которого помнил Сейтаро, был широк в плечах, красив лицом, с пронзительными черными глазами и гордой, седеющей косой из волос. Здесь же лежал не более чем мешок из кожи, натянутый на кости, с тонкими седыми волосами и раскрытым беззубым ртом. Словно что-то высосало все жизненные силы из его отца, оставив лишь дряхлую оболочку.

- Он мертв! – Взвыл Хидеаки. – Мертв! Страж был его проекцией, призванной из его собственного сердца. Когда вы убили Стража, вы убили... - Хидеаки не закончил мысль, задыхаясь от кома в горле. – О! Что же мы будем делать? Наша деревня стоит лишь благодаря магии вашего отца!

Мертв. Сейтаро услышал, как снаружи какая-то женщина, услышала стенания Хидеаки. – Ямазаки мертв! – Услышал он ее крик, затем кто-то еще вскричал от ужаса. К хору присоединялось все больше голосов, быстро распространяясь по деревне.

За его спиной молча стоял Шуджиро.

Сейтаро погрузился в мысли. Его внутренний огонь угас, оставив за собой холодный котлован. Бесчестие и стыд затмевали его взор. Сейтаро не слышал ничего, кроме этого ненавистного слова, повторявшегося десятками различных голосов снаружи. *Мертв. Мертв. Мертв.* Его отец призвал Стража, нечто, созданное из его собственной души, для защиты деревни от ками. И все же, даже великий маг опасался поражения, и обратился к своим сыновьям-воинам. *Я слабею, писал он, и наша деревня падет под ударами ками без вашей помощи.* Призвав к помощи, отец Сейтаро лишь обрек на смерть себя и свою деревню.

Сейтаро видел несметное число смертей на Войне Ками, был свидетелем всевозможных зверств. И все же, лишь однажды прежде он сталкивался со смертью в семье, при ранении от стрелы, которая должна была убить Шуджиро. Медленное восстановление брата от этой раны, восстановило веру Сейтаро в то, что хотя смерть приходила ко многим за время Войны Ками, она не касалась клана Ямазаки.

Теперь его отец был убит его собственными сыновьями. Убит руками Сейтаро и Шуджиро Ямазаки.

Прошло несколько мгновений. Сейтаро вдруг понял, что крики снаружи переросли от шока в истерию. Они окружали хижину, многие голоса исходили от пробежавших мимо людей. Сейтаро взглянул на Хидеаки, но тот с головой ушел в свою скорбь, все еще сжимая руку их отца и рыдая. Фыркнув, Сейтаро раздраженно вышел из хижины.

Хаос. Плетеные корзины валялись разбросанные на земле, их содержимое забыто жителями, метавшимися во все стороны. Одну женщину кто-то толкнул в спину, и она, споткнувшись, упала к ногам Сейтаро. Ее широко распахнутые глаза остановились на его красном доспехе и черной алебарде, которую он все еще сжимал в руке.

- Помоги нам! – Вскричала она. – Ками пришли!

Шуджиро вышел из хижины, указывая пальцем на восток. Взгляд Сейтаро проследовал за рукой брата.

Фигура, вдвое выше человеческого роста, текла по воздуху, словно шелк, приближаясь к ним. Его тело представляло собой сплетение полупрозрачной кожи, оранжевого и зеленого цветов, и багровой чешуи. Тьма окутывала существо, словно рваный плащ, от чего невозможно было отличить его конечности от массы тела. Его голова была наиболее пугающей частью образа – гладкая белая театральная маска, изображавшая улыбающееся женское лицо. Вокруг ками кружили другие театральные маски, бестелесные и охваченные огнем.

- Деремся? – спросил Шуджиро, пылая скрытыми в тени шлема глазами.

- Деремся, - согласился Сейтаро, сжимая оружие. В нем вновь вспыхнул огонь. – Теперь мы должны стать стражами. Отец призвал нас сюда за помощью, и мы подвели его, подвели его прискорбным и позорным убийством. Мы давно подвели Конду, также как и Годо. Больше я никого не подведу, брат. Я клянусь здесь и сейчас, что ками не коснутся ни единой хижины и не причинят вреда ни единому ребенку!

Шуджиро улыбнулся, вращая своими клинками.

Они бросились в бой.

* * * * *

- Вы победили ками? – затаив дыхание, спросила Марико.

- Победили, - сухим голосом сказал Сейтаро. Он не ожидал горечи, которую принесла ему эта история. – И каждого ками после него. Эта деревня никогда не страдала от нападений ками на протяжении войны и после нее, благодаря нам с Шуджиро. Мёдзин прошептал мне, что ками теперь опасаются нашей деревни. – Он встряхнулся и улыбнулся Марико. – Поэтому, как видишь, для этой деревни мы достойны называться героями, даже если твои свитки не знают наших имен.

- Почему вы не рассказывали об этом никому за пределами деревни?

- А! Кому мне рассказать? Мы не вернулись ни в армию Конды, ни в орду Годо, и наверняка считаемся там мертвыми или дезертирами. После возвращения домой прошло столько лет, мы с твоим дядей Шуджиро никогда больше отсюда не уходили.

- Теперь прости меня, дитя, я должен просить тебя уйти. Мне давно уже пора спать и ждать, когда смерть заберет меня. Желаю тебе безопасно добраться до школы.

Марико поклонилась медленно, с глубоким уважением. – Как скажете, дядя. Благодарю Вас за то, что поговорили со мной. Только... я бы желала прийти еще раз, прежде чем я вернусь в школу, может быть, Вы сможете рассказать мне еще о Ваших сражениях?

Сейтаро поднял глаза, и ему показалось, он заметил проблеск улыбки на губах девушки. В ее глазах ярко горел огонь свеч. – Уж не соблазнилась ли ты жизнью воина, дитя? Хммм. Да, приходи еще.

Она широко улыбнулась его словам и принялась собирать футляры со свитками. Когда она дошла до двери из комнаты, Сейтаро окликнул ее, - Правда, есть один вопрос, который ты никогда не должна задавать мне.

Марико остановилась, взглянув на него своими широко раскрытыми глазами.

- Никогда не спрашивай меня, почему мы с Шуджиро больше не говорим друг с другом. Если решишь, что должна это знать, отыщи Шуджиро в другой части этого дома и спроси его, хотя я сомневаюсь, что он станет говорить с тобой больше, чем другими. Если спросишь его об этом, я вышлю тебя отсюда, и мы никогда больше не увидимся. Я буду отказывать в аудиенции любому, кто скажет, что знаком с тобой, до тех пор, пока буду дышать. Ты поняла меня?

- Поняла, дядя. Я не стану спрашивать.

- Хорошо. Теперь ступай.

Деревянная дверь захлопнулась, оставив его в тишине. Окруженный темнотой, Сейтаро Ямазаки сидел один, слушая биение своего сердца.

Щит Дракона

Jay Moldenhauer-Salazar

Казуки протер глаза ото сна, взбираясь по Спиральной Тропе. Он надеялся, что не опоздает на тренировку из-за вызова Учителя Рокуана. Возможно, думал он, если Учитель лишь хотел сказать ему пару слов, он еще сможет провести утреннюю медитацию до рассвета. Его босые ноги спешно и проворно пробирались вверх по храмовым ступеням.

На самом деле это были вовсе не ступени, как и храм не был строением, возведенным руками смертных. Деревья исполинских размеров изгибались и росли вбок на несколько сотен футов, переплетаясь друг с другом, образуя плотный круг из своих стволов, известный просто, как Стена. В центре Стены росло дерево настолько огромное, что Казуки полагал, что оно было самым крупным во всем лесу Дзюкай, крупнее даже, чем Босейдзю, или Центральное Древо, хотя, по правде, он никогда не путешествовал ни к тому, ни к другому. Великое древо Фудайдзю, и окружавшая его Стена служили Козаки храмом и домом. Узловатые наросты, окружавшие ствол громадного дерева, и были Спиральной Тропой, по которой он поднимался с самого детства.

Много поколений назад, как гласит легенда, монастырь ордена лесных монахов был уничтожен набегом стада лесных горалов. В руинах уцелел лишь их священный колокол, который они пронесли через Дзюкай, пока не нашли это дерево, защищенное естественным ограждением. Монахи вложили колокол в ствол Фудайдзю, и расположились за его Стеной. Каждый год сотни людей и посвященных паломничали к Фудайдзю для молитв, погружались в естественную красоту природы, и испытывали свои боевые навыки в поединках с лучшими монахами Ордена.

Казуки нахмурился, В последнее время до них также донеслись слухи о войне, слухи, взбудоражившие Орден Священного Колокола, словно муравейник от удара ногой. Мог ли вызов Учителя Рокуана быть как-то связан с этими слухами? Казуки продолжал огибать дерево, взбираясь все выше, ускоряя шаг в предрассветной мгле. Его мозолистые ступни шаркали по гладкой, истоптанной коре, издавая единственные звуки, помимо его собственного дыхания.

- Приветствую тебя, Казуки. Ты как раз вовремя.

Казуки согнулся в почтённом поклоне. Он был так глубоко погружен в беспокойные мысли, что и не заметил, как добрался до верха. На плоской ветви, шириной с лодку, стоял Учитель Рокуан, созерцая лес Дзюкай. Он был стар, его седые волосы спадали почти до пояса, и, тем не менее, все еще полон сил. Его поза с широко расставленными ногами говорила о твердости и достоинстве. Казуки выпрямился и подошел к обнаженной широкой спине Учителя Рокуана.

Рокуан не шевелился, не обращая внимания на Казуки, стоящего рядом с ним. Поначалу, юноша смотрел на своего учителя. Губы Рокуана были сомкнуты в мрачной линии, выражение его лица было крайне серьезным. Его глаза, излучавшие яркий зеленый свет, как знак и свидетельство его силы, не моргая, смотрели вдаль. Спустя несколько безмолвных мгновений, Казуки смог лишь проследить за этим непреклонным взором и присоединиться к учителю в созерцании Дзюкай.

Стена изгибалась и переплеталась вокруг них, отделяя Фудайдзю от его младших братьев. Сосны и дубы простирались внизу зеленым морем в бледном зареве светлеющего горизонта. Хотя ветви Фудайдзю продолжались и выше голов монахов, Казуки казалось, будто он стоит на вершине самой Камигавы.

- Это прекрасно, - выдохнул Казуки.

- Ты полагаешь? – резко сказал Рокуан. – Тогда присмотришься внимательнее, ученик.

На протяжении нескольких ударов сердца Казуки видел лишь размытые силуэты несметных деревьев. То тут, то там, он замечал отдельные ветви, пучки листьев в тусклом полумраке. Он напряг свои молодые глаза, но лишь, когда его уши присоединились к поискам, он одернулся.

- Слишком тихо, - сказал он. – Я ничего не слышу. Ни птиц, ни насекомых.

- Да, - согласился Рокуан.

- Но... но что это значит, Учитель?

- Как я сказал, ты как раз вовремя. – Пугающие зеленые глаза Рокуана, словно вспыхнули на мгновение, пока он вглядывался в Дзюкай. – Они идут сюда.

Снова Казуки поначалу ничего не мог разглядеть. Лес Дзюкай выглядел просто замершей, бесшумной массой деревьев. Затем, тени начали двигаться и сгущаться. Казуки наблюдал, как паучья лапа, вчетверо длиннее, чем *бо будоки*, обхватила дуб, упершись в него за пределами Стены. За ней проследовала еще одна лапа. Из тьмы появилось существо, десятки паучьих лап которого удерживали навесу пузырь тела, вдвое крупнее быка. Чудовище, выжидая, раскачивалось у самой Стены.

Не успел еще разум Казуки выделить полностью паучье чудовище, как его глаза уловили движение в кронах Дзюкай, в другой стороне. Казалось, что весь лес вдруг зашевелился, хотя Казуки не слышал ни одного шороха листьев. Шеренги существ подошли к периметру Стены и остановились, зловеще раскачиваясь среди ветвей.

Дыхание Казуки участилось. – Что... что это, Учитель?

- Ками, - ответил Рокуан, не отводя зеленых глаз от Дзюкай. – Потусторонний мир объявил нам войну, мой ученик, и нам теперь предстоит защищаться. Полагаю, эти кумо – лишь первая волна против нашего храма, это скрытное нападение рассчитано застать нас врасплох и уничтожить всех до единого.

- Ками? Но их же несметные тысячи! – Ахнул Казуки.

- Да, - просто сказал Рокуан.

Казуки ошеломленно наблюдал, как первый ками кумо двинулся вперед, бесшумно спрыгнув на землю. За ним последовал другой, и еще один, пока весь лес не пополз на паучьих лапах к Стене.

- Не нужно так паниковать, мой ученик, - сказал Учитель Рокуан. – Их фактор неожиданности провалился. Мы не одни встретим эту их первую волну.

Казуки повернулся к учителю. Старик все еще не отвел глаз от леса, и даже не шелохнулся. Рокуан был образцом спокойствия. Когда Казуки заговорил, то сам услышал, как его голос дрожал от страха. – Учитель, что Вы хот...

Рев разорвал утренний воздух, встряхнув Фудайдзю, и отбросив Казуки плашмя на широкую ветвь. Нечто громадное взмыло из ветвей вверх, осыпав листьями учителя и ученика. Казуки рывком поднялся на колени, как раз вовремя, чтобы увидеть дракона, воспарившего над Стеной по невероятной и прекрасной дуге. Голова дракона была подобна ящеру, с оленьими рогами, выраставшими позади единственного центрального глаза и длинных усов, струящихся за его челюстями. За головой, длинное змеиное тело дракона хлестало сквозь воздух, опускаясь на ками кумо под ним.

- Узри Дзюгана, Восходящую Звезду! – Вскричал Рокуан, чтобы его голос был слышен сквозь рев. Он все еще не шевелился, несмотря на бурное появление дракона. – Дзюган, великий дух, охраняющий наш храм! Я призвал Щит Фудайдзю, и он явился на зов!

Короткие лапы у гладкой головы дракона били, как плеть. Дзюган выхватил двух кумо каждой лапой, и, взмыв в небо, раздавил ками, как перезревшие фрукты. Даже умирая, кумо не издавали ни звука, их изуродованные тела выпали из лап Дзюгана.

Оставшиеся кумо быстро оправались от неожиданности. Нескончаемым легионом они бросились из-за деревьев, таща за собой призрачную паутину, сплетенную из слизи. В считанные мгновения, кроны Дзюкай были покрыты липкой мембраной, похожей на мокрый снег. Дзюган, пикирующий к ками, провернулся в воздухе, избегая ловушки. Но, не успев вывернуться вовремя, духовный дракон налетел на белую массу, растянутую между деревьев.

Дзюган бился в паутине, вырывая с корнем дубы и разбивая в щепки могучие ветви. Его длинная морда металась, отрывая паучьи лапы от тел, надвигавшихся со всех сторон кумо. На мгновение, все выглядело так, словно дух дракона падет под натиском паучьих ками. И все же, не успели несколько кумо спрыгнуть с ветвей на Дзюгана, как дракон вырвался из своих пут. Кумо неуклюже упали на землю, минуя Дзюгана, взмывшего ввысь, сквозь кроны деревьев, в чистое утреннее небо. Дракон быстро свернулся в тугое кольцо, отрывая лапами секреты ками со своего тела. Через мгновение Дзюган триумфально взревел, сотрясая лес Дзюкай.

Дракон нырнул вниз, словно изумрудная акула, кружа вокруг Стены всего в нескольких футах от земли. Казуки поднялся на ноги и вновь встал рядом с учителем, оба они устремили взгляды вниз, на гладкое, змеиное тело, на огромной скорости облетающее вокруг их естественной крепости. Некоторые ками бросались вперед из своего укрытия в ближайших деревьях на дракона, но всякий раз зуб, коготь, или хвост в мгновение ока разбивали тела ками, как яичную скорлупу. По крайней мере, на какое-то время кумо выглядели неорганизованными и неуверенными, как им продолжать нападение перед лицом столь превосходящей силы.

- Сегодня ты увидел нечто чудесное, - сказал учитель Рокуан, стоящему рядом с ним Казуки. – В мире существует лишь пять таких драконов, каждый из которых поклялся охранять одно из важнейших поселений смертных. Я рад видеть, что даже когда ками обернулись против нас, духи драконов держат свою клятву. Фудайдзю – это духовный центр Дзюкай, и мы не можем позволить ему пасть.

Дзюган продолжал кружить под ними, наращивая почти ослепительную скорость. Снова и снова он бросался на дубы, разрывая деревья, выхватывая ками зубами, и разбрызгивая их внутренности по окрестностям. Ками отступили глубже в дебри Дзюкай, один за другим исчезая в утренних тенях.

- Мы спасены, - выдохнул Казуки. Он был крепко сложен, мускулы играли на его теле, обнаженном, за исключением красных штанов и широкого пояса. Некоторые говорили, что если Казуки был не сильнейшим в Ордене, то, по крайней мере, самым крепким. Он был обучен выдерживать крайний жар и холод еще в одиннадцать лет, и все же, несмотря на свою стойкость, сейчас он чувствовал, что дрожит.

- «Спасены!» – Фыркнул Рокуан. Под ними взревел Дзюган. – Ты показываешь мне лишь свою слепоту, Казуки. И мне стоит задуматься, правильно ли я подобрал ученика для задания, которое воистину определит, «спасены» мы, или нет.

- Учитель?

Рокуан громко вздохнул. Его глаза все еще следили за лесом и драконом. – Погоди-ка. Прибыло еще больше кумо.

Весь лес затрещал звуком, подобным на трение тысяч речных камней друг о друга. Выползая из-под кустов, новый вид ками наступал на Фудайдзю. Эти ками выглядели еще более похожими на пауков, чем кумо из первой волны, и все же на их телах, размером с лошадей, было слишком много лап, а их плоть, казалась созданной их покрытых мхом камней. Перед каждым ками были вытянуты длинные лапы, увенчанные лезвиями, похожими на острые серпы или косы.

- Полагаю, ками решили не надеяться на скрытность с появлением Дзюгана, а? Хорошо. Меня тревожили звездные ткачи своей бесшумностью. Посмотрим, как Дзюган справится с этими новыми кумо. – Учитель Рокуан говорил скорее с собой, нежели с учеником.

Казуки выгнул шею, чтобы взглянуть вниз. Храм уже кипел деятельностью. Монахи будока бегали парами от Фудайдзю к Стене. Оружие всех видов и размеров было выстроено вдоль внутренней стены природного ограждения. Тут и там монахи из других орденов шумели, стремясь быть полезными. Различные крики эхом расходились вокруг храма, в некоторых слышался ужас, в других команды, иные звали Учителя Рокуана.

Громогласный рев Дзюгана вернул внимание Казуки к полю боя. Дух дракона рвал новых кумо на части своими лапами, разбивал массивными челюстями, и давил ударами хвоста. Дзюган напоминал Казуки воздушного змея, поймавшего ветер и пытавшегося одновременно быть повсюду, чтобы не дать ни единому ками приблизиться к Стене. Кумо резали чешуйчатую кожу дракона, но тут же были разорваны на куски в вихре бурлящей ярости Дзюгана.

Звук, подобный грому, прокатился над Дзюкай. Казуки быстро оглянулся и сразу обнаружил его источник. Деревья в лесу разлетались в стороны под непонятным натиском чего-то, несущегося под кронами в сторону Фудайдзю. Дзюган сбросил нескольких кумо и бросился навстречу новой угрозе. Ками, еще больший, чем сам Дзюган пробивался сквозь Дзюкай. В то время как кумо были подобны гигантским паукам, этот новый ками бы скорее исполинской сороконожкой, чье черное тело продолжалось вглубь леса. Казуки в ужасе наблюдал, как титаническое насекомое встало на дыбы, явно собираясь обрушиться на Стену.

Однако Дзюган набросился на ками раньше. Дракон и сороконожка откатились в сторону, переплетаясь телами, сминая дубы, как молодые побеги. Казуки закрыл уши, когда треск деревьев и рев дракона пронзили утренние небеса. Рядом с ним, Учитель Рокуан, не шелохнувшись, наблюдал за схваткой титанов.

Десятки багровых лап ками прижимали Дзюгана к себе, пока громадные мандибулы вгрызались в кожу дракона. Дзюган взревел от боли и ярости, выворачиваясь и кусая чудовище собственными зубами. Ками отпрянул, когда длинные клыки Дзюгана пробили панцирные щитки, но дракон не желал упускать свою жертву. Жидкость, темная и блестящая в тусклом свете, вытекала из раны ками. Со звуком, похожим на хруст от укуса яблока, панцирь раскололся в челюстях Дзюгана, и громадный ками рухнул на землю.

Из раны тысяче-лапого духа появилось еще больше ками. Гротескные сферические тела бесшумных кумо выползли на свежий воздух, вымазанные темной кровью павшего гиганта. Не раздумывая, они выплюнули нити белой слизи, покрывая ими Дзюгана. Дракон взмыл в воздух, унося за собой паутину и кумо, подобно развивающимся косам.

- Ками находились *внутри* этого чудовища? – ахнул Казуки. Он вновь услышал, как его голос начал дрожать от страха.

- За каждого поверженного им ками, - спокойно ответил учитель, - Дзюган может вернуть других в уцуйиё. Некоторые ками леса не умирают, мой ученик, но лишь выталкиваются по ту сторону завесы времени. Мы лишь можем надеяться, что они останутся там надолго.

- И все же, с таким огромным количеством ками, как Дзюган сможет победить? – спросил Казуки. Высоко над храмом дракон сорвал паутину и кумо со своего тела, отшвырнув их в лес. Он взревел, когда несколько кумо подобралось к Стене, и спикировал им навстречу.

Рокуан впервые отвел взгляд от леса. Он взглянул на ученика своими сверкающими зелеными глазами. К этому времени небо уже значительно посветлело, и Казуки ясно видел каждую морщину на лице учителя. Необъяснимым образом, страх, более сильный, чем тот, что Казуки уже испытал сегодня, сковал его сердце в ожидании следующих слов Рокуана.

- Раскрой глаза, Казуки! Дзюган не может их победить. Ками уже ранили его, и их силы не ослабевают. Ни один щит, каким бы огромным он ни был, не сможет выдержать столько ударов. Ками одолеют хранителя храма, и мы сами столкнемся с ними.

Казуки непроизвольно отступил назад. – Как скоро?

Рокуан вновь повернулся к битве. Его голос звучал едва ли не безразлично, он пожал плечами. – Кто знает? Дзюган будет сражаться дни, возможно, недели. Может, даже месяцы.

- А потом?

Рокуан щелкнул языком. – Не отчаивайся, Казуки. Наши тела немощны по сравнению с этими ками, наши знания ограничены, а наша магия слаба. И все же мы дышим. Только это уже достойная причина для надежды. Когда придет время, мы встретим нападение ками с собственными факторами неожиданности.

- Кроме того, - улыбнулся Рокуан, - не думаю, что Дзюган покинет этот мир, не благословив прежде тех, кого он защищает. Фудайдзю и его дети будут непреклонны перед лицом ками.

Земля содрогнулась, когда Дзюган рухнул с небес, разметав фалангу кумо, подползавших к Стене. Десятки ками с серповидными лапами прыгнули с деревьев, явно стремясь подавить духовного дракона своим количеством. Дзюган извивался и бил хвостом, когтями и зубами в размытых от скорости движениях, затем вновь взмыл в воздух. В утреннем свете Казуки различал несколько мелких ран на длинном теле дракона, когда тот пролетал неподалеку от них.

- Кроме тебя, - сказал Рокуан.

- Учитель?

- Ты достойный боец, Казуки, и, вероятно, сильнейший из всех. Но именно из-за этой силы, я подготовил для тебя иной путь в этом сражении. Я призвал тебя сюда, чтобы показать, с чем мы столкнулись, чтобы ты осознал размах своего задания. Когда ты покинешь меня, войди в Колокольню. Сними со стены бревно и ударь в колокол.

- Учитель? – дрожащим голосом сказал Казуки. Перед глазами у него плыло. Священный колокол висел в самом сердце Фудайдзю, но никто в Ордене никогда не слышал его звон. Колокол был артефактом, напоминанием об истории Ордена и центром их молитв. Казуки никогда не предполагал, что его можно было использовать, никогда – как бы странно это ни казалось ему сейчас – не верил в мистическую силу его звона.

- Ударь в колокол один раз и дождись, пока звон не утихнет, - строго сказал Рокуан. – Когда ты не будешь слышать ни звука то удара колокола, кроме звона в ушах, ударь еще раз. Продолжай бить со всей своей силы, Казуки. К тому времени, как ты утратишь слух, ты уже будешь знать, сколько времени должно пройти между ударами. Если кто-то останется в живых, я пошлю его к тебе с едой и водой. Но, если этого не произойдет, продолжай бить даже после того, как усталость замкнет тебя в свои объятия. Ты меня понимаешь?

- Я... - начал Казуки. Где-то под ними Дзюган испустил рев, сотрясший великое дерево.

- Ты понимаешь? – настаивал Рокуан. Он снова повернулся к ученику. Его зеленые глаза вонзились прямо в сердце Казуки.

- Понимаю.

- Хорошо. Боюсь, монахи Ордена Священного Колокола единственные, кто помнит, что звон колокола – это крик о помощи. Я лишь молюсь о том, что ошибаюсь. Когда будешь бить в колокол, советую, тоже молиться. Колокол должен призвать подмогу, прежде чем Фудайдзю будет захвачено, прежде чем наш священный алтарь будет уничтожен.

Учитель Рокуан вздохнул, положив руку на плечо ученика.

- Ступай.

Казуки замешкался лишь на мгновение. Он бросился вниз по Спиральной Тропе, обегая великое дерево. Чем ниже он спускался, чем четче звучали тревожные крики монахов. Эхо сражения зловеще отражалось от Стены звуками, подобными грохоту речных камней и давящимся фруктам в когтях дракона.

Когда первые лучи рассвета осветили Фудайдзю, Казуки добрался до Колокольни. Снаружи, Дзюган, Восходящая Звезда, взревел, и рев его был подобен голосу разъяренного бога.

Рассказанное Шепотом

Rei Nakazawa

- Они лгали нам. – Усмехнулся юнец, и его друзья едва ли не почувствовали запах самодовольства. Это была знакомая картина – Каджия, хоть и не был старше своих семнадцатилетних сверстников, уже провозгласил себя верховным мудрецом. Его ухмылка и блеск карих глаз, обрамленных зализанными назад черными волосами, были привычным выражением его бледного лица.

Маленький класс был тесным, как и большинство других кабинетов в Минамо, в которых места хватало лишь для стола, полки для чернильниц и кистей, и пары стульев и ламп. Небольшое окно, выходящее на Водопады Камитаки, предлагало столь жалкий вид, что большинство учеников согласились с тем, что оно было лишним. Не считая щебета случайной птицы, и постоянного шума воды за окном, ничто не отвлекало учеников от работы... даже, если они сами желали бы на что-то отвлечься. Поэтому слова юноши мгновенно обратило на себя внимание его товарищей.

- Поразительно, - фыркнула Рина, и ее хвостики на затылке осторожно качнулись. Она попыталась вернуться к чтению, полагая, что беседа на этом закончена, но Каджия был не готов завершить разговор.

- Можешь смеяться, если хочешь, но это правда. Я слышал это от Гена.

- От того Гена, которого отчислили на прошлой неделе за бомбу-вонючку в Большой Библиотеке? – Закатила глаза Нозоми. – Он бы не узнал разумную мысль, даже если бы Настоятель Хисока уронил бы ее ему на голову.

- Существуют разные виды интеллекта, - с ухмылкой ответил Каджия. – У Гена он называется, как говорят друзья у меня дома, «уличная смекалка». Он знает, как узнавать то, что другие пытаются утаить.

- И кто нам лгал? – Мотомура никогда бы не признал свою заинтересованность, если бы ему не было так скучно. Слова заклинания на свитке перед ним начали сливаться, и он уже молился о каком-нибудь отвлечении, когда Каджия подал голос.

- Все верховные сенсеи школы, конечно, включая самого Настоятеля Хисоку и Леди Азами. Довольно странно для места, посвященного знаниям, вам не кажется?

- Если ты улыбнешься чуть шире, у тебя лицо треснет. – Вздохнула Рина. – Ты уже разрушил мою концентрацию, так что мы можем послушать, каким бредом напичкал тебя Ген. Расскажи нам: что это за особый секрет, ради сохранения которого сенсеи стали бы нам лгать?

- Ками. – Ухмылка Каджии растянулась, когда он увидел эмоции на лицах друзей, вызванные этим словом: подозрение, отвращение, страх. Но более всего, интерес. – Ками был призван в наш мир прямо здесь, в Минамо!

- Это безумие, - запинаясь, пробормотала Нозоми. – Кто в здравом уме призвал бы ками в наши дни и в нашем веке? Особенно сюда.

- И как мы могли об этом не знать? – добавил Мотомура. – Появление нового ками – это большое событие. Как смогли даже сами Настоятель Хисока и Леди Азами скрыть это?

- Очень тщательно. – Голос Каджии перешел в шепот. – Я говорю о несказанных вещах.

- Ах, это, - простонала Рина. – Эту историю я уже слышала. Это лишь сказка, придуманная старшекласниками, чтобы пугать новичков.

- Нет! Ген рассказал мне, что сенсеи скрывают правду у всех на виду. *Они* хотят, чтобы вы думали, что все это выдумка. Но это произошло на самом деле!

- Что за история? – вмешалась Нозоми. – Я ничего такого не слышала.

- Ты слишком новенькая, - ответил Мотомура. – Но все, кто здесь учится уже какое-то время, знают ее. Ее рассказывают в каждом новом классе, как страшилку на ночь.

Рина, наконец, нарушила повисшее напряжение. – Предположительно, около пятнадцати лет назад, одну ученицу убил водный ками. Ее друзья хотели отомстить, но сенсеи не позволили им сделать ничего такого, что могло привести к нападению на Минамо орд ками. Поэтому, когда Настоятель Хисока и Леди Азами были в отъезде, друзья погибшей вломилась в частную библиотеку Азами и выкрали несколько свитков.

Нозоми ахнула. – Странно, что их не казнили только за это!

- То, что в итоге с ними случилось, было хуже, - усмехнулся Каджия. – Они использовали древние заклинания, разработанные для получения знаний, в надежде, что смогут с их помощью найти, какой ками убил их подругу, и понять, как пленить его. Но они не знали, что эти заклинания были магией самих ками. Они взывали к духу, совершенно неизвестному смертным, и неспроста: его обитель состояла из всех запрещенных знаний, которые могли знать лишь ками. Представь себе нечто подобное, выпущенное на Камигаву!

Нозоми нервно вдохнула; она и не знала, что все это время сидела, затаив дыхание. – Так, что случилось с учениками?

- Никто не знает, - ответил Каджия. – Даже Ген. Но по его наставлению, я поговорил с некоторыми учителями, которые были учениками в то время, когда все это произошло, и ни один из них не смог вспомнить никого, кто бы таинственно исчез, или тому подобное. Но они помнили ученицу, убитую водным ками. Несколько ее друзей были высланы домой вскоре после этого, за неуспеваемость в учебе. Во всяком случае, так тогда заявляли сенсеи. – Возбужденный взгляд Каджии окинул его товарищей. – Разве не видите? Это доказывает, что история – правда!

- И что с того? – спросила Нозоми. – Если это произошло, разве это не значит, что нам надо оставить все это в покое?

- Это проблема всех новичков, - провозгласил Каджия с ухмылкой, раздражавшей Рину. – Они приходят сюда из мелких ферм или деревень, и не представляют ничего, за их пределами. Но Минамо учит нас смотреть на общую картину. Важна не слава, которую мы получим, официально описав ками, о котором никто не знает. Помните, это ками знаний! Кто знает, что мы смогли бы у него узнать? Только подумайте! Мы могли бы преломить ход всей войны! Не говоря уже о том, что мы могли бы использовать для себя!

- Но, по словам Гена, те ученики, которые пытались ввязаться в это, исчезли, - перебила его Рина. – Не думаю, что нам должно повезти больше.

- Ах, но они же не знали, куда они лезут. Они даже не знали, что такой ками существует. А мы знаем. Мы подготовимся.

- И почему ты думаешь, что Настоятель Хисока и Леди Азами еще этого не сделали? – продолжала Рина. – Или, что они не пытались, но не смогли? Наверняка у них есть причина скрывать все это, если они вообще создали весь этот заговор, как утверждает Ген.

Каджия фыркнул. – Ты же их знаешь. Они постоянно запираются в своих маленьких мирках. Настоятель Хисока слишком консервативен, слишком боится, кабы что не вышло в Минамо. А Леди Азами, кто знает, что для нее важно. – Глаза Нозоми и Мотомуры расширились. Последний нервно огляделся, словно ожидая, что настоятели стоят в комнате, гневно слушая разговор учеников. – Говорю же, некоторым просто не дано увидеть общую картину. Но мы можем! У нас есть шанс запомниться! Навсегда!

- Как те ученики из страшилки? Забудь о выдумках Гена. А нам надо думать об экзаменах и нападениях ками.

- Не знаю, Рина, - неохотно сказала Нозоми, смущенно наматывая на палец прядь светлых пышных волос. – Может, Каджия и прав.

Вторая девушка взглянула на нее так, словно ее подруга только что отрастила рога и спрыгнула с обрыва, вопя, что она волшебный летающий олень. – Ты же не пойдешь на это?

- Мои родители мертвы, - последовал ответ. – Их убили ками. Как и старшего брата с дядей. Если бы не Минамо, я бы сейчас была в очередном приюте, или голодала на улице. – Она замолчала. – Мой младший брат даже не помнит родителей. Он не представляет, каким несчастным он должен себя чувствовать. – Она подняла красные, но еще сухие глаза. – Я пришла сюда, чтобы что-то изменить. Остановить войну. Если я должна исчезнуть, чтобы сделать это, я исчезну.

Рина повернулась к Мотомуре. – Я тебя знаю, - сказала она ему, почти умоляя. – Ты же не согласишься на эту дурацкую авантюру, правда?

Мотомура покраснел. – Я не очень умный, Рина.

- Мотомура...

- Нет, не пытайся лгать. Я знаю, что в магии мне далеко до тебя, или Каджии, или Нозоми. В смысле, я хочу сделать что-то стоящее, как Нозоми, но я знаю, что никогда не смогу сделать это сам. Я не хочу умереть одиноким и забытым, Рина. Я хочу, чтобы люди запомнили меня. Я хочу, чтобы после меня все было лучше, чем до моего рождения, но не думаю, что смогу достичь этого без посторонней помощи. – Он поднял на нее взгляд, который она никогда прежде не видела на его широком, пухлом лице. Крупный, высокий, с блестящей лысиной, Мотомура больше подходил на роль слугителя Дзюкай, чем подающего надежды мага Минамо. Его взгляд из-под тяжелых век явно казался «туговатым» тем, кто его не знал, но если в Мотомуре было что-то, на что можно было положиться, то это была его стабильность, даже в самые мрачные времена. Но теперь, он казался почти... напуганным, что, в свою очередь, испугало Рину больше, чем она могла описать. – Это может быть моя лучшая возможность. Мой единственный шанс.

Рина смотрела на лица друзей: Мотомура, утопающий в печали; Нозоми, погруженная в мысли; Каджия, все еще ухмыляющийся, как идиот. Она вздохнула. – Ладно. Если вас всех исключат, у меня больше не останется друзей. Кому-то нужно присматривать за вами, ребята.

Каджия засмеялся. – Вот это сила воли!

- Так, с чего начнем? – спросил Мотомура.

- С чего тут все обычно начинается? С Большой Библиотеки.

* * * * *

Все четверо бесшумно ступили в залы Большой Библиотеки, и не только из-за строгого хранителя свитков, мрачно осмотревшего их у порога. Стены библиотеки были укрыты полуденным сумраком, от чего библиотека казалась бескрайней. Сияние сотен зачарованных фонарей излучали мягкий свет на полки со свитками и стопки бумаг на столах. Единственными звуками здесь были случайное покашливание, или шорох бумаг, эхом отражающийся о сводчатый потолок. В воздухе пахло пылью, древностью, и мудростью. Когда Нозоми впервые показали библиотеку, она отметила благоговейным взволнованным голосом, - Вот, как, должно быть, ощущается поклонение ками. – Никто не смог с этим поспорить.

- Так, что мы ищем? – спросила Рина. – Я знаю, что Леди Азами сейчас в академии, так что мы не сможем ничего украсть из ее личной библиотеки, но что ты надеешься отыскать здесь?

- Информацию, - ответил Каджия. – Об этом ками и о том, что он делает. Плюс, Ген мне еще кое-что сказал: у Леди Азамы больше нет личной библиотеки.

- На нее это не похоже, - сказал Мотомура.

- Это было не ее решение. Ген сказал, что слышал слухи, что сам Настоятель Хисока заставил ее отдать библиотеку, отчасти из-за инцидента, и отчасти потому, что он полагал, что она прибрала к рукам лучшие материалы. Я смотрел на планы академии, в них учтен едва ли не каждый квадратный дюйм всего здания.

- Так, где все эти свитки с запрещенными заклинаниями, которыми воспользовались те ученики? – пробормотала Рина.

- Вот именно. Ген не думает, что они в хранилищах, поэтому, я подумал, где лучше всего спрятать набор свитков, если не в библиотеке? Особенно в самой крупной библиотеке Камигавы?

Лицо Мотомуры исказилось в сомнении. – Ты, правда, думаешь, что эти свитки где-то здесь, мы их найдем?

- Если их здесь нет, я не знаю, где еще они могут быть. На счет того, чтобы их отыскать, ну, для этого мне понадобится ваша помощь. Мы разделимся, и каждый возьмет на себя четверть библиотеки. Ищите все, что может относиться к ками, которого мы ищем, и древних заклинаний на эту тему. Встретимся здесь через... два часа?

- Два часа? – обеспокоенно повторил Мотомура. – Чтобы обыскать одну четверть этой библиотеки? – Его взгляд скользнул по бесконечным рядам из полок.

Каджия улыбнулся. – Тогда нам лучше приступать, не так ли?

* * * * *

Когда Мотомура плюхнулся на стул у входа в библиотеку, спустя два часа, в глазах у него рябило и плыло. Он видел возвращение Нозоми сквозь размытую дымку, но даже при этом он заметил, что ее волосы были растрепаны больше, чем когда они расставались.

- Нашел что-нибудь? – ее голова бессильно опустилась на поверхность тикового стола, но истощение ее исходило скорее от скуки, чем от усталости.

- Бездарные стихи. Трактат по почестям в могильных письменах орочи. Еще бездарные стихи. Самурайские хроники, в которых не происходит ничего интересного. Бумаги от прежних учеников, которые написаны хуже, чем пишу я. И я даже половины не обследовал. С другой стороны, теперь я знаю заклинание, от которого моллюски светятся в темноте. А у тебя что?

- Эссе о превосходстве археологических находок в Арабе, - ответила она, не поднимая лица со стола. – Словарь со словами, вышедшими из обихода два века назад. Смехотворно устаревший атлас. Книги по искусству, которые усыпят даже ками. Ничего мало-мальски важного.

- Разве это не замечательно? – сиял Каджия, присоединившись к ним. – Исследование, чтение, поиски... Разве это не заставляет чувствовать себя живым?

Впервые Мотомура понял, почему Рина иногда выражала желание столкнуть Каджию в Водопады Камитаки. – Так, ты нашел что-нибудь?

- Совсем ничего! – Радостно ответил он. – Но помните: важно само путешествие, а не пункт назначения!

Мотомура собирался спросить, что они тогда здесь делали, как вдруг Рина подбежала к столу с охапкой пергаментных свитков в руках. – Кажется, я что-то нашла.

Голова Нозоми метнулась от стола. – Наконец-то!

- Что здесь? – спросил Каджия, уже наклоняясь через плечо Риной, пытаюсь рассмотреть бумаги.

- Это называется «Путешествие Странника». Это журнал бывшего самурая, который провел годы, путешествуя по Камигаве много лет назад. Он описывает много подробностей, особенно о каждом ками, о котором он узнавал или встречал в своих скитаниях. По-видимому, он слышал, что...

- Ученики суют нос в дела, их не касающиеся? – от ледяного голоса по спинам всех четверых пробежали мурашки. Мучительно медленно их головы повернулись в тщетной надежде, что они не увидят то, что увидят непременно. Леди Азами, скрестив руки на груди, гневно смотрела на них сквозь очки сверлящим взглядом, кинжалом вонзавшимся в их сердца.

- Было приятно познакомиться со всеми вами, - прохрипел Мотомура.

* * * * *

- Вы лезете в дела, которые вас не касаются! – Звонкий тон Каджии злобно перебивал голос Леди Азами; словно она снова читала нотации им четверым. Они сидели в комнате Каджии, их лица все еще были красными от слов старшего библиотекаря. – Или же участвуете в грандиозной трате времени. Выбирайте!

- Это было... страшно. – Проговорила Нозоми уставившись в пустоту с широкими, нервными глазами.

- Новенькие всегда чувствуют себя подавлено после того, как на них в первый раз наорет Леди Азами, - тихо сказал Мотомура. – Скоро оправившись.

Лишь Рина выглядела спокойной, почти задумчивой. – Она слишком остро реагировала, - произнесла она таким отстраненным шепотом, словно обращалась к таинственному ками запрещенных вещей.

- Леди Азами? Слишком остро реагировала? – лицо Мотомуры исказилось в раздумье. – Ты права. Это странно.

- Согласна. Она почти кричала, когда говорила о бессмысленности «сплетней Гена». Мне неприятно это говорить, но думаю, Ген и Каджия, что-то нащупали.

- Правда, теперь в моем оправдании мало смысла, - пробормотал Каджия, склонив голову. – Леди Азами запретила нам месяц посещать Библиотеку. Она отобрала «Путешествие Странника». Как мы теперь хоть что-то отыщем?

Ухмылка, подобная той, что украшала Каджию ранее этим утром, растеклась по лицу Риной. – Это очень хороший вопрос. Возможно, с помощью... этого? – театральным жестом она вытащила из мантии свиток. Каджия тут же вырвал его у нее из руки и развернул.

- «В моих скитаниях я слышал о ками, который...» - он в изумлении поднял глаза. – Это же...! Но как?

- Мой отец был фокусником. Не *йюши*, конечно, но весьма искусным в простых фокусах с исчезновениями для развлечения детей. Он научил меня паре приемам с ловкостью пальцев.

Но ее уже никто не слушал. Все ученики сгрудились вокруг стола Каджии, на котором он медленно развернул свиток, зачитывая вслух выведенные на нем слова.

* * * * *

Возможно, мне стоило учиться на ниндзю, а не на йюши. Мысль, метавшаяся в мозгу Каджии, была столь абсурдной, что он едва не фыркнул в голос, чуть провалив все попытки оставаться незамеченным. Прокрасться в Большую Библиотеку после ее закрытия было, в конце концов, вторым по сложности делом после воровства у О-Кагачи, самого верховного ками. Но он обнаружил, что это было до смешного просто, возможно, потому, что у него была сильная мотивация. Я знаю, где находятся древние свитки!

В «Путешествии Странника» говорилось многое о ками несказанных вещей, называемом «ками всего запретного» теми, кто хоть раз о нем слышал. – *Оказывается*, - сказал Каджия остальным, читая этот опус ранее в своей комнате, - *тогда по всей Камигаве перешептывались о какой-то неизвестной силе. Это было как раз в то время, когда произошел тот несчастный случай. Те, кто знал об этой силе, называли ее «Товазу».*

- *Это странное имя*, - отметил Мотомура.

- *Это лишь прозвище. Но некоторые были готовы называть его так. Они почему-то боялись даже давать этой силе настоящее имя.*

Но два факта были очевидны: знания исчезали, и люди умирали. Даже за сотни лет до Войны Ками, искусные *йюши* пытались изучить и освоить магию ками. Некоторые жаждали власти, другие богатств, и редкие единицы действовали из простого любопытства. Именно эта последняя группа была Каджии ближе всего.

Подобное исследование было давно запрещено законом Эйгандзё, но ни один даймё не мог следить за всеми каждый день, поэтому оно продолжалось в тайне. Возникали черные рынки, торгующие волшебными знаниями, рынки, которым не могла противостоять даже Минамо; так эти древние тексты оказались в библиотеке в тот судьбоносный день.

- Едва ли не каждый священник, с которым говорил автор, боялся, что Kami будут мстить, - сказал Каджия своим друзьям, - но никаких последствий от мира духов не следовало, поэтому изучения продолжались. Когда началась Война Kami, некоторые йюши были убиты обезумевшими толпами, знавшими о черных рынках, и решившими, что война разожглась из-за них. Со временем, люди поняли, что причина войны в чем-то другом, но, конечно, черные рынки иссякли. Так все и кончилось, но...

- Но? – переспросила Рина.

- Но после этого, начал появляться Товазу. Свитки, содержавшие волшебные знания начали исчезать. Их владельцев и стражников всегда находили живыми, но без сознания. Они говорили, что это дело рук Товазу. По какой-то причине он не мог прийти в материальный мир, как другие Kami. До тех пор, пока те ученики не открыли двери и не пригласили его.

Нозоми вела себя тише всех на протяжении всего рассказа. – *Значит, Товазу пытается вернуть знания Kami из рук людей?*

- Некоторые полагают, что не только это. Единицы жертв Товазу были найдены не в коме, но впавшими в безумие, бормочущими нелепицы, которые в буквальном смысле вредили всем, кто их слышал. Это привело к тому, что многие даймё приказывали казнить таких людей. Все они раньше были великими искателями знаний, известными своей мудростью и любопытством. Автор лишь гадает, почему к ним Kami отнесся иначе.

- Как и я. – Каджии потребовалось мгновение, чтобы осознать, что шепот сорвался с его собственных губ, вырывая его в настоящее. Но затем, ему потребовалось вспомнить, зачем он пробрался в Большую Библиотеку. Лампы все еще горели, но залы были пусты. Каждый его шаг звенел в его ушах, как барабанный бой, пока он пробирался мимо стеллажей к своей цели.

Они и его друзья были очень разочарованы, закончив чтение свитка. Они многое узнали, но ответов на важные вопросы не было. Они решили завершить свои поиски на ночь, и подумать о дальнейших действиях утром. Спустя час после того, как все разошлись, Каджия перечитал свиток в пятый раз, пытаясь втиснуть каждый нюанс в свой разум. Но лишь когда он заметил обрывок следующей части журнала, о путешествиях автора в Лесу Дзюкай, все встало на свои места.

Наконец, он нашел полку, которую искал, ту, что просмотрел Мотомура в их первых поисках. Он знал, что ни один из его друзей не стал бы глубоко вчитываться в свитки, они лишь бегло просматривали первую страницу, и шли дальше. Леди Азами хитро спрятала древние тайны.

Каджия это знал и так, хотя ему понадобился журнал, чтобы вспомнить, что орочи не хоронили своих покойников с надгробными письменами. Они сажали деревья поверх могил, дабы завершить великий цикл жизни, или что-то в этом роде. В таком случае, что фальшивый трактат о могильных письменах орочи делал в библиотеке, если Леди Азами лично утверждала все, что проникало в эти залы? Наиболее очевидный ответ: это был идеальный тайник.

Естественно, лишь первая страница, написанная не более чем пару лет назад, рассуждала об орочи. Остальные страницы свитка были гораздо желтее, покрытые неровными, рваными древними письменами. Хихикая от радости, он принялся запихивать свитки в сумку.

* * * * *

Он знал, что ему следовало сразу позвать остальных, невзирая на комендантский час. Но он не мог удержаться. Сокровище было в его руках, так как же он мог **не** насладиться им? Спустя секунду, после того, как дверь в его комнату захлопнулась за его спиной, он уже читал. С каждым пожелтевшим словом, он чувствовал, как его глаза едва ли не физически влеклись все ниже по страницам, впитывая и переваривая каждый новый кусок тайных знаний. Были моменты, когда он хотел поднять глаза, перевести дыхание, пододвинуть лампу. Но его внимание было приковано к страницам, перетягиваясь от свитка к свитку, словно карп, извивающийся на конце лески с острым металлическим крючком.

Каджия вдруг осознал, что он шепчет, его губы повторяли волшебные слова, выведенные перед его глазами. Он не помнил, когда он начал произносить их, но его рот уже пересох, так что, должно быть уже прошел... час? Больше? Сколько он уже сидит здесь, непрерывно читая? Видел ли он проблески первых солнечных лучей в окне? Он не знал. Он не мог повернуться и посмотреть. Ни на дюйм, ни на мгновение. Не мог оторваться от песни древних слов.

Он шептал, и в его голове расцветали образы времен, давно позабытых смертными, когда сами ками еще ходили по планете. Все больше слов лилось из его уст, и возникало все больше образов, о величественных кристальных дворцах, ласкавших небеса, огромных чудовищах, бурлящих пламенем и ужасом, о бестелесных глазах, колышущихся на морях шелковых вод, наблюдая и выжидая чего-то такого, от чего у него холодела спина. Еще больше слов. Сегодняшний мир. Война, кровь, слезы. Великое преступление, родительская скорбь.

Я здесь.

Тень, которую он не видел, но которая затмила его глаза, увеличивалась и клубилась в комнате.

Я здесь.

Жаждающая, алчущая, непрерывно ищущая. Ярость, скорбь, печаль. Его сердце едва ли не разрывалось в разные стороны, долг и судьба разделились перед ним, словно шелковая ткань.

Я здесь.

Лишь тогда взгляд Каджии оторвался от свитков.

Существо, парящее перед ним, было в буквальном смысле несказанным. С каждым морганием, казалось, оно меняла свою форму. В одно мгновение, оно было клубящимся комом чистой, безликой энергии, в следующее, у него появлялось рычащее кошмарное лицо. Оно было темным. Оно было светлым. Оно было всем. Оно было ничем. Оно было вокруг него, над ним, под ним, за ним, в нем самом, проникая в его душу, взирая в бездну его сердца и смеясь над тем, что оно там находило... Разум Каджии ощущался плотным и тяжелым, словно в его мозге рождался чих. Он обнаружил, что не чувствует желаний закричать или сбежать; он просто сидел, и наблюдал за танцующим силуэтом, с нетерпением ожидая увидеть очередную его жуткую форму.

Ками, наконец, начал стабилизироваться, сгущаясь в перепончатокрылое... *существо*, казавшееся смесью сотен различных форм, слепленных вместе, подобно влажной глине. Четыре лазурных глаза моргнули, смотря на ученика, и его тонкая прорезь рта причмокнула и задрожала. Лапы, похожие на конечности каких-то насекомых, окружали его брюхо, источающее туман и шептали Каджии тонким, пронзительным шипением. Пернатый хвост существа вилял во все стороны,

проходя прямо сквозь тело Каджии, но тот продолжал смотреть, хотя с ужасом, или с благоговением, он разобрать не мог и сам.

Все это время Каджия туманно осознавал, в какой опасности он находился. Нападет ли ками? Унесет ли его куда-то? Или просто уничтожит силой одной лишь мысли?

Когда Товазу, наконец, начал действовать, он не сделал ничего из перечисленного.

Он сделал нечто худшее.

Он заговорил.

* * * * *

Для Азами Озу, старшего библиотекаря Минамо, это был очередной насыщенный день: постоянные проблемы с ками, постоянные проблемы с учениками, преподавание.

В придачу этот юный Каджия и его друзья.

Она прекрасно знала, что они ее послушаются. Поэтому-то, и были помещены древние тексты в главном ярусе библиотеки. Буд-то у нее не было бесконечного числа более безопасных мест, чтобы их спрятать! Но она знала, что со временем, явится кто-то, кто удовлетворит Несказанного.

Естественно, друзья Каджии были встревожены. Они пришли к ней ранее, этим утром, в поисках его. Они явно не поверили ей, когда она сказала, что отчислила его. Она была бы разочарована, если бы они купились на это.

- *Но, если бы Вы хотели это сделать*, - спросила девушка по имени Рина, - *разве Вы бы не отчислили нас всех еще вчера?* – Конечно, отчислила бы, но вслух она это не сказала. Она просто предупредила всех троих, чтобы они не совали нос в чужие дела и забыли о мальчишке. Он явно был не создан для Минамо, и в этом мире существовали куда более важные вещи, о которых стоило беспокоиться, чем один ребенок. Никто из них не остался удовлетворенным ее словами; тот, которого звали Мотомура, казался особенно взволнованным, а юная Нозоми одарила ее страннейшим взглядом, покидая ее кабинет.

Они еще могут доставить проблем. Но, с другой стороны, они могут также стать следующими, кто встретится с Несказанным. Лучше подождать и посмотреть.

Азами оказалась в катакомбах, вытесанных в глубинах парящего острова, на котором возвышался главный корпус Минамо. Она моргнула, встревожившись; она пришла сюда из библиотеки, прежде чем осознала, куда ее ведут ноги. Но так и должно было быть; это же была одна из ее обязанностей.

В первой камере был заключен юноша (нет, к этому времени, уже мужчина), который провел здесь долгие пятьдесят лет, хотя она была уверена, что у него уже давно не было ни малейшего представления о времени. То же касалось и девушки (женщины) в следующей камере. В третьей же, чью дверь она оперла, сидел кто-то новенький, самая яркая надежда, которую видела Азами за долгие годы.

Каджия сидел в углу, дрожа, его глаза метались повсюду, словно наблюдая за полетом комара. Он постоянно шептал на том же забытом, гортанном языке, что и другие. Магические обереги оберегали ее разум (в отличие от стражников, приведших Каджию сюда из его комнаты, он они

поправлялись, хоть и медленно), а также не давали ей услышать или разобрать их бормотание. От одной этой мысли у Азами сжималось сердце.

Когда Настоятель Хисока спросил ее, может ли она что-нибудь сделать для этих несчастных, конечно же, она солгала. Она могла вызвать разработанное лично ею заклинание с эффектом забывания, и со временем эти трое бы вернулись к здравому рассудку. Но это также бы стерло все знания, которыми наделил их Товазу. А это была бы еще большая трагедия, чем трое умалишенных, запертых здесь.

Согласно ее исследованию, Товазу, несмотря на свое ревностное отношение к своему наследию, был, все же, ками знаний. И даже он знал, что как только началась Война Ками, появилась возможность, хоть и ничтожная, что его вид может прекратить существовать. Тогда мудрость веков будет навсегда утрачена. Она могла лишь представить, что его скорбь от этой мысли была столь же сильной, как и ее собственная. Поэтому он стал выискивать смертных с умом и любопытством, для сохранения и охраны наиболее древних тайн ками. К сожалению, невежественный смертный разум был неприспособлен к содержанию этого наследия, не говоря уже о древнем языке ками – и неизбежно скатывался в безумие. Глупые даймё казнили большую часть ранних «учеников» Товазу, но она знала, где пролегла ее судьба, когда осознала, что первые его две жертвы находились прямо здесь, в ее руках.

А теперь и третий. Скоро, через этих троих, она отыщет способ расшифровать слова Товазу, не сходя с ума. В тот день, Война Ками будет выиграна. Ненужная бойня прекратится. И она... она будет оправдана за все. Это будет действительно славный день.

А до тех пор, учеников, не говоря уже о самом Хисоке, придется держать во тьме неведения. Азами вздохнула, размышляя, бывали ли подобные дни у Лорда Конды. Это был тяжкий груз, в одиночку искать истину. Но все же, некоторыми вещами делиться не следовало.

Она заперла дверь, оставив Каджию бормотать себе под нос в полной темноте.

Миссия слуги

Jay Moldenhauer-Salazar

- Такая милашка, - прохрипел Музан. Его толстый большой и указательный пальцы держали Чернильные-Глаза за подбородок. Четырехпалая рука огра без труда могла раздавить ее хрупкий череп, и эта мысль ненадолго мелькнула в его глазах, когда он придвинул ее лицо поближе. От его зловонного дыхания, шерсть Чернильных-Глаз встала дыбом, оно пахло мясом, кровью и вином. – Такая милая, и такая жестокая.

Чернильные-Глаза, не мигая, смотрела в глаза огра.

- Ах, как ты меня дразнишь, сладкая, - продолжал Музан. – Я нашел тебя в болоте одну, изгнанную твоим собственным крысиным племенем. Ты явилась ко мне холодная и голодная, теперь ты сытно накормлена падалью, согрета работой, больше не одна. Ты бы сдохла без меня, маленькая крыска. – Огр зловеще захохотал.

- И все же, любишь ли ты меня за это? – хватка за подбородок Чернильных-Глаз стала болезненной. Под давлением слышался хруст кости. Кожистое лицо огра серовато-лилового цвета заполняло все поле ее зрения. – Я создал тебя такой, какая ты есть, и не получил за это никаких проявлений благодарности. Ты лишь жалкая негодница, моя сладкая незуми, неблагодарная, безответная, жестокая негодница.

От рывка его руки, Чернильные-Глаза отлетела во тьму. Она ударилась о стену спиной, затем головой, и, обмякнув, сползла на холодный пол. Шатаясь, она поднялась на колени.

- Я творение твоих рук, Хозяин.

- Ха! – Вскричал Музан и с неожиданной скоростью метнул в нее тяжелым креслом. Оно бы раздавило хрупкое тело незуми, если бы она осталась на месте, но Чернильные-Глаза откатилась в сторону. Дерево треснуло о каменную кладку, и кресло развалилось на части. Прежде, чем она смогла подняться, огр уже возвышался над Чернильными-Глазами со сжатыми кулаками. Музан был массивным, весь из мышц и костяных выступов, а рев его был оглушителен. – Смотри! Ты сломала мое любимое кресло!

Музан сомкнул пальцы на ее горле и поднял ее, брыкающуюся, над полом. В очередной раз его тошнотворное дыхание обдало ее лицо.

- Ты починишь мое кресло! – Потребовал он.

- Конечно, - прохрипела Чернильные-Глаза. Она уже не могла дышать, поэтому говорила шепотом. – Я почию его, как обычно, Хозяин. – Тьма начала окутывать края зрения Чернильных-Глаз.

- Хорошая конфетка, - сказал Музан, выронив ее, наконец. – Такая милая, такая нежная.

Чернильные-Глаза схватилась за свое горло, кашляя и глотая воздух. Музан повернулся к ней спиной и, шатаясь, побрел в тень. Темнота поглотила его. Чернильные-Глаза слышала, как он возится с очередным бурдюком вина, наполняя свою треснутую кружку. Эхо его мрачного голоса доносилось до нее, отражаясь от голых камней.

- Мой Хозяин требует больше крови. Он говорит о банде незуми, разбившей лагерь неподалеку.

Чернильные-Глаза выпрямилась. Ее черные глаза блестели в тусклом свете комнаты. – Банда незуми? – спросила она. – Ты уверен, что он сказал именно так?

- Конечно, конечно. Хозяин был предельно ясен. Ты хочешь знать, не твоя ли это драгоценная банда Окиба, а? Кто знает? Все крысы одинаковые: жалкие и сопливые. Спроси меня, к какой семье принадлежат жабы снаружи, и мой ответ будет тем же. Кто знает, кто знает? – Чернильные-Глаза слышала, как он сделал долгий глоток, и влажно срыгнул. Его голос донесся сквозь мрак комнаты. – Все, что тебе нужно знать, это кто ведет крыс, сладкая. Найти самого жирного крыса, пережечь его крысиное горло, и принесли мне его крысиную кровь.

Чернильные-Глаза поклонилась. – Как пожелаете, Хозяин.

- Как *мой* хозяин пожелает, - поправил ее Музан и громко отрыгнул. – Но прежде чем уйдешь, почини кресло, моя маленькая милашка.

* * * * *

Поэт как-то назвал Болота Такенумы, Похитителями Рассвета. Солнечный свет не касался их мутных глубин с тех времен, как ками обратили свой гнев на материальный мир, почти двадцать лет назад. Теперь, каким бы ни было время суток, раскидистые бамбуковые топи были окутаны бледным серым свечением в постоянном сумраке.

Чернильные-Глаза протиснулась сквозь тонкий, гниущий бамбук, склоненный под тяжестью мха. Туман стелился у ее ног, когда она с всплеском брела по мелководью. Она хорошо знала эти места Такенумы, и избегала наиболее опасных ловушек, огибая воронки трясины, гнезда жуков-кожееядов, и неупокоенные могилы также легко, словно она скользила сквозь поле из лилий.

Ночь была все еще ранней, и ее жертва еще не спала. Великий Хозяин получит сегодня свою кровь, но это займет еще несколько часов. Чернильные-Глаза срезала кусок бамбука длинным лезвием своего *танто*, подходя к нужной поляне.

Стоя открыто последи грязи и тумана, Чернильные-Глаза сняла нагинату со спины. Она поставила древко алебарды в вязкую почву, и погрузила рядом лезвие танто. Чернильные-Глаза сделала глубокий вдох, закрыла глаза, и вытянулась.

Вскоре она начала слышать всю мелодию Такенумы. Квакали жабы, стрекотали насекомые. Время от времени, неожиданно и назойливо кричала ночная птица. Это были первые звуки, проникшие в уши Чернильных-Глаз, звуки природы, постепенно они растаяли на фоне, сменившись более странным шумом.

Чернильные-Глаза слышала стоны – ками погибших людей, потерянные и блуждавшие среди бамбуковых рощ – заглушившие звуки болота. Она была уверена, что ее слух *не должен* был выделять подобные голоса, и, тем не менее, они были слышны независимо от того, желала она их слышать или нет. Лишь некоторые из их слов были внятными, но Чернильные-Глаза чувствовала, что эти призрачные стоны были движимы эмоциями – мстью, или тоской, или же просто потерянностью, и жалостной растерянностью.

После еще большей концентрации, растаяли даже крики призраков. Послышалась третья мелодия, совершенно неестественная, не от этого мира, но из-за его пределов. Мучительные вопли животных, неразборчивая, бессвязная речь тысяч голосов, говорящих одновременно, и пузырящееся бульканье утопающих в трясины окружили Чернильные-Глаза со всех сторон. Это были кошмарные бормотания ками, осевших в Такенуме; они-то и были причиной ее медитации.

Темные голоса ками потоками кружили вокруг Чернильных-Глаз. Сначала они были не более чем шепотом. Шепот перерос в шумную суету, давящую на ее разум. Суета переросла в какофонию, кричащую ей в уши, угрожая разорвать ее рассудок на куски. Чернильные-Глаза выстояла под натиском потусторонних звуков, выискивая в них свою цель с помощью собственной души. Спустя несколько жутких мгновений, она нашла то, что искала – тихий, безмятежный эпицентр бури ярости ками. Какофония осталась, кружась и набрасываясь на немую сферу, в которую она обернулась, но Чернильные-Глаза сконцентрировалась лишь на тишине. Ибо в этой тишине находились нужные ей знания.

Как только Чернильные-Глаза коснулась рукой кокона из тишины, она отдалась невидимым силам, и ее тело начало двигаться. Левая стопа скользнула в сторону, в мягкую грязь, взбаламутив в ней личинки ночных жуков. Вторая стопа скользнула вперед. Вес тела сместился. Затем начали двигаться руки, голова и хвост. Одна, в ночи, посреди Такенумы, Чернильные-Глаза танцевала, словно на невидимых марионеточных нитях, в пузыре своей бесшумной медитации.

Она танцевала несколько часов в тишине, ведомая потусторонними силами. Чернильные-Глаза считала себя наиболее искусной ниндзей среди незуми, однако, ее никогда не учил ни один смертный сенсей. Всегда, когда у нее появлялась возможность, она возвращалась на эту поляну, место, где она могла полностью отдаться своим тренировкам. Несколько лет назад, голоса призраков и ками, которые могла слышать лишь Чернильные-Глаза, мало что могли предложить разуму измученной девочки. Почему-то, одно то, что она вообще могла их слышать, успокаивало ее, хоть и не много. Совсем скоро, Чернильные-Глаза обнаружила, что стремится к чему-то большему, нежели простое спокойствие в гуще потусторонних звуков, в этой несвязной песне ками.

Когда она впервые обнаружила лакуну тишины, место, где ее разум не разрывался потусторонними голосами, Чернильные-Глаза начала меняться. Она стала заметно быстрее и сильнее после подобных медитаций, более искусна со своим оружием. Ее способности уже превосходили все то, чему она могла обучиться от сотен учителей. Эти навыки не только сохранили ее здравомыслие, но и обеспечили выживание. Чернильные-Глаза выполняла несметное количество кровавых миссий Музана и его темного хозяина, без единого провала. Музан никогда не спрашивал, как его конфетке это удавалось. Одного того, что ей все удавалось, было для него достаточно.

Чернильные-Глаза замедлила движения, затем остановилась полностью. Звуки ками растаяли, словно сброшенные в глубокий колодец. На несколько мгновений их сменили призрачные голоса, но также быстро стихли. Вскоре она вновь была окружена жабами, насекомыми, ночными птицами, и тяжелыми звуками ее собственного дыхания. Как это было всегда после ее подсознательных уроков, она обнаружила *нагинату* в одной руке, и *танто* в другой. По краям поляны, широким кругом, гнилой бамбук был вырублен почти до самой топкой жижи.

Незуми выпрямилась. Несмотря на загадочное свечение болота, бледный диск луны был ясно виден над головой. Уже была полночь, или около того, ее время пришло.

* * * * *

Возвышаясь в сумраке, перед ней стояли остатки некогда величественного храма. Его заостренная крыша все еще была на месте, хотя на ней не хватало примерно столько же черепицы, сколько осталось. То же касалось стен, обветшавших и местами оголенных, но все еще намекавших на былую роскошь строения. Чернильные-Глаза не задумывалась о том, кто служил при этом храме за сотни лет до того, как Такенума поглотила его. Вместо этого она осмотрела местность, чтобы спланировать свои шаги, выбирая точку проникновения в здание.

Остановившись, Чернильные-Глаза повязала черную маску, визитную карточку ее рода деятельности, поверх носа и рта. Помимо маски, одежды на незуми было не много, поскольку она использовала ровно столько брони, сколько требовала ее застенчивость.

Она бесшумно прошла сквозь туман, по дуге подкрадываясь к боковой стене оскверненного храма. Распахнутое окно на втором этаже темнело, как пустая глазница над ее головой. Слегка присев и оттолкнувшись от земли, она взмыла вверх, взобравшись в пустое окно. Охранников не было. Сигналов тревоги не последовало.

Коридор перед ней был почти полностью черным. Чернильные-Глаза передвигалась не спеша, с оружием в руке, прижавшись спиной к каменной стене храма.

Она остановилась, прислушавшись. Тихий храп раздавался из ближайшей комнаты. Незуми двинулась во тьме на звук, готовая выполнить свою миссию.

Прошептав единственное слово, Чернильные-Глаза призвала перед собой шар красного света. Он пульсировал и мигал, словно умирающее сердце, освещая коридор. Когда крыса-ниндзя двигалась, шар двигался с ней, впереди, освещая дорогу. Мастерство нидзюцу было не единственным результатом ее медитаций в Такенуме.

Почти небрежно Чернильные-Глаза вошла в комнату вслед за шаром. В кровавом свете на соломенной подстилке лежала фигура, закутанная в рваное одеяло. В комнате больше ничего не было, кроме грубой мозаики из неясных символов на стене. Это не были письма изначальных служителей храма. Символы выглядели примитивными на фоне искусной каменной кладки стен святилища. Чернильные-Глаза легонько процарапала краем *танто* несколько символов, и они отшелушились хлопьями высохшей крови. Какой бы кровавой магией ни обладали эти письма, их сила давно растворилась.

Чернильные-Глаза слегка провернула *нагинату*, обхватив ее так, чтобы лезвие было направлено вниз. Она шагнула вперед и вонзила оружие в живот спящей фигуры.

Покачнувшись, Музан сел прямо, раскрыв пасть в немом крике. Незуми полоснула ножом вбок, разрезав горло огра.

В пульсирующем свете глаза Музана лишь на миг сфокусировались на Чернильных-Глазах, прежде чем он умер.

Кровь из его ран хлынула на соломенную подстилку. Ниндзя одной ногой оттолкнула Музана в сторону, осушив труп от оставшейся крови. Когда жидкость начала собираться на полу, она отбросила оружие и встала на колени рядом с бывшим хозяином.

Чернильные-Глаза окунула ладонь в теплую кровь и быстро начертила на полу две дуги, затем окунула руки еще раз, чтобы сделать серию резких линий, пересекающих дуги. Кровь продолжала течь из трупа Музана, и незуми наспех начертила тот же узор по широкому кругу вокруг огра.

Спустя несколько минут, красный светящийся шар подлетел вперед и остановился над телом Музана. Шар начал расти. С каждой пульсацией, свет расширялся. Вскоре он был размером с череп, затем вдвое больше, затем величиной с торс Музана. Свет растягивался во все стороны, пока не превратился в погребальный костер, поглощающий труп Музана. Чернильные-Глаза поклонилась, вытянув руки перед собой, и замерла в ожидании.

Долго ждать не пришлось.

- *Хорошо*, - произнес голос, подобный десяти тысячам цикад.

Чернильные-Глаза подняла голову.

Свет теперь парил над трупом Музана, подобно сверкающей завесе из крови. За ней ниндзя рассмотрела огромный силуэт. Казалось, он находился на каком-то расстоянии, позволяя ей увидеть себя во всей красе. Он грубо походил на человека головой и телом, но у него было два закрученных к низу рога на ширину плеч. Его руки и ноги были подобны искаженным костям, с узловатыми суставами и без всяких видимых мышц. Каждая рука венчалась массой щупалец, кишасших, как змеи.

И все же, прежде всего, Чернильные-Глаза обратила внимание на глаза о́ни. Три красных шара выжидающе взирали на нее.

- *Я очень доволен твоим предательством*, - произнес демон. – *Встань, моя слуга*.

Чернильные-Глаза поднялась.

- *Ты принесла мне больше крови, и все же мне нужно еще больше, и потребуется больше после этого. Музан был слаб. Он пытался скрыть тебя от моего взора. И все же, я видел истинную слугу, кормившую меня все эти годы. Ты получишь награды за свои верные дела, слуга моя, и силу, за пределами той, что ты уже сама отыскала в Болотах Такенумы*.

- Ты знаешь? Как...? – начала Чернильные-Глаза.

- *Молчи. Я знаю о твоих медитациях, да, и я знаю, что они тебе дают. Выполняй мои приказы, и то, что ты уже познала, станет ничем по сравнению с твоим вознаграждением. Пусть же мои дары станут тебе напоминанием о необходимости исправно служить мне, и пусть труп Музана станет напоминанием о цене за провал*.

Тело незуми замерло от удара разряда красного света. На мгновение она вскрикнула от боли, несравнимой ни с чем, что она испытывала до сих пор. Ее кровь словно вскипела в ее венах, глаза были готовы брызнуть из черепа. Каждая мышца ощущалась так, словно ее отдирали от костей. Однако, также быстро, как боль наступила, она исчезла, оставив лишь память об этой пытке. Чернильные-Глаза хватала воздух, лежа на окровавленном полу.

- *Поднимись, Чернильные-Глаза, Слуга Куро. Встань, Чернильные-Глаза, Осквернительница*.

Чернильные-Глаза поднялась.

Сила вытекала из ее глаз, в виде красного тумана. Ее тело ощущалось сильнее, быстрее чем когда-либо. После своих медитаций она всегда чувствовала себя обновленной, но ничто не могло сравниться с тем, что она испытывала сейчас. Ее прошлые способности казались едва ли не смехотворными в сравнении с тем, что она чувствовала теперь. Каждый ее орган был пропитан жадой убийств.

Чернильные-Глаза склонила голову на бок, неожиданно осененная иным знанием. Она взглянула под мерцающий портал и протянулась к телу о́гра своей новой силой.

Палец Музана дрогнул.

Труп пошевелился посреди пропитанной кровью соломы, окутанный красным сиянием. Музан встал на ноги, обнаженный, с окровавленной прорезью в животе. Его голова свисала на бок, шея была почти полностью отрезана клинком Чернильных-Глаз.

- Как...? – хрипло сказал огр. Его пустой взгляд остановился на незуми перед ним. Он склонился перед Чернильными-Глазами. – Какова твоя воля, Госпожа?

Они захохотал из-за своей завесы, и его кошмарный смех заглушил все остальные звуки в округе.

Чернильные-Глаза взглянула на своего нового слугу, стоящего перед своей Госпожой. В терпеливом ожидании огр смотрел ей в глаза. Хохот Куро заполнил ее слух.

Черная маска все еще закрывала ее рот, и все же, впервые за все время, что она могла вспомнить, Чернильные-Глаза улыбнулась.

- Пойдем, - махнула она трупку Музана. – У нас много работы, сладенький.

Покровитель акки

Jeff Grubb

Акки Ик-Ук был обречен в тот миг, как заметил бутылку, хотя и не осознавал этого еще целую неделю.

Он нашел ее в помойной канаве, неподалеку от входа в крупную сеть пещер, в которых за долгие века жили различные племена акки. Каждое племя поступало со своими отбросами одним и тем же, проверенным временем гоблинским способом – выбрасывая его за дверь. В результате образовалась разрастающаяся долина мусора, слой за слоем от поколений за поколениями акки.

И Ик-Ук, низший из низших, рылся среди этого хлама, выискивая крохи, которые он мог бы съесть или обменять.

Ик-Ук был весьма неплох в своем деле, и прекрасно знал свою территорию. Поэтому, когда прошлой ночью, в глубине отходов взорвался газовый пузырь, выпалив в небо огненный гейзер синевато-белого пламени, похожий на сигнальный огонь, он сразу понял, что нижние слои помойной кучи были разворочены, и древние, затерянные сокровища могли подняться на поверхность.

И он знал, что не ошибся, беря в руки эбеновую бутылку и обрекая себя на проклятие.

У бутылки было узкое горлышко, в стиле древних династий, и по всей ее темной поверхности были нанесены струящиеся письмена. Рунические символы текли, словно растопленные огнем, танцуя, и плавясь перед глазами Ик-Ука.

Будь Ик-Ук человеком, он бы отнес бутылку в безопасное место. Он бы искал совета у других, более образованных, чем он сам людей. Он бы распутал письмена и понял их значение. Он был бы осторожным.

Но Ик-Ук был акки, и, хотя он знал многое об отходах и прочих древностях, он не слыл мудрейшим среди своего каменно-спинного, рогато-плечевого рода. Поэтому он потряс бутылку. Что-то твердое загремело внутри. Обрадовавшись, он вытащил старую пробку.

Из горлышка бутылки вырвался поток огня. Если бы Ик-Ук был капельку нетерпеливее, сила взрыва ударила бы его прямо в лицо, избавив от всего того, что случилось с ним после. Ему не повезло (поскольку он направил горлышко в живот, пытаясь откупорить его обеими руками), поэтому вместо того, чтобы сгореть заживо, он лишь отлетел назад под напором вырвавшегося наружу оранжевого пламени.

Покинув бутылку, пламя теперь клубилось в воздухе перед ним.

Несмотря на свой низший статус, Ик-Ук знал много всего, в том числе, что огню требовалось что-то жечь, иначе он затухнет и умрет. Дерево. Одежда. Плоть. Даже камни могли гореть, при достаточной температуре. Но это пламя было другим. Оно висело в воздухе, и пока Ик-Ук наблюдал за ним, пара одинаковых темных пятен появилась в огне, превратившись в глаза, мрачно взиравших на акки.

Ик-Ук попятился назад. – Не подходи! – Пролепетал он, схватив бутылку за горлышко и замахнувшись ею, как дубиной.

Еще одно темное пятно образовалось под глазами. – Я не подхожу, – произнес огонь, продолжавший преобразовываться на глазах Ик-Ука. Пламя сложилось в себя, языки пламени

начали принимать знакомые формы. Его тело напоминало рыбу, нарисованную ребенком акки, с пухлыми складками пламенной кожи и тощим тельцем, поддерживающим громадную голову. Два верхних пятна, обернулись плоскими бронзовыми монетами, плотными и парящими в огненном обличи. Крошечные, бесполезные руки, или плавники из прозрачного огня, весели по бокам. Существо приняло облик зародыша акки – не более чем пламенный головастик.

Несмотря на свой низший статус, Ик-Ук знал всякие древности, и мог опознать ками, когда видел его. Ками были духами, существами из другого мира – прекрасными, кошмарными, и очень, очень враждебными. И это определенно был ками, хотя, судя по его размеру, довольно низкого ранга.

И все же, даже самый низший ками мог уничтожить акки одной лишь мыслью. Ик-Ук бросился назад, за кучу мусора, все еще сжимая в руке бутылку.

- Не бойся, - произнесло существо, - Могу ли я служить тебе?

Повисла пауза, пока Ик-Ук размышлял, как далеко он сможет убежать, если бросится со всех ног. Не далеко, решил он.

- Ты дух, - наконец, сказал он.

Пылающий головастик кивнул, и моргнул бы, если бы его глаза это позволяли. – Малый дух, некогда я был частью большего существа. Могу ли я служить тебе?

Ик-Ук прекратил пятиться. Несмотря на свой низкий статус, акки мусорщик слышал рассказы и о помогающих ками. В особенности ему припоминалась истории о Смеющемся Рико, акки, о котором говорили, что он помог огненному ками, и был вознагражден великой силой. Смеющийся Рико стал известным шаманом среди акки, хотя многие полагали, что он едва ли бы чем-то большим, чем ручной зверушкой огненного ками.

Этот был похож на огненного ками, и он тоже казался дружелюбным. И мысль о великой силе нравилась Ик-Уку.

- Почему, - медленно пробормотал акки, собираясь с духом, - Почему ты был в этой бутылке?

- Я малый дух, - ответил пламенный зародыш, - Отколотый от большего существа, на которого я посягнул, и коим бы заточен. Почему ты боишься? Разве ками не добры к смертным?

- Когда-то были, - сказал Ик-Ук, опуская бутылку на долю дюйма. – Давным-давно, в дедовские времена. Теперь ками воюют с живыми, и удерживаются оковами заклинаний, или умаляются жертвоприношениями.

- Почему так? – спросил немигающий дух.

Акки пожал своими непропорциональными плечами, - Не знаю, но готов поспорить, виноваты люди. Они всегда во всем виноваты.

Дух тихонько потрескивал, паря в воздухе перед Ик-Уком. – Я был заперт довольно много времени, - наконец, сказал он. – Может быть, достаточно долго, чтобы большее существо простило меня.

- Может, твоего большего существа больше не существует.

- Возможно. – Воцарилась еще одна пауза, заполненная потрескиванием его эфемерного тела. – И все же, ты выпустил меня. Это требует платы. Могу ли я служить тебе?

Ик-Ук открыл рот, но когда он заговорил, то услышал другие голоса с вершины мусорной кучи – тяжелые, хриплые голоса, скрежещущие в ушах и вселяющие страх в его душу. Другие акки. Другие мусорщики, спавшие утром, и лишь теперь пришедшие к помойным завалам. Ик-Ук не уступал любому другому акки, но в компании, они попытаются отнять у него его находку.

Ик-Ук махнул бутылкой в сторону надвигавшихся силуэтов на холме. – Защити меня! – Выкрикнул он, пытаясь подавить как можно больше испуганного писка в голосе.

- Как пожелаешь, - сказал пылающий дух, и взмахнул в сторону первой фигуры только что ступившей на вершину мусорной кучи.

Крупный акки, широкоплечий здоровяк по имени Ху-Ху, вскрикнул, когда его голова неожиданно вспыхнула кроваво-белым пламенем. Он безуспешно шлепал себя по лицу и ушам своими широкими когтистыми ладонями, но быстро рухнул в мусор, окутанный дымом. Крики превратились во всхлипывание и мольбы, затем во влажные звуки, и, наконец, стихли.

Другие акки, всего четверо, ошарашенно замерли от неожиданного поворота событий, но лишь на мгновение. Двое вскричали и бросились к Ик-Уку, двое оставшихся тоже закричали, но побежали назад, к входу в пещеру. Дух взмахнул еще раз, и все четыре их головы вспыхнули ярким огнем. Все они повалились на землю, и треск пламени заглушил их последние проклятия.

Запинаясь, Ик-Ук пролепетал, - Ч-что ты сделал?

- Защитил тебя, - произнес зародыш, окутанный ореолом огня, - разве это не то, чего ты пожелал?

- Да, - сказал Ик-Ук, но помотал головой. Свеже изжаренные мусорщики были соперниками в его ремесле, но у них были семьи. Семьи, которые сложат дважды- (у Ик-Ука появился новый огненный друг) -два (обнаружены обугленные останки их собратьев), и придут к логическому выводу. – Нет, - он снова помотал головой, - Ты должен оберегать меня от вреда, - добавил он.

- Я могу защищать тебя, - сказал дух, улыбаясь, и впервые Ик-Ук заметил, что у ками были очень, очень острые зубы – бронзовые треугольники, парящие, как и глаза, в облаке застывшего пламени.

- Да, защищать меня, - сказал акки, - но не вредить никому, если я тебе этого не скажу. Ты сможешь так?

Дух взглянул на него пустыми глазами, и Ик-Ук задумался, не превзошел ли он способность существа воспринимать информацию. Ками были могущественны, но они могли не быть сведущи в путях и тонкостях мира смертных.

А конкретно этот ками не был в этом мире дольше остальных. Однако он кивнул и сказал, - Как долго я должен защищать тебя?

Несмотря на свой низший статус, Ик-Ук понял, что это был камень преткновения. Сказать вечно, ками обидится. А вокруг обиженных духов обычно творились нехорошие вещи. Сказать что-то вроде, - до конца жизни, - и продолжительность жизни, скорее всего, станет весьма короткой. Поэтому, вместо этого он сказал, - Год и один день.

Да, это то, что надо. Что такое год и один день для существа, проведшего вечность заточенным в бутылке? А спустя год и один день, он будет знать достаточно о духах и границах их возможностей, чтобы самостоятельно защититься от любого гневного ками.

- Год и один день, - повторило огненное существо, виляя хвостообразным отростком в явном удовлетворении. – Этого будет достаточно.

- И еще одно, - сказал акки, - То, что ты сделал с ними, - он указал на дымящиеся тела бывших мусорщиков, - Не делай такого со мной. Никогда.

- Я бы никогда и не подумал об этом, - ответил ками.

- Теперь, - сказал Ик-Ук, - мне нужно убраться подальше отсюда.

- Куда ты хочешь пойти? – спросил дух.

- Подальше, - повторил акки, - отсюда. – Он подумал еще пару мгновений. Ему надо бы найти какую-нибудь мощную древнюю реликвию, чтобы держать ками в узде. Да, надо бы. Он помахал бутылкой перед духом и сказал, - Ты был заперт довольно давно?

- Похоже, что да, если духи теперь воют со смертными, - сказал ками.

- Тогда ты знаешь о старых местах силы, - сказал мусорщик.

- Знаю. Но такие места, возможно, уже не существуют, - сказал дух.

- Это верно, - сказал Ик-Ук, - но их останки могли еще сохраниться. Отведи меня туда.

Так, на протяжении восьми дней, они двигались на запад, глубже в Горы Сокезан. Они мало общались, не считая случайных вопросов от духа.

- Как акки живут в нынешние времена? – спросило объятые огнем существо.

- Как и всегда, - сказал акки, - в горах.

- И они боятся духов?

- Все боятся духов, - сказал акки.

- Они даже боятся покровителей рас? – спросил ками.

- Особенно покровителей, - сказал Ик-Ук.

Дух затих на минутку, затем сказал, - Духи-покровители всегда были благосклонны к своим народам.

- Может быть, когда-то, - сказал акки, - но теперь они все обезумели, и превратились в воплощение ненасытных appetites. Покровитель Орочи когда-то был прекрасен, но теперь он не более чем громадный червь, из переплетенной лозы. Покровитель Незуми раньше был лучезарным, но теперь рыщет по болотам в виде прожорливой челюсти на тонких лапах. И чем меньше говоришь о духе-Покровителе лунного народа, тем лучше.

- А покровитель твоей расы? – спросило мерцающее существо. – Покровитель Акки?

Ик-Ук подавил дрожь и попытался не думать об этом. Вместо этого, он сказал, - Не лучше и не хуже остальных, я думаю. Покровители, и все великие духи теперь внушают ужас, о них думают не более, как об огромных чудовищах. Их ненавидят и боятся.

У ками в виде пылающего зародыша акки не было ответа на эти слова, и они продолжили идти в тишине.

Спустя два дня они покинули земли, известные Ик-Уку, и теперь брели по диким местам, где редко ступала нога акки. Дух пригасил свое пламя, и теперь выглядел не более чем искажением нагретого воздуха. Лучше не привлекать к себе лишнего внимания.

Они дважды подвергались нападениям: один раз от горных медведей, а второй – от огров. Каждый раз ками оставался верным своему обещанию, ожидая разрешения Ик-Ука, а затем испепеляя нападавших силой мысли. У огров Ик-Ук нашел нож, который он теперь носил, как короткий меч. От медведей ему досталось свежее мясо.

Наконец, они прибыли к древней горе, пик которой был изрыт входами в пещеры. На опытный взгляд Ик-Ука, это был дом многочисленных гоблинских цивилизаций, и, тем не менее, у его основания не было традиционной насыпи из отходов – неужели, коренные жители этого заброшенного комплекса нашли лучший способ избавляться от своего мусора?

- Это здесь? – спросил Ик-Ук.

- Да, - сказал ками, и в его голосе звучал вздох грусти.

- Похоже, оно давно заброшено, - сказал Ик-Ук, фантазируя о сокровищах, которые можно было отыскать внутри.

- Да, - снова вздохнул ками, - похоже на то.

Однако Ик-Ук ошибся в своей оценке, как он понял всего в паре сотен футов вглубь главного зала пещер. Фигуры в темных плащах пошевелились в тених, тонкие, сильные пальцы сжали его руки, и обутые в сапоги ноги ударили ему по тыльной стороне колен. Не успел он опомниться, как рухнул на спину, не успев приказать ками защитить его. Он мельком заметил другого акки, в высоком золотом головном уборе, затем образ дубины, стремительно приближавшейся к его лицу, и затем ничего, кроме темноты на очень долгое время.

Когда Ик-Ук очнулся, он не мог пошевелиться. Он был привязан за запястья и лодыжки к крестовидной дыбе. Он открыл глаза и обнаружил, что смотрит в пустоту у самых его ног.

Это была пропасть, глубоко под горой. Языки первобытного пламени самой горы мелькали глубоко под его ногами, и громадные тени вздымались из глубин бездны. Он находился на выступе скалы, опасно свисая над пропастью.

Над ним послышался барабанный бой и, подняв голову, он увидел других акки, у краев выступов. Снизу они казались жуткими, как огры, и Ик-Ук заметил, что на многих из них были надеты богатые головные уборы, похожие на тот, что был у акки с дубиной.

Он захрипел, его горло пересохло от жара бездны. – Дух!

- Я здесь, - сказал пылающий головастик с бронзовыми глазами и зубами, паря в паре футов от него.

- Что случилось?

- На тебя напали, и ты потерял сознание, - ками смотрел на него широкими, немигающими глазами.

- Ты же должен был защитить меня! – Прошипел акки.

- Верно, - сказал kami, - Но ты плохо отреагировал, когда я убил твоих собратьев прежде, поэтому я подождал, пока ты сам мне не скажешь, что делать. И когда ты был без сознания, я ждал, когда ты очнешься.

- Ты называешь это моей защитой? – огрызнулся Ик-Ук.

- Они хотели убить тебя на месте, - спокойно сказал дух. – Я материализовался перед ними, и они передумали. Они принесли тебя сюда. Поэтому, да, я защитил тебя.

- Что ж, защити меня теперь, - прорычал связанный акки. – Освободи меня и убей их всех сейчас же!

Kami все также парил рядом с Ик-Уком. Ни один из злорадных акки вверху не вспыхнул огнем. Даже те, у кого были золотые шапки.

- Ну? – нетерпеливо сказал Ик-Ук.

- Я не могу, - сказал дух, с сожалением в голосе. – Мы находимся в присутствии великого духа, kami столь же превосходящего меня, сколь я превосхожу тебя.

- Ты пообещал оберегать меня! – Вскричал Ик-Ук, и в его голос прокрался ужас.

- Пообещал, - сказал дух, - И я сдержу обещание. Требуется плата. И все же, я буду очень осторожен, чтобы сдержать все свои обеты. Тебе придется довериться мне. Я служу тебе, я оберегу тебя.

С этими словами дух погасил свое пламя и исчез из вида.

Ик-Ук выругался, но когда это не помогло вернуть духа, обратился к тому месту, где тот находился мгновение тому назад. – Вернись. Просто вытащи меня отсюда, и мы будем квиты.

- Я сдержу обещания, - сказал дух голосом в голове Ик-Ука.

Вновь вверху послышалась барабанная дробь, и на этот раз к ней добавился гул грубых труб, вытесанных из черепов животных, вымерших задолго до того, как были вырыты эти туннели. К ним присоединились слова заклинания, адской мешаниной из криков и ликования акки. На верхних выступлениях, священники акки блистали своими золотыми, зазубренными головными уборами, их кроваво-черные одежды развивались над краем пропасти.

- Что... - горло Ик-Ука жгло от жара. – Что происходит?

- Что ты помнишь о своем покровителе, акки? – спросил знакомый голос в его голове.

- Не знаю! – Заскулил Ик-Ук, и слезы покатались по его лицу.

- Ты говорил о других покровителях, но не о своем собственном, - произнес голос огненного зародыша, - Как насчет твоего покровителя?

Ик-Ук затаил дыхание, - Он был огромным, как гора и могущественным, как горный обвал, и столь же теплым, как извержение вулкана. – Акки сглотнул от повышающейся температуры воздуха. – Наш покровитель был очистителем, величайшим воином, сильнейшим бойцом. Но он пал, и

теперь ненавидит акки, превратившись в воплощение голода... - Глаза акки расширились, как только он понял, к чему это вело. – Нет.

- Как ты сказал, - произнес дух, заглушая в его голове грохот барабанов. – Ками удерживаются оковами заклинаний и умаляются жертвоприношениями.

- Ты обещал оберегать меня!

- И оберегу, - ответил ками.

Нечто огромное и злое пошевелилось глубоко в пропасти, и по окружающим стенам бездны прокатилась волна из света и тени. Воздух превратился из теплого в горячий, и в глубине послышался рокот.

Шум нарастал, сперва соревнуясь с громом барабанов, затем поглотив его. Теперь тени ползли вверх по стенам пропасти, предвещая появление чего-то громадного.

Ик-Ук заорал духу, чтобы тот его спас, защитил, но его собственный голос был затерян в какофонии, наполнившей бездну, когда Покровитель Акки стремительно поднялся из глубин.

Он был громадным, ужасным, и прекрасным. Выкованный в пламени сердца самой горы, он был окрашен в цвет расплавленной бронзы, а из центра его острозубой пасти сиял кроваво-красный свет. Его голова была подобна голове гигантской броненосной черепахи, его загнутый клюв был широко разинут, обнажая ровные ряды кривых зубов, подобных миноге, а его хвост терялся среди огней в горном чреве. Плавающие силуэты, подобные живым факелам, плясали вокруг его распахнутой, круглой челюсти, прислуживая перед гигантским ками. Немигающие глаза величественного чудовища были наполнены ненавистью, а голова кишела мерцающими, парящими кострами.

Это был покровитель его народа, и он был прекрасным, ужасным и смертоносным.

Ик-Ук закричал, и часть его разума увидела, что плавающие силуэты, кружащие вокруг головы Покровителя, по форме напоминали головастика, олицетворявших зародышей акки.

Покровитель возвышался над связанным акки, подобно змее, раскачивающейся над жертвой, и на мгновение Ик-Ук осознал, что бой барабанов прекратился, и вокруг воцарилась тишина, нарушаемая лишь его хриплыми воплями. Хотя, даже он сам уже не мог сказать, выкрикивал ли он проклятия, мольбы, или молитвы.

В следующее мгновение, чудовище, великий ками, дух народа акки, обрушился на него, и он искренне взмолился о быстрой и милосердной смерти.

Покровитель проглотил его целиком, и Ик-Ук целую вечность летел вниз, в желудок великого духа, крича, пока его голос не охрип полностью. Однако он так и не приземлился, но продолжал падать. И когда он утратил сознание, очнулся и закричал, и вновь потерял сознание, и очнулся несколько раз, он собрал остатки сил, чтобы вспомнить ками – того, которого он изначально принял за духа огня, ками в форме плавающего головастика – и воззвал к нему.

Его голос вновь был в его голове, и сам он был рядом с ним в этой пульсирующей кровавой тьме.

Ик-Ук обругал его последними словами, оставшимися в его разуме, и заорал на него остатками эмоций в сердце. – Ты предал меня! – Орал он, и в то же время молил, - Спаси меня!

- Я сдержал свое слово, - спокойно сказал мерцающий дух.

- Ты скормил меня чудовищу! – Прокричал Ик-Ук, его рассудок покидал его, как песок сквозь решето.

- Я перенес тебя в безопасное место, - сказал ками, этот маленький ками, крошечный аспект большего существа. – Где может быть безопаснее, чем внутри моего собственного желудка? Здесь ни один другой ками не нападет на тебя, ни один огр не устроит засаду, и ни один соперник не сможет украсть твои сокровища. Приведя тебя сюда, я был, также, прощен, воссоединен с моей большей частью. И ты будешь здесь в безопасности ровно год и один день.

- А когда год и один день пройдут, - сказал ками, - Ты не сгоришь. Я тебе это тоже пообещал. Я стяну твою плоть с костей кусочек за кусочком, но ты не сгоришь. – С этими словами аспект ками Покровителя, в форме огненного зародыша, улыбнулся во весь рот, блеснув рядами острых бронзовых треугольных зубов.

Ик-Ук закричал остатками разума и сердца, падая в красноватую тьму желудка своего Покровителя, и кричал почти целый год и один день.

Личные войны

Rei Nakazawa

Кулак Ивамори с размаху ударился о дуб, и дерево, выстоявшее сотни лет, рухнуло с оглушительным треском. Мятажная орочи в его верхних ветвях перепрыгнула на соседнее дерево за считанные секунды до того, как земля содрогнулась от падения дуба.

- Ты начинаешь раздражать меня, монах, - прошипела Шисато. Яд капал с ее клыков, липкой жижей увлажняя землю.

- Ты слишком долго охотилась на меня и моих братьев, - услышался ровный, громогласный ответ. – Думаю, это мне следует быть раздраженным.

Глаза Шисато сверкали в тених шуршащих листьев. – Знаешь, я могу спрыгнуть вниз прямо сейчас и накачать тебя ядом прежде, чем ты успеешь и моргнуть.

- Можешь попробовать. – Монах был высоким и массивным, с грудными мышцами, подобными валунам, и руками такими же толстыми, как и дуб, лежащий у его ног. Он размял костяшки, и их хруст громко прозвенел в тишине Дзюкая. – Ты удивишься насколько моя кожа толще, чем ты представляешь. Или же, я могу просто схватить тебя налету и свернуть тебе шею. Думаешь, твой отец будет сильно расстроен, если я это сделаю? Я бы лишил его хлопот делать это самому.

Блеск глаз орочи превратился в две огненные точки. – Я знаю, что ты пытаешься сделать, монах. Вынуждаешь меня совершить ошибку. Что ж, это не сработает. Я убью тебя на своих условиях, когда сама это решу. А до тех пор, предлагаю заключить перемирие.

Могучие ноги Ивамори оттолкнулись от земли, и он взмыл к дереву, на голос змеи. Но Шисато исчезла, прежде чем последний слог ее слов растаял на ветру. Ивамори фыркнул.

- Ты не сможешь долго убежать от меня, отщепенка. Клянусь, я украшу твоей шкурой свою комнату.

* * * * *

Ивамори низко поклонился, напомним Аншо о маленьком мальчике, наполненном благоговением и уважением, присоединившемся к ордену столько лет назад. – Простите, Учитель Аншо.

- У тебя нет причин для извинений. Как, впрочем, и всегда. Шисато – проблема, но едва ли наиболее срочная в данный момент. – Лицо старого монаха было покрыто морщинами, но в теле все еще сохранилось много энергии и сил со времен его юности. Он все еще был более крепким и мускулистым, чем многие, вдвое моложе его. Как один из первых учеников Досана, и боец, о чьих подвигах все еще слагали поэмы, он ревностно исполнял свои административные обязанности по защите монастыря и Дзюкая. – Более того, я сомневаюсь в мудрости преследования ее.

Молодой монах выпрямился, с ужасом на лице. – Вы полагаете, я не должен был покидать монастырь без защитника? Вы совершенно правы, Учитель, и я прошу прощения за...

Аншо взмахнул сухой старческой рукой. – Успокойся, юноша. Если бы я имел в виду это, я бы так и сказал. Но я говорил не об этом.

Ивамори поднялся на ноги, возвышаясь над своим наставником, подобно Босейдзю. – И, тем не менее, моя оплошность в поимке Шисато означает, что я был небрежен в своих тренировках. После медитаций, я стану тренироваться сильнее, клянусь Вам.

- Если существует что-то, на что я всегда могу положиться, Ивамори, то это твои тренировки. – Он произнес это со слегка напряженной улыбкой, озадачившей Ивамори. – Я в тебе не сомневаюсь. – Аншо замолк, осматривая своего ученика. – Могу я задать тебе вопрос?

- Конечно!

- Я бы хотел, чтобы ты спросил сам себя, какова твоя цель в жизни, и в тренировках.

Ивамори моргнул. – Конечно же, достичь просвещения, и защищать Дзюкай ото всех, кто желает уничтожить его. Разве не этот вопрос Вы задаете всем своим новым служителям в испытание их внутренней силы?

- Возможно, но думаю, ты также получишь от этого пользу. – Повисла пауза. – Ступай, продолжай свои тренировки. Мы поговорим еще позже. – Ивамори поклонился и вышел из покоев учителя. Аншо покачал головой. – Столько же в нем беспокойства ...

* * * * *

Когда Ивамори погрузился в медитацию, казалось, весь мир замер лишь для того чтобы умиротворить его. Птицы перестали петь, листья не решались шелохнуться, и легкий ветерок, насвистывающий меж деревьев, затаил дыхание. Монах с легкостью скользнул в глубины души, в которых внешний мир перестал существовать. Он не знал наверняка, но чувствовал, что Учитель Аншо был обеспокоен им, хотя и не представлял почему.

Как всегда, когда медитация была завершена, и его глаза открылись, Ивамори обнаружил себя наполненным странным чувством разочарования. Вероятно, это было оттого, что он не смог отыскать ответ на вопрос Учителя Аншо, помимо того, что он уже предложил? Откровенно говоря, он не был уверен, что существовал другой ответ.

Ивамори знал, что он не был самым просвещенным из учеников Досана; были многие, достигшие более высоких путей просвещения, чем он. Он не был и сильнейшим; были и посильнее его, хотя их было гораздо меньше, чем тех, кто был мудрее. Но почему-то, все знали его имя, даже в ордена Учителя Досана, чьи ряды были переполнены отчаявшимися беженцами от бушующей Войны Ками.

Низкий звон колокола эхом разошелся по лесу, приводя монастырь к неожиданной суматохе. Женщины бросали свои корзины и прекращали тренировки. Мужчины сгребали детей и хватали оружие. Ивамори, чувствуя, как кровь пульсирует в его жилах, не смог подавить ухмылку, бросившись бегом к высоким деревянным воротам, ограждавших монастырь от остального Дзюкая.

Как только ворота возникли в поле зрения, его тотчас же обступили монахи, некоторые вооруженные копьями, другие лишь сжатыми кулаками. Они кричали, махали руками и просили приказов. Среди монахов не существовало официальной иерархии; они выказывали уважение друг другу, исходя из пути и мудрости собратьев. Но когда звенел колокол тревоги, когда монастырь был под угрозой нападения, они обращались лишь к одному человеку: Ивамори.

- Успокойтесь! – Прорычал он. Шум тут же стих, и тишину теперь нарушали лишь ритмичные удары колокола. – Что за опасность?

- Над Дзюкаем замечен ками, - выкрикнул один из монахов громче, чем требовалось.

- Всего один? – голос Ивамори звучал остро и раздраженно. – Надеюсь, дело серьезнее, чем оно звучит, в противном случае я буду *очень* разочарован тем, кто решил ударить в колокол.

Монах нервно сглотнул. К этому времени к собравшейся толпе подковылял взволнованный Аншо. – Дело не в количестве, Брат Ивамори... Дело в... величине.

- Это Ками Павших Героев! – Выкрикнул еще один. – Корин увидел его еще, когда тот был в западных областях! Он направляется сюда!

Теперь лицо Ивамори помрачнело. Даже в Дзюкай доходили слухи об Эйю – великом ками, могущественнее многих других, который разбил легион лучших офицеров Даймё. – Ясно.

- Мы готовы защищать монастырь так, как ты считаешь нужным. – Остальные монахи кивнули, стиснув зубы и крепче сжав оружие.

- Вы доверите мне сделать то, что нужно?

- Конечно!

- Хорошо. – Он обвел глазами собравшихся, смесь из телосложений, роста, возрастов, и эмоций. – Тогда, вот мой приказ: оставайтесь здесь и защищайте монастырь ценой своих жизней. А выйду в лес и попытаюсь развернуть Эйю.

По толпе собравшихся прошла волна шепота; Аншо нахмурился. – Сам? – осторожно спросил один из монахов.

- Да, сам. Нам понадобится каждый защитник, если Ками Павших Героев явится сюда, к тому же, компания лишь замедлит меня, а сейчас крайне важна скорость. – Он окинул остальных тяжелым взглядом. – Или вы сомневаетесь в моих способностях?

Бормоча и качая головами, монахи, нехотя, разошлись и заняли оборонительные посты. Лишь Аншо не двинулся с места, оставшись стоять с хмурым выражением лица. Ивамори повернулся к учителю. – Не волнуйтесь. Я позабочусь о вашей безопасности.

- А о своей? Кто позаботится о твоей безопасности? – тихо спросил Аншо.

- Разве это важно, если на кону безопасность остальных? – отвернулся он. – Раскрыть ворота! – Аншо наблюдал, как его ученик вышел в одиночестве за ворота монастыря, не отводя глаз, пока массивные врата не захлопнулись за его спиной.

- Ох, Ивамори... Вижу, ты еще не ответил на мой вопрос. – Он не двинулся в поисках укрытия, и не сошел со своего места. Он стоял, уставившись на врата, словно уже выжидая возвращения юного монаха.

* * * * *

Лес был зловеще тих, за исключением шагов Ивамори, давящих листья и ветви массивными ступнями. Это само по себе было знаком; не было ни птиц, ни зверей, в то время как Дзюкай должен был быть полон ими. Даже малых kami, беспокоивших охотников и путешественников, таинственным образом не было нигде видно. Они знали, что сейчас происходило, людям же требовалось немного больше времени на то, чтобы осознать это.

Тремя прыжками Ивамори взобрался на вершину древнего дерева, и его голова высунулась над зелеными кронами Дзюкай. На западе, наклонившись вперед, словно шагая по вершинам деревьев, шла металлическая фигура, чья броня ослепительно сверкала на полуденном солнце. Его можно было бы спутать с самураем, если бы они были тридцати футов росту. Громадные когти, созданные из многих сотен катан, выкашивали кроны высоких деревьев, прорезая просеку из срезанных ветвей и разорванных листьев. На его голове (или том месте, где должна была быть голова, если бы это был человек), была закреплена гневная маска кабуто с ненавистью в глазницах. Ивамори не знал, почему Эйю проходил сквозь Дзюкай, и ему это было безразлично.

- Лорд Kami! – Прорычал он голосом, сотрясшим небеса. Массивный kami замедлил шаг и повернулся, маска кабуто взирала на монаха, подобно лицу осуждающего бога. – Во имя Дзюкай, я вызываю тебя на поединок! Сразись со мной, если ты не боишься простого человека!

Kami остановился на месте. Он стоял, замерев, уставившись на маленького монаха перед собой. Грохот прошел сквозь его тело, подобный лязгу десятков тысяч кованых доспехов. Но звук этот был не беспечным; он подымался и опускался, подобно ритму человеческого голоса. Если это и впрямь был голос, мускулистый юноша не понял из его речи ни слова.

Спустя, казалось, часы, Kami Павших Героев поднял массивную руку, и махнул ею в сторону Ивамори. Тот отпрыгнул в сторону, обдуваемый ветрами, поднявшимися от резкого движения его могучего тела. Не останавливаясь, он прыгнул снова, и снова, уводя kami подальше от монастыря. К счастью, kami, казалось, вознамерился уничтожить этого богохульного выскочку. Пустые шлемы, парящие вокруг него, зажглись яростным белым светом.

Могучая кованая рукавица выбила Ивамори с дерева, прежде чем тот успел отреагировать. Он замахал руками, пытаясь удержаться, и едва сумел схватиться за ветку, избежав падения на землю. Он взглянул вверх, и мгновенно ослеп от вспышки чистого белого света. Магия kami вонзила огненные кинжалы в его тело, и его хватка ослабла. Он рухнул на сплетение веток, заскрипевших под весом его тела. Ивамори сморгнул вспышки ослепительного света, как раз вовремя, чтобы увидеть когти из окровавленных копий, несущиеся прямо к нему.

Он метнулся в сторону, но одно копьё все же рассекло его левое плечо. Монах поморщился, вставая на ноги, на соседней ветке, горячая кровь струилась из его раны. Маска Эйю сверкнула ослепительной вспышкой, окатившей ярким сиянием весь Дзюкай. Ивамори инстинктивно подпрыгнул. Залп едва не опалил ему ноги, и уничтожил крону дерева; падая, монах понял, что ухватиться ему уже не за что. Он рухнул вниз, чувствуя порезы от расколотых ветвей и отслоившейся коры, крошащейся под весом его массивного тела. Ивамори протянул руку, и схватился за одну из ветвей потолще, проносящихся мимо него. Инерция падения уменьшилась, позволив ему оттолкнуться от еще двух ветвей, прежде чем мягко приземлиться на землю.

- Довольно, - пробормотал он про себя. Невзирая на боль, все еще жалящую его плечо, Ивамори бросился к другому могучему дереву, вновь сталкиваясь лицом к лицу с Эйю.

Снова когти из копий метнулись к Ивамори, но на этот раз, он отпрыгнул прямо на одну из обитых броней рук kami. Суставы и мускулы монаха ныли от напряжения, когда он прыгал и взбирался вверх по громадной руке. Он взглянул налево; смертоносный взмах второй руки еще не завершился. У него еще было немного времени. Совсем немного.

Наконец, достигнув плеча ками, Ивамори схватил одну из массивных металлических пластин, образующих панцирный доспех Эйю. Пот струился по его лицу, и вены вздулись на руках, когда он изо всех сил напруг хватку о металл. Спустя несколько мучительных мгновений, пластина со звериным ревом отделилась от доспеха. – Не самое удобное оружие, но сгодиться.

К этому времени, ненавидный взгляд ками устремился к нему, в пустых глазницах маски кабуто пылало чувство оскорбленного достоинства. – Полагаю, ты желаешь, чтобы я вернул эту пластину на место, - пробормотал Ивамори. – Что ж, хорошо. Будь, по-твоему. – С криком кийай, который всегда эхом звучали в его душе, с ранних лет, Ивамори метнул латунную пластину. Кусок металла ударился о маску кабуто, расколов ее своей массой и скоростью.

Ками пронзительно взвыл высоким, болезненным звуком, словно наждачной бумагой пройдясь по мозгу монаха. Струи какой-то сверкающей жидкости вытекли из разбитого лица Эйю, подобно слезам. Ивамори быстро выхватил еще одну платину, снова швырнув ее в голову ками. На этот раз кусок металла пробился сквозь треснутое лицо Эйю, и вылетел из затылка, разбив по пути один из его парящих сияющих шлемов. Раздался еще один крик, и Ивамори заметил, как разбитый шлем растаял в крошечных желтых искрах, осыпавшихся на землю. Его пальцы замкнулись на следующей пластине.

Но прежде чем он смог оторвать ее, тело ками начало мерцать и дрожать. Ивамори обнаружил, что почва под его ногами стала туманной и мягкой. Спустя еще несколько мгновений ками исчез полностью.

Ивамори рухнул еще раз, но теперь уже по своему сценарию. Он фыркнул, приземлившись, и вытер пот со лба. Когда он вернулся в монастырь, радостные крики и восхваления осыпали его, как только он появился в поле зрения. Учитель Аншо все еще стоял на прежнем же месте, осматривая Ивамори оценочным взглядом.

- Сотня лучших воинов Лорда Конды не смогли победить его. А ты сделал это!

- Ты всех нас спас!

Ивамори покачал головой с мрачным лицом. – Нет, я оплошал. Я мог бы очистить этот мир от великого ками, не дать ему причинить вред невинным смертным.

Наконец, заговорил Аншо. – Но ты ранил его, достаточно, чтобы он отступил в *какуриё*, это не удавалось еще никому. И ты говоришь о поражении?

- Я не говорю о нем. Мои действия орут об этом достаточно громко. – Не обращая внимания на восхищенные взгляды и крики радости, Ивамори ушел прочь. Аншо позднее нашел его на тренировочном дворе, бьющим кулаками по деревянным столбам и ногами по мешкам, набитым листьями, пока все его тело не покраснело от напряжения.

- Мы приготовили праздничный пир в честь твоего подвига. Ты присоединишься к нам?

- Нет, - послышался одинокий хрип. И больше он не проронил ни слова, вернувшись к ударам и рывкам. Аншо тихо ушел, вернувшись к пылающим огням и радостному смеху праздничного ужина.

* * * * *

Чистое и теплое утро озарило Лес Дзюкай. И хотя никто из изнеженных и надушенных дворян Замка Эйгандзё еще не раскрыл век, монахи следовали пути природы, и уже давно были на ногах. Нужно было тренироваться, писать коаны, выращивать еду, и чинить утварь. Они копошились, как муравьи, в бесконечной суете перетаскивая свои мешки, бревна, и тревоги.

В самом центре всего этой бурной деятельности, как это часто бывало, находились два неподвижных человека. Аншо сидел в своих покоях, а Ивамори склонился в поклоне перед ним. На лице старейшины отпечаталось беспокойство. – Я не стану пытаться остановить тебя. Но я настоятельно рекомендую тебе передумать.

- Нет. – Массивный монах поднялся на ноги. – Мои ошибки за прошедшие дни не перестанут преследовать меня, пока я не приму меры. Я не вернусь, пока Шисато не будет либо пленена своим народом, либо убита моей рукой.

- Ты поступил бы так, даже, если бы это означало оставить нас без нашего сильнейшего защитника?

- Я не планирую уходить надолго. Но мои действия направлены на общее благо, и я должен им следовать, если желаю сохранить свою честь.

- Ах, честь, - вздохнул Аншо. – Столь благородная концепция. И все же, люди Даймё также умирали из-за нее понапрасну.

- Учитель?

- Ты всегда был одним из моих наиболее раздражающих учеников. – Сказал Аншо с улыбкой, в которой не было ни капли злости. – К тому же, с таким огромным потенциалом...

Ивамори моргнул. – Учитель? – осторожно повторил он.

- Ты еще не нашел ответ на вопрос, который я задал тебе? – последовал непринужденный вопрос, брошенный так, словно они только начали разговор.

- Вопрос? – лицо Ивамори на мгновение озадачилось. – О, это! Ничего, помимо того, что я уже сказал. Почему Вы спрашиваете?

- Если ты спрашиваешь об этом, то не поймешь меня. – Аншо замолчал. – Подумай о нем в своих скитаниях, Ивамори. И обдумай, зачем ты пришел сюда, в первую очередь. – С этими словами он закрыл глаза.

- Почему я...? Что Вы...? – Но ровное дыхание старика и его полная неподвижность сказали Ивамори, что Аншо был уже не совсем здесь, во всяком случае, в духовном смысле. Он тихо поднялся, закинул за плечи скудную суму, и покинул монастырь. Он ни с кем не попрощался; не было никого, с кем он хотел бы проститься. Несколько монахов увидели его, и хотели расспросить его, пожелать счастливого пути, но знали, что лучше было и не пытаться. Так, уход одного из сильнейших бойцов в Дзюкае, возможно, во всей Камигаве, прошел без единого слова.

* * * * *

Пальцы Ивамори гладили землю, проводя борозды вокруг следов, впечатанных в сырую почву. Выслеживание никогда не было его коньком; Азуса всегда превосходила его жалкие навыки. Но он мог узнать след орочи, когда находил его, и этот след был относительно свежим. Расстояние

между следами говорило о том, что кто-то спешил, удаляясь от тех регионов, которые орочи считали безопасными. Это означало, что следы принадлежали Шисато.

Он старательно следовал по отметинам. Несмотря на то, что следы вскоре исчезли, он выискивал их повсюду: сломанная ветка или примятая трава. Шелест листьев насторожил его. Кто-то пробирался сквозь заросли, и не особо скрывал этого. Шисато не была бы столь беспечной. Или, возможно, это был отвлекающий трюк, чтобы заманить его в ловушку. В этих местах явно нельзя было встретить случайного путника... во всяком случае, путника без скрытых мотивов. Ивамори присел за деревом. Шелест листьев и хруст веток приближался, пока шаги почти не вышли прямо к нему. Поднявшись на ноги, Ивамори сделал глубокий вдох, ожидая еще одного шага, затем резко обогнул дерево, размахнувшись могучим кулаком.

Кулак поразил лишь воздух. Монах моргнул, оглядевшись. Он никого не увидел. Но как? Он был способен на слух определить человеческие шаги, и он был совершенно уверен, что они были здесь...

- Хмм. Похоже, этот *канджи*, все же, чего-то стоит. – Мягкий голос прозвучал за его спиной. Ивамори развернулся и обнаружил высокого, худощавого человека в черных одеждах. Тот непринужденно стоял, прислонившись к дереву, скрестив руки на груди, и ухмыляясь. – Никогда не знаешь, когда столкнешься с непредвиденным. На то оно, и непредвиденное, конечно.

Кулаки Ивамори сжались в два булыжника. – Ты кто?

- Это важно? Просто обычный путник, слегка срезающий через Дзюкай. – Меч и ножны, висающие на его поясе, слегка покачивались на ветру, пока незнакомец осмотрел Ивамори с головы до ног. – Ты один из монахов Досана, верно? Далековато от дома, не считаешь? Не знал, что старик учит своих последователей нападать на путников безо всякой причины.

Ивамори напряг все органы чувств. Что-то с этим человеком было не так. Его настрой, поза, аура... Что бы это ни было, оно кричало о неправомерности, о чем-то, что он обязан был уничтожить. – Ты самурай, - сказал он в ответ. – Но ты одет не как один из людей Даймё.

- Это потому что я не один из его людей. А ты сам...?

- Тот, кто знает, что ты задумал что-то недоброе. Тебе не рады в Дзюкае.

Самурай усмехнулся. – А ты, видимо, титан отшельник, одинокий защитник леса? Твои обходные дни, должно быть, не легкие.

- Заткнись и сразись со мной! – Ивамори бросился вперед, взмахнув рукой по широкой дуге, способной расколоть каменную глыбу. Его противник ответил, лишь перепрыгнув через монаха, с кошачьей грацией приземлившись за его спиной. Незнакомец вынул меч, направляя лезвием солнечные зайчики в глаза Ивамори.

- Я не могу тратить время на поединки с каждым странным монахом на пути. Знай, что я знаком с Даймё Кондой и близкий друг его доч...

- Молчи! – Ивамори нанес еще один удар, но самурай вовремя пригнулся. Еще один удар кулаком, еще, резкий удар ногой с разворота. Незнакомец с легкостью ушел от всего этого.

- Да что с тобой такое? – самурай спокойно осматривал Ивамори, и его глаза проникали сквозь его кожу, в его разум, сердце, саму душу. – Вспыльчивый, да? Я встречал таких прежде. Большие, сильные, до тупости храбрые, наполненные честью и чувством долга. Знаешь, что всегда с ними происходило?

- Что?

- Они умирали. Чего, обычно, они сами и хотели. – Лицо самурая склонилось в вопросительной полу-ухмылке. – Почему ты хочешь умереть, монах?

Смертельная звенящая тишина повисла на несколько мгновений в лесу, пока двое мужчин замкнули взгляды друг на друге. Иватори нарушил ее звериным ревом, подобное крику раненного животного. Он бросился к самураю с вытянутыми руками и скрюченными пальцами, будто пытаясь схватить незнакомца за горло и раздавить его.

- Задел за живое, правда? – самурай ушел от броска Иватори непринужденным кувырком в сторону. Монах лишь заорал в ответ, подняв ствол поваленного дерева, и метнув его в своего врага. Два взмаха меча самурая, и разрезанное на куски бревно упало на землю. – Думаю, правда. Похоже, ты утратил способность мыслить рационально.

- Убью... - Его слова больше походили на рев, чем на речь. Иватори прыгнул вперед, нанося удар за ударом мясистых кулаков в сторону лица самурая, каждый взмах свистел в воздухе с силой кузнечного молота. Монах набросился на незнакомца с диким рубящим ударом, который бы убил обычного человека на месте, и изувечил бы даже малого ками. Но ни один из его ударов не угодил в цель. К тому времени, как Иватори с красным лицом и скрипящими зубами размахивался, самурай уже был у него за спиной, целый и невредимый, без единой царапины. С очередным животным ревом, Иватори бросился в атаку, не чувствуя предупреждающий взмах меча самурая, оцарапавшего его грудь. Его разум едва ли отметил тот факт, что его противник замахнулся своей черной *джиттой*, словно готовясь к колющему удару, которого Иватори никак не смог бы ни избежать, ни заблокировать. Но, вместо этого, самурай, будто передумав в последний момент, просто увернулся от безрассудного нападения Иватори.

- Все не уймешься? Знаешь, ты мне даже нравишься. Такой простой и прямой. – Полу-ухмылка вновь вернулась на его уста. Самурай опустил на одно колено и начертил на земле символ канджи. Каменные иглы вырвались из земли, окружив Иватори естественной клеткой.

Кулаки Иватори били о каменные прутья его тюрьмы. Иглы скрипели и трещали, но лишь слегка. Ударов монаха явно было недостаточно, чтобы освободить его, прежде чем самурай смог бы пронзить его своим мечом. – Чего ты ждешь? – прорычал он. – Закончи то, что начал!

- Бьюсь об заклад, тебе бы этого хотелось, верно? И если я правильно помню, начал все это как раз ты. – Он смерил взглядом монаха с налетом легкого любопытства, словно рассматривая экзотическую зверушку в зоопарке. – Небольшой совет. Можешь принять, можешь забыть – мне все равно. Но тебе, возможно, стоит подумать о том, почему ты так отчаянно стремишься защищать Дзюкай в одиночку. – С этими словами самурай растаял среди деревьев. Покой вновь накрыл поляну, оставив каменную клетку и монаха с опущенными плечами, ослабевшими коленями, и головой, одурманенной мыслями.

Спустя час, когда Иватори, наконец, расколол один из каменных сталагмитов, он все еще размышлял о вещах, которые не возникали в его разуме долгие годы.

Он проснулся на крики, вопли, и топот бегущих ног. Он сморгнул сон с глаз в тот момент, когда его отец ворвался в комнату. – Иватори! Беги!

Ему было всего восемь лет, но даже он знал, что ужас в обычно строгих глазах его отца мог означать лишь одно. – Я хочу помочь!

Монах перешагнул через разрушенный камень. Ни самурая, ни его следов нигде не было. Даже если он сможет взять его след, незнакомец ушел уже далеко.

Да и не стоил он того, чтобы его преследовать. Должно быть, он чокнутый. Что за идиотские мысли!

- Твои братья уже у городских ворот, - услышался на удивление спокойный ответ. – Ты нужен на дороге. Помоги матери и сестре сбежать в Дзюкай.

- Нет! Я хочу остаться и сражаться вместе с вами!

Ивамори не думал о Шисато; орочи полностью покинула его мысли. Не думал он и о рычании в его животе, и о поте, застилавшем глаза. Он побрел вперед.

После этого он помнил лишь обрывками: отцовская рука, крепко обнявшая его вокруг талии, свои крики, когда его вынесли в холодную ночь. Он помнил, как его почти швырнули в руки матери, и блеск света, скользнувший по лицу отца перед тем, как он повернулся и бросился к городским воротам, сжимая в руке копьё. Сияние горящих домов вокруг них нарастало, поглощая его быстро растаявший в языках пламени силуэт.

Ивамори осмотрелся. Он уже стоял у ворот монастыря. Его мускулистая рука медленно протянулась и толкнула, открывая их. Монахи все еще были поглощены ежедневной рутинной, точно так же, как и в то время, когда он покидал их. Никто не поднял головы, когда он прошел среди них, направляясь в покои Аншо.

Учитель, конечно, ожидал его.

Он вспомнил жжение и боль в легких, глотая лишь столько воздуха, чтобы оставаться на ногах. Затем раздался крик за его спиной. – Не оборачивайся, Ивамори! – Вопила его мать. – Беги! – Хруст, слезы, вой, горячее дыхание на его затылке, тяжелые шаги, звенящие в его ушах и сотрясавшие все его тело. Он все еще чувствовал холодный мох под ногами, когда он прыгнул в чашу Дзюкай, слышал крики монахов, нападавших на его преследователя, чувствовал занозы в руках, когда он обмяк у стен монастыря. Один.

- Добро пожаловать домой, Ивамори.

Он низко поклонился. – Благодарю Вас.

- Я так понимаю, ты обдумал мой вопрос?

- Да.

Аншо поднял бровь. – И каков твой ответ?

Он молчал, слова все еще складывались в его голове. – Я многое сделал для монахов во имя своей семьи. Я хочу... хотел... больше всего на свете воссоединиться со своими родителями и братьями, почтив их имя, умерев за то, что не смог защитить их, будучи ребенком.

- А теперь?

- А теперь... Я больше не знаю, какова моя цель.

Старейшина кивнул. Ивамори выпрямился и повернулся к выходу. – Погоди. – Мускулистый монах обернулся. – Не думай, что я не ценю всего, что ты сделал для нас за все эти годы. Но важные

сражения ведутся не только на бескрайних полях. Как не ведутся они лишь для спасения жизней смертных. Помедитируй над этим сегодня.

Ивамори кивнул. Он отправился на поляну для медитаций, чтобы обдумать все, что с ним сегодня произошло.

Тренировки могут подождать.

Улыбки искупления

David A. Page

Тошусай пригнулся под просвистевшим над его головой цепом, затем сухо вонзил катану в мохнатую грудь незуми. Он повернулся, подняв свой меньший клинок вакизаси, и искусно отразил удар длинного изогнутого кинжала очередного грызуна. Следуя инерции поворота, он вынул катану из тела первой жертвы еще до того, как крыс рухнул на землю, обернулся по полному кругу, и с легкостью рассек ржавый до-мару незуми, нанеся ему глубокую рану. Крыс зашипел, его желтые глаза закатились, и он плюхнулся на бок, со сдавленным бульканьем приземлившись в грязь.

Тошусай завершил оборот и остановился, осматривая причиненный урон. Он стоял в центре грязной поляны, посреди тел семерых незуми. Трупы валялись разбросанные, как сломанные прутья вокруг нескольких крупных камней, выпавших из обрушенной стены справа от него. Постройка, некогда служившая приграничной заставой Нумай давно забытого города людей в самом центре Болот Такенумы, была почти полностью разрушена. Со всех сторон темные шесты бамбукового леса отбрасывали когтистые тени на Тошусая и поляну, несмотря на свет от висящей в небе над ним полной луны.

Незуми бы никогда не довелось завершить свое гнусное задание. Убив их, Тошусай этой ночью сохранил жизни невинных, но этот благородный поступок едва ли тронул его омертвевшее сердце. Он был *очимушей*, обесчещенный единственным выбором давно минувшей ночи, изгнанный своим даймё скитаться по болотам. Когда-то, ярость пульсировала в нем от одной мысли об этом человеке, но теперь ничто не могло проникнуть сквозь онемение, поселившееся в его душе.

Он взглянул на ближайший труп, и нечто странное бросилось ему в глаза. Из шеи крысы торчала оперенная стрела. От ее вида в нем пробудилась отдаленная память забытой эмоции. У него не было ханкю. Значит, кто-то помог ему в этой битве; кто-то с самурайским луком. Он медленно отошел к стене, держа оружие наготове, и бесстрастно уставился в густые заросли под кронами бамбука. Никаких признаков воина, явно наблюдавшего за ним все это время, не было.

Он втянул носом воздух, но запах сырой земли, смешанной с гнилостным смрадом болотных газов, не оставлял шанса почувствовать что-либо другое. Он закрыл глаза и принялся ждать.

* * * * *

Правый ботинок Тошусая скользнул по мокрому корню, и он едва не рухнул на землю, проворно ухватившись за тонкий ствол бамбука. Он взглянул на темную, узкую тропу, в конце которой стояли три силуэта его трех собратьев самураев, Йошинобу, Сакоды, и Муро, и окутанная мраком фигура его сенсея, Кентаро. Он с облегчением понял, что никто из них не заметил, как он поскользнулся. Последнее, чего ему хотелось, это выгладеть перед ними неуклюжим. Он на пару мгновений остановился, изумляясь всему тому, что случилось с ним за неделю, с тех пор, как он заметил стрелу Кентаро. В то время он был лишь тусклой тенью себя самого, бредущей по болотам, словно во сне.

Кентаро изменил все.

Пока Тошусай наблюдал, его учитель растворился в тумане болота. Остальные вскоре проследовали за ним. Неожиданное одиночество вырвало его из мыслей. Он бросил нервный взгляд через плечо и поспешил за ними.

Тяжелый и зловещий туман замкнулся вокруг него. Он дотрагивался до его кожи своими ледяными пальцами, но ему не дано было сломить его обретенное чувство собственного предназначения. Погребальный саван онемения, окутывавший его так долго, был сорван. На бегу он позволил себе вновь окунуться в воспоминания о своем избавлении...

* * * * *

Тошусай едва ли не в последний момент услышал скрип камня на стене над своей головой. Учитывая состояние постройки, он даже не предполагал, что кто-то может быть настолько проворным, чтобы засесть на ней. Он мог поплатиться своей жалкой жизнью за эту ошибку.

Черная тень мелькнула вверх, когда кто-то прыгнул по высокой арке со стены на землю. Тошусай инстинктивно принял низкую боевую стойку.

Человек приземлился в дюжине футов от него, приняв такую же позу. Ханкю был переброшен через его левое плечо, указывая на него, как владельца стрелы в шее незуми. Серебряные лезвия его катаны и вакизаси сверкали даже в почти полной темноте. Его черная с красным до-мару казалась нетронутой ни сражением, ни губительным воздействием топей. Это был не простой болотный буши.

Незнакомец стоял, наблюдая, но не сделал ни единого агрессивного движения.

Тошусай воспринял напряженный взгляд его карих глаз, как вызов, но оставался на месте.

- Чего тебе надо? – его голос звучал вяло в холодном болотном воздухе. Здесь всем от него было нужно лишь одно: его жизнь. Тошусай убил каждого, кто пытался у него ее отнять, сражаясь сначала с мстительностью, а потом с холодной отстраненностью.

- Ты узнаешь меня? – человек выпрямился и ухмыльнулся, словно кот.

- Кентаро, - выдохнул его имя Тошусай. – Убийца обесчещенных. – Боевые навыки Кентаро были легендарны. Он скитался по земле, убивая очимуш, и всех остальных, кого считал недостойными жизни. Ни человеку, ни животному, ни разу не удавалось одолеть его в бою. Ходили слухи, что он однажды собственноручно убил могущественного ками огня.

- Да. – Кентаро скрестил клинки и поклонился, в знак приветствия противника.

Легкое облачко облегчения образовалось в душе Тошусая. Он изучил это ощущение и позволил ему растаять. Если Кентаро пришел предложить ему искупление, то он опоздал на два года. Он поклонился в ответ. Тяжелый бой до смерти с благородным противником восстановил бы его честь и имя его семьи. Наконец-то, все было кончено. Но то, что ранее бы принесло ему сладкое облегчение, теперь на вкус походило на пепел.

- Если у тебя еще осталась воля, сражайся. – Улыбнувшись, Кентаро взмахнул каждым клинком в воздухе.

Тошусая терять было нечего. Он шагнул вперед.

Кентаро не бросился в нападение, он лишь стоял, наблюдая за противником.

Тошусай неохотно обошел его по дуге слева, сокращая расстояние, и был слегка удивлен, что самурай не повернулся, чтобы удерживать его в поле зрения, когда он прошел ему за спину. Естественно, самурай, вызванный на поединок, никогда бы не напал сзади, но очимуша мог. Тошусай завершил круг и замер, сомкнувшись взглядом с воином.

Кентаро кивнул, словно он прошел какое-то испытание, и прыгнул вперед, вращая клинками. Он двигался столь быстро, что даже стоя наготове, Тошусая потребовалась вся его энергия, чтобы отразить нападение. Металл лязгнул о металл и их клинки притерлись друг к другу. В одно дыхание Кентаро каким-то необъяснимым образом выбил оружие Тошусая и приставил острие катаны к его горлу.

Тошусай замер, и мир вокруг него погрузился в гробовую тишину. Он взглянул в темные глаза Кентаро, и медленно опустился на колени. Ощущение покоя опустилось на него. Наконец-то, все было кончено.

- Я готов умереть. – Здесь, на конец, его честь и имя будут восстановлены. Острая горечь тоски всколыхнулась в глубине его онемевшей души.

- Но я не готов убить тебя. – Кентаро убрал лезвие. – Ты очимуша.

Тоска Тошусая обернулась иступленной злостью. – Почему ты лишаешь меня благородной смерти?

- Нет никакого благородства в бессмысленной смерти. Я не твой враг. – Он повернулся и прошел к зияющей дыре в древней стене.

* * * * *

Лицо Тошусая залилось краской, когда он вспомнил, с какой легкостью Кентаро обезоружил его. Когда стало очевидно, что Кентаро не собирался его убивать, зерна ярости, со временем приведшие Тошусая в чувства, были посажены. В то время, он не понимал мотивов Кентаро, и насколько действительно умным был улыбающийся кот.

Угощайся. – Сидя рядом с ним на поросшем мхом бревне, мрачный Йошинобу протянул ему кусок хлеба.

Тошусай взглянул на него.

Кентаро нанял Йошинобу незадолго до него. Он, как Сакода и Муро, был искуплен улыбающимся котом, точно также как и Тошусай. Это создавало у них ощущение братства.

Тошусай кивнул в знак благодарности и перевел взгляд по очереди на каждого из них. Казалось, никто из пятерых не желал бросать вызов они, несмотря на слухи, прославлявшие способности их учителя. Все в Камигаве слышали рассказы о том, как подобные чудовища уничтожали целые армии людей, и все же, Кентаро сидел перед ними, скрестив ноги, и закрыв глаза в медитации. Он не казался встревоженным. Тошусай завидовал его внутреннему равновесию.

Ветер поднялся вокруг него. Тошусай прокашлялся, чувствуя, как ледяные его струи скребли по его легким. Чем дальше они направлялись, тем грязнее становился воздух, словно на него влияла мерзость темной души они.

Дааааа.

Тошусай моргнул, услышав змеиный голос. Остальные, казалось, не обратили на него внимание.

Они не слышат меня. Они слишком сильны. Но ты...

Рука Тошусая опустилась на катану, и он осмотрел окружающий лес.

Нет, меня там нет, но ты совсем скоро меня увидишь. Другие не смогут тебя спасти, Тошусай.

Он ахнул, страх сковал его дыхание.

Йошинобу взглянул на него, прищурившись.

- Я в порядке. – Отмахнулся Тошусай. Он не мог рассказать остальным. Если они почувствуют в нем слабость, они не будут доверять ему в бою. Он будет влачить эту тайну в тишине. Он заставил себя сделать медленный долгий вдох, успокаиваясь от дурного предчувствия, сковывавшего его душу.

Ненадолго...

Тебе не напугать меня, óни. Солгал Тошусай.

Óни не ответил.

Тошусай выдавил демоническое существо из своих мыслей и окунулся в покой событий прошлого...

* * * * *

Кентаро ожидал его на вершине грязевой насыпи, посреди небольшой поляны. Трое других самураев, одетых в иссеченные в битвах до-мару и щербатые кабуто, стояли слева у края леса. Их руки были сложены на груди, и все они смотрели прямо перед собой.

Тошусай остановился, борясь с желанием достать оружие. Он не знал, какова была цель Кентаро, но пристыдить его в бою, а затем издевательски отказать ему в возможности искупления, не было поступком благородного человека. Несмотря на свое волнение, Тошусай почувствовал мелкую, но распалляющуюся искру любопытства.

- Подойди. – Подозвал его рукой Кентаро.

Тошусай прошел на поляну, наблюдая за другими самураями боковым зрением, и остановился в нескольких шагах от улыбающегося кота.

- Эти люди, вокруг тебя, самураи, - Кентаро обвел их взмахом руки. – Но так было не всегда. Они были прежде, как и ты, очимушами. Я предлагаю тебе ту же возможность, что предложил им; возможность вернуть свою честь.

Тошусай взглянул на остальных, но они оставались неподвижны, с немигающими взглядами. Присмотревшись к ним ближе, он заметил, что их иссеченные доспехи были покрыты грязью и болотной жижей. Они явно находились здесь довольно долго; возможно, столько же, сколько и он. И все же, теперь они стояли вместе и несли себя, подобно самураям.

Тошусай вновь перевел внимание на Кентаро.

- Как? – он не сомневался, что тот говорил правду, но это явно было не все.

- Сними свой доспех и оружие, и встань в центр этой насыпи. – Кентаро шагнул назад, открыв небольшой квадратный камень, на который он указал рукой.

- Зачем? – Тошусай носил свою до-мару, не снимая, несколько месяцев.

Кентаро ничего не сказал.

Частичка души Тошусая кричала ему подчиниться, сделать все, что угодно, чтобы закончить его бессмысленные скитания и бездушное существование. Остальная его часть была равнодушна. Он пожал плечами, и снял дайшо и до-мару, позволив им упасть на землю. Он ступил на камень.

Импульс энергии прошел сквозь него, и он почувствовал, как его ноги приросли к камню. Руки застыли у тела, и он понял, что был полностью парализован и уязвим.

Кентаро вынул свой вакизаси.

- Если ты лишь планировал убить меня, почему не сделал это раньше? – выкрикнул Тошусай. Как смел он обвести его на тонком поводке надежды, лишь затем, чтобы убить здесь.

- Я не привел тебя сюда, чтобы убить.

- Тогда зачем? – Тошусай прекратил бороться.

- Я привел тебя сюда, чтобы помочь. – Кентаро замолчал. – Ты должен ответить на один простой вопрос.

- Какой вопрос?

- Почему у тебя нет чести?

Тошусай ошетинился, но был не в состоянии что-либо сделать. Вопрос всколыхнул поток воспоминаний на поверхность его памяти. В нем начал набухать сгусток ярости.

- Потому что поставил свою семью превыше моего даймё.

Глаза Кентаро потемнели. – Неверно. – Он полоснул Тошусая по груди. Его клинок разрезал одежду и вонзился в плоть.

Кровь вытекла из раны, впитываясь в лесную зеленую туннику Тошусая. Он поморщился.

- Что во имя солнца ты делаешь! – Его ярость бушевала под защитной стеной его онемения.

- Почему у тебя нет чести? – проигнорировал его вопрос Кентаро.

- Я послушался указа своего даймё! – Буря ярости пробила трещину в стене, так долго защищавшей его от любых чувств и эмоций.

- Неверно. – Кентаро полоснул еще раз, накрест первой ране.

Тошусай стиснул зубы от боли и желания напасть на самурая, протискивавшихся сквозь трещину, и превращающих онемение в сырую эмоцию.

- Почему у тебя нет чести?

- Я нарушил путь самурая! – Трещина расширилась, и ярость вырвалась сквозь нее.

- Неверно. – Кентаро вонзил лезвие ему в бок.

Тошусай вскричал, и стена раскололась окончательно. Онемение осыпалось, и его гнев на действия Кентаро начал жечь его изнутри, опаяя его жилы. Он широко раскрыл глаза, когда годы ненависти и отвращения к самому себе заполнили его до краев. Его душа требовала отмщения.

Первые капли его крови упали на землю, от чего она затряслась. Он содрогнулся вместе с ней, и непременно бы упал, если бы не магия, удерживающая его на месте. Насыпь осыпалась внутрь, затягивая Тошусая вниз, поднимаясь вокруг его ног. Его жидкая ярость перешла в панику, и он попытался пошевелиться, чтобы не уйти под землю полностью.

Его погружение замедлилось, когда сырая почва достигла его колен.

Кентаро мрачно кивнул.

- Что ты сделал?! – Грудь Тошусая сжалась, лишая его воздуха. – Ты заплатишь за это предательство!

- Твоя кровь пробудила голод болота. – Глаза Кентаро призывно смотрели на него.

- Ты привел меня сюда, как жертвоприношение! – Тошусай представлял себе, как душит улыбающегося кота голыми руками.

- Почему у тебя нет чести?

- Ты спрашиваешь, почему у меня нет чести, а сам отдаешь меня черному сердцу болота! – Прорычал он.

Улыбка Кентаро помрачнела. – Я лишь задаю вопрос. Это ты отдаешь себя болоту.

Пот капал со лба Тошусая, застилая глаза, пока он боролся с невидимыми путами, крепко удерживавшими его. Все было бесполезно. Он не мог разорвать заклинание. Его спасение, если оно существовало, находилось в верном ответе на вопрос хитреца. Его время быстро заканчивалось. Грязь уже почти достигла его бедер. Он с усилием встряхнул мысли, концентрируясь сквозь красное пламя гнева в его разуме на своем бесчестии.

- Почему у тебя нет чести?

- Потому что мой даймё несправедливо отобрал ее у меня, также, как и ты стремишься лишиться меня моего искупления! – Его душа требовала отыскать способ заставить Кентаро заплатить за это преступление.

Лицо Кентаро потемнело. – Неверно. – Он полоснул его снова, на этот раз, открыв рану на левом боку.

Кровь хлынула из глубокой раны, орошая сырую землю вокруг него. Насыпь вздрогнула снова. Тошусай чувствовал ее голод на натяжении в ногах, словно громадный земляной язык, обвился

вокруг его лодыжек. Он провалился по плечи. Давление грязи вокруг него делало почти невозможным его дыхание.

- Твое время заканчивается. – Кентаро опустил на колено.

- Я рассказал тебе правду! – Голос Тошусая перешел в жалкий хрип.

- Но ты не рассказал правду себе.

Отчаянье наполнило Тошусая. Ему нужно было найти ответ сейчас! Он закрыл глаза и вытолкнул хаос из мыслей.

Земля ползла выше, покрывая его плечи. Каждый вдох теперь был почти невыполнимым заданием.

- Почему у тебя нет чести? – черты лица Кентаро исказила печаль.

Его даймё лишил его чести, сделав его очимушей за спасение своей семьи. Они были ни в чем не повинны, и все же даймё требовал убить их. Это у него не было чести.

Земля коснулась его подбородка.

- Почему у тебя нет чести?!

Тошусай стиснул зубы в полном раздражении. Он никогда в жизни не совершал ни одного бесчестного поступка. Было не справедливо, что жалкие прихоти ничтожного человека могли вот так уничтожить его. Он раскрыл глаза и встретил взгляд Кентаро в последний раз.

- Моя честь всегда была со мной! – Правда засияла сквозь него, пронзая все темные уголки, где так долго скрывались его страдания, и выжгла их из его души. Слезы ручьями вытекали из его глаз, пока он боролся, стараясь выкопаться, чтобы жить снова.

Кентаро улыбнулся и выпрямился.

Сырая почва уже щекотала лицо Тошусая. Он вдохнул и задержал дыхание, когда земля покрыла его нос. Что бы сейчас ни произошло, его тюрьма, возведенная его собственными руками, была уничтожена. Его честь не была восстановлена – он просто о ней вспомнил. Каким-то образом, улыбающийся кот знал эту истину все это время.

Кентаро взял катану двумя руками и вонзил ее в землю. Насыпь затряслась, и скрежет камней о камни разорвал пелену тишины. Кентаро вдавил лезвие глубже, пока снаружи не осталась лишь рукоять.

В глазах Тошусая потемнело, и мрак окутал его.

- Выпусти его! – Кентаро провернул клинок в земле.

Земля задрожала и с силой швырнула Тошусая вверх. Он перелетел через насыпь и с грохотом рухнул на твердую землю. Он моргнул и понял, что над ним стоит Кентаро, его кошачья улыбка выдавала его неожиданную гордость.

Ты искуплен... самурай. – Он протянул руку.

Тошусай сделал несколько глубоких вдохов, наполняя легкие воздухом, и лишь когда тьма отступила, он почувствовал, что все его раны были полностью исцелены. Он принял руку Кентаро и позволил ему втащить себя на ноги. Улыбка Кентаро стала шире.

Лицо Тошусая вспыхнуло румянцем от стыда за его прежнее поведение.

- Я обязан тебе жизнью. – Низко поклонился он.

- Тогда я предлагаю тебе способ выплатить этот долг. – Кентаро указал на других самураев. – Тебе придется присоединиться к нам, если пожелаешь.

- Что я должен делать, сенсей?

Улыбка Кентаро испарилась, но он принял почтительные слова Тошусая. – У края болота находится древний алтарь Тераши, великого kami солнца. Несколько десятков лет назад, могущественный óни убил хото, охранявшего алтарь, и проклял землю, на которой стоит святыня. Его порча и тьма были столь сильными, что притянули с собой болота, и Такенума поглотила все окружающие земли храма. Мы собираемся повергнуть óни и восстановить алтарь. Мы очистим это мрачное пятно со священной земли.

* * * * *

Тошусай заложил свою жизнь и услуги ради этого момента, и за весь их восьмидневный марш, ни разу не пожалел об этом решении. Улыбающийся кот вновь наделил его целью, позволив ему жить с честью, вместо того, чтобы умереть с ней. Эти мысли помогали ему оставаться верным своему решению, и подавлять свой страх перед óни.

Прошли часы с того времени, как мысли óни побеспокоили его, но осязаемое чувство страха говорило о том, что чудовище было уже близко. Деревья вокруг них теперь были кривыми и уродливыми, а с их листьев капал гной, словно они кровоточили. Грязь стала глубже, и вскоре тропа вывела их к мелководью.

Кентаро поднял руку, останавливая всю группу. Несколько мгновений он прислушивался к тишине.

Йошинобу и Сакода заняли позиции справа от их предводителя, Муру отошел влево, где к нему быстро присоединился Тошусай.

- Приготовьтесь, - тихо сказал Кентаро.

Я готов, прошептал óни из темных уголков разума Тошусая.

Резкий хохот эхом прокатился по болоту.

Другие самураи моментально достали оружие и всмотрелись в темные, густые заросли.

Тошусай вытащил из ножен собственный дайшо, с облегчением оттого, что другие также слышали этот смех.

Тебя ждет особая смерть, издевательским тоном проговорил демон.

Наша честь приведет нас к победе! Воспротивился Тошусай, но сомнения, посаженные óни в его разуме, разъедали его мысли, подобно паразитирующим червям.

- Там. – Кентаро отодвинул ветку и указал рукой.

Тошусай проследил за взглядом предводителя самураев.

Небольшой каменный храм возвышался над болотом. Полу-сгнивший бамбук, вырвавшийся из чернильной воды, вползал корнями в окна и протискивался в щели в стенах. Сеть из ветвей загоразивала вход в святыню.

- Зло в этом месте обильно, - пробормотал Йошинобу, моргнув из-за своего зеленого кабуто.

Муро фыркнул, как показалось Тошусаю, в согласии. Сакода лишь кивнул.

Кентаро взглянул на них и усмехнулся. Он рассмотрел каждого. Наконец, его взор упал на Тошусая. – Вне зависимости от того, с чем мы столкнемся, я хочу, чтобы каждый из вас знал, что я горжусь тем, что буду сражаться рядом с вами.

Чувство собственной глубокой осмысленности растеклось по сознанию Тошусая, отгоняя давящий страх, занимавший его мысли. Он был готов.

- Ладно. – Ухмылка Кентаро растворилась. – Мы достаточно долго ждали. – Кивнул он остальным.

Сакода и Муро вынули свои ханкю и исчезли в зарослях. Тошусай приготовил клинки.

Кентаро обнажил свое оружие и шагнул сквозь густые заросли в чернеющую воду по колено глубиной. Расходящиеся круги от его сапог расширялись, пока не хлестнули стены храма.

Тошусай проследовал за ним, прикрывая его левый фланг, пока Йошинобу прикрывал правый. Ил обволакивал его сапоги, всасывая его вглубь, и затрудняя его маневренность.

Кентаро остановился у дверного прохода.

Тошусай сделал глубокий вдох, стоя в ожидании рядом с ним.

Пронзительный вопль, подобный плачу десятка детей, эхом раскатился по болоту. Крик пронзил его, встряхнув его душу, и наполнил холодом так глубоко, что Тошусай решил, что скоро завопит сам. Чудом он не проронил ни звука. Он не позволит óни пошатнуть его.

Вы идете, как мертвецы. – Послышалась усмешка. *Твоя смерть будет самой мучительной, Тошусай!*

Тошусай замер, когда угроза демона пронзила его разум. Он вздрогнул, невзирая на желание оставаться спокойным, и почувствовал, как вспотели его ладони. Тошусай крепче сжал мечи.

- Мы с радостью предложим свои жизни нашим Ками! – Дерзко выкрикнул Кентаро. – Но сегодня умрешь ты!

- Я окрашу стены своего храма вашей кровью! – Волна ненависти окатила их.

Бамбуковая сеть извивалась, подобно змеям, и медленно разделилась, открыв несколько темных проходов. Из мрака внутри строения явился кошмар. Тени окутывали его громадный силуэт, возвышавшийся над ними с пугающей высоты. Его лицо было голым черепом с острыми зубами.

Его широкие плечи с туго натянутыми мышцами терлись о стены по обе стороны прохода, а длинные рога царапали потолок при каждом шаге. Демон покачивал своим жутким черепом, пока его пустые глазницы не замкнулись на Тошусая. Из этих пустых дыр, вспыхнуло пламя пугающего разума, и сокрушительной ненависти.

Помоги мне, Тошусай. Это твой единственный шанс избежать всех тех ужасов, что я уготовил тебе.

Ноги Тошусая начали подкашиваться. Почему он выделил именно его?

- Покинь это место! – Кентаро принял боевую стойку.

Питаясь силами от решительности Кентаро, Тошусай также приготовился к бою. Скрежет брони подсказал ему, что Йошинобу также встал в боевую позу.

- Я набью свое брюхо вашей плотью! – Они скрежетали своими сверкающими клыками и яростно размахивал когтями по воздуху, готовый разорвать самураев.

Йошинобу вскричал, нарушил строй и бросился к зарослям.

- Йошинобу! – Прорычал Кентаро.

Убегающий самурай резко остановился. Он не двинулся в обратную сторону, но и не убежал дальше в болото.

Он умрет первым, мысли они достигли Тошусая. Чудовище выкрикнуло, его голос разбил тишину вокруг воинов, когда он выпрыгнул из храма. Демон взмыл над ними по плавной, уверенной дуге.

Нет! Тошусай отреагировал быстро, вонзив катану вверх, но они был слишком высоко.

Сакода и Муро вышли из укрытия с натянутыми луками в руках. Их стрелы загудели, метнувшись к цели. Несколько длинных деревянных древков отскочило от толстой шкуры они, одна стрела вонзилась в массивную правую ногу демона. Густая, черная жидкость пузырилась вокруг раны, но скорость они не замедлилась. Он приземлился перед Йошинобу.

Самурай поднял свои клинки в тщетной попытке отразить нападение они, когда тот сомкнул руки по обе стороны груди Йошинобу. Послышался тошнотворный треск, его доспех рассыпался, а ребра раскололись на части. Беспомощный самурай кашлянул, орошая кровью широкую мускулистую грудь они, и рухнул в воду.

Ярость Тошусая обжигала его изнутри. Он зашлепал по воде в сторону они, намереваясь вспороть демона.

- Ваши смерти подобны сладкому нектару! – Они развернулся к нему. *Помоги мне убить остальных, Тошусай.* Его голос расползался по его мыслям.

- Не слушай его! – Кентаро нанес глубокую рану по правой руке они, выпустив струю густой крови.

- Если ты убьешь меня, я умру с честью! – Вера Тошусая окрепла с ранением они. Он обошел его справа, и вонзил меч вверх, пробив левый бицепс демона.

- Предатель Тошусай! – Они взмахнул рукой и вырвал катану Тошусая из его рук. Затем ударил его когтистой ногой.

Тошусай отпрыгнул назад, и нога демона пролетела над ним. Самурай с всплеском упал в болотную жижу, маслянистая жидкость хлынула ему в рот, и он погрузился под воду. Он закрыл рот, вырвался на поверхность, и сплюнул отвратительную жижу. Тошусай вытер слизь с лица, и поморгал, расчищая себе видимость. Как только его глаза сфокусировались, он увидел, что Сакода и Муро бросили свои ханкю и присоединились к битве. Они кружили вокруг óни, вместе с Кентаро, уворачиваясь и нанося демону удары с впечатляющей скоростью.

Это был его шанс. Óни был отвлечен. Он осмотрел воду и обнаружил бездыханное тело Йошинобу, плавающее чуть ниже поверхности воды. Он вскочил и в отчаянии бросился к своему товарищу, Он вытащил Йошинобу на поверхность. Глаза самурая закатились назад. Окровавленные ребра торчали из груди, сквозь одежду и доспех. Сомнений в том, что он был мертв, не оставалось.

Тошусай вынул катану из рук друга, и позволил ему погрузиться под воду. Праведный гнев вспылал в нем, обжигая рассудок. Он встал в тот момент, когда Муро взмыл в воздух. Самурай с громким треском врезался в дерево, и сполз в заросли, исчезнув из вида.

- Больше никакого страха, больше никаких сомнений. – Тошусай сжал клинок Йошинобу так крепко, что руки заныли от боли.

Óни уклонился от катаны Кентаро и отбил в сторону вакизаси Сакоды. Яростный гнев Тошусая мчал его вперед.

Демон ударил Сакоду в плечо. Послышался хруст ломающихся костей, и самурай упал на колени. Óни занес над ним могучий кулак.

Кентаро оттолкнул Сакоду с дороги и вонзил катану óни в бок.

Чудовище пошатнулось. *Тошусай, ты должен помочь мне!*

Это поможет? Тошусай метнул свой вакизаси. Клинок угодил в грудь óни, вонзившись по самую рукоять.

Кентаро провернул лезвие.

Óни срыгнул черную жидкость, оросив их своей мерзкой кровью, и рухнул на колени.

- За честь погибших! – Тошусай подался вперед и ударил óни в плотную грудь. Его катана скользнула между ребер демона. Заряд дикой энергии вырвался из чудовища по лезвию клинка, обжигая руку Тошусая. Он выпустил оружие и отшатнулся назад.

Óни взглянул на самурая сквозь мрак глазниц. Он затрясся, и его мышцы вдруг зашевелились под кожей. Трещины вскрылись в теле чудовища, словно оно было вытесано из камня, быстро расплываясь паутиной по рукам и ногам. Наконец, он с треском развалился на куски, осыпавшиеся в воду, и исчезнувшие из вида, пока от демона не осталось ничего.

Тошусай ахнул и выдохнул, когда тяжкий вес его ненависти к этому существу растворился и боль унялась.

Земля содрогнулась, и луч чистого солнечного света пробился сквозь покров тьмы, повисшей над храмом. Он становился все ярче с каждой секундой. Бамбук съежился и отступил дальше, к сердцу болота, уведа с собой грязь, воду, и заросли. Тепло окатило Тошусая внутренним покоем, исцеляя его раны.

Яркость медленно рассеялась, оставив их в свете обычного дня. Когда она исчезла вовсе, храм мало чем напоминал строение, которое они видели прежде. Он стоял в центре широкой площади из отполированной брусчатки. Тошусай стоял между Кентаро и Сакодой, у его входа.

Кентаро повернулся и улыбнулся каждому из них, затем медленно посерьезнел. Без слов три самурая знали, что пришло время упокоить Муро и Йошинобу, и почтить их жертву. Кентаро повел к их бездыханным телам, и Тошусай, не раздумывая, проследовал за ним.

Стрекот цикад

Alexander O. Smith

Холодные, обветренные листья
Падают замертво; и из осенних полей
Слышен стрекот цикад

—Листья Камигавы,
сборник хайку Снежного-Меха

Он осматривает низкую стену из серого камня, увенчанную красной черепицей, кажущейся тускло-коричневой в лунном свете. Тут и там стебли настырных кудзу из окружающего леса вползали на стену, медленно продвигаясь вверх, находя крошечные естественные щербинки в обожженных камнях и трещины, созданные стараниями ветра и дождя, затем, огибая слабую защиту черепицы, сползали вниз, в ухоженный сад по ту сторону стены. Он ставит сапог *таби* из мягкого черного войлока, со щелью между первым и вторым пальцами, на стебли, нащупывая точку опоры. Перемахивая через стену, он бесшумен, словно сова, покидающая свое дупло, вылетая на охоту. Цикада запела и из десятков мест под стеной его *деши* поднялись и последовали за ним, перетекая через стену, собираясь под ветвями садовых слив. Они - его ученики, он обучал каждого из них с юных лет, и теперь они двигались, подобно продолжению его собственной воли. Они лунные тени, не плотнее пленки на водянистом молоке; их движения подобны шелесту камыша; их мягкие шаги – не громче мышиной возни в полях.

Окрестности коттеджа ясно видны сквозь сучковатые, голые деревья. Это летняя резиденция богатого самурая торговца, нажившего состояние благодаря удобному расположению своего торгового дома на дороге, простиравшейся между высокими стенами Замка Эйгандзё и библиотеками Минамо. С началом войны ему пришлось оставить свои товары и переселиться сюда, с небольшой свитой охранников и единственным наследником, юным аристократом по имени Кио. Все это Хигурэ прочел в свитке, который он сжег в костре вчера ночью. Он сжег слова, превратив их смысл в пепел, и сегодня они убьют всех и завершат начатое. Через три дня надоедливый чиновник прибудет в сопровождении наездников на мотыльках из Эйгандзё с просьбой к аристократу открыть свои запасы риса в военных нуждах, и обнаружит запутанную головоломку смерти. Трясущимися руками он вычтет на своих счетах спокойные выражения на лицах трупов из очевидных следов насилия, и получит в остатке лишь синевато-серые тени и блеск металла в лунном свете. Хигурэ проверяет покрытую чернилами ткань, покрывающую его короткий клинок, и скользит вперед, в сторону внутренней стены. Легкий ночной ветерок дует с дороги, ведущей к главным воротам коттеджа, тревожа пламя факелов на внутренней стене и колыша тусклый свет, сочащийся сквозь ветви пустого сада.

* * * * *

Ветер всегда был обманчивым в долине, где он родился в тени высоких гор Сокензан. Даже в теплый летний день облака могли сменить свой дрейф в горных вершинах, обрушив холодный бриз на ледник Дзёхёй, вздымающий обвисшие фестивальные флаги, и заставляющий золотисто-зеленые листья гинговых деревьев дрожать в раннем предвкушении осени. Между лотками с рисовыми лепешками и почерневшими от сажи домами торгового квартала прятался мальчик, ожидая, когда стихнет ветер, держа одну руку на желтом платке, прикрывавшем корзину с яблоками, которую он принес своей матери. На рынке развозчик тыквы прекращал свою песню и хмурился, глядя на клубы уличной пыли. Стоя в дверном проеме неподалеку, продавец чая улыбался, наливая напиток в очередную чашку. Холодная погода хороша для его продаж, ведь

война в последнее время истощила его кошелек. Спустя два месяца, ветреным осенним вечером, торговец чаем будет убит разрядом зеленой молнии, поразившей его среди ясного неба.

Было ветрено в ту ночь, когда *ками* пришли в деревню мальчика и убили его семью и всех кого он знал. Из-под расшатанных половиц он слышал, как ветер трепал поломанные раздвижные ставни шёджи между верандой и гостиной. Там, существо, поедавшее свет, прорвало тонкие бумажные ставни и сожрало его сестру, пока их отец орал на него, размахивая дымящейся кочергой из жаровни в полу, у которой они всего час назад готовили ужин. Мальчик видел это – клубящаяся масса черных щупалец с одной непропорционально маленькой торчащей рукой, мохнатой, как у обезьяны. В руке был длинный, эбонитовый кол, которым дух взмахнул, выбив кочергу, а затем вонзив его глубоко в плечо отца. Кол, должно быть, был очень горячим, поскольку послышалось шипение после удара, и кровь отца дымилась из раны, шафрановым облаком вздымаясь к потолку. Мальчик пытался дотянуться до выпавшей кочерги, обугливавшей коврики *татами* – но его отец заорал, чтобы он убежал, прятался, и он так и поступил.

* * * * *

Внутренняя стена гладкая, все лето ее оберегает от вьющейся лозы ревностный садовник. Стена выше, чем Хигурэ может дотянуться. Он прислоняет свой прямой меч *ниндзя-то* к основанию стены, лезвием вниз, и становится на его рукоять, как на лестницу, дотягиваясь до верхушки стены одной рукой, одетой в перчатку. Он зажимает меч ступнями и передает его свободной руке, прежде чем подтянуться вверх и скользнуть через стену, присев на возвышенной дорожке, вымощенной вдоль стены.

Десять шагов по дорожке, охранник в остром шлеме из зеленого бамбука сползает под странным углом к стене, высокое знамя, которое он держал, теперь подпирает его тело. Его глаза открыты, бесполезно взирающие в ночь. Кровь медленно стекает с длинного черного лакированного древка стрелы, прошедшей сквозь его шею, в том самом месте, где пролегают тонкие голосовые связки, его предсмертное дыхание лишено звука. Большой палец Хигурэ проводит по истертой коже рукоятки меча, отполированной до темно-синего цвета от частого использования. Странно не использовать его сейчас, не прорезать себе путь сквозь это плохо охраняемое место. Он знает, что он здесь лишь наблюдатель, мрачный свидетель смертельной работы его *дешу*. Так должно быть. Они справятся с этими внешними помехами. Его ждут дела глубже в здании, в главном зале, на втором этаже, в покоях лотоса.

* * * * *

Мальчик хорошо прятался. Его всегда находили последним, когда дети играли в *они* на фестивале масок. В дни, когда у него не было поручений, он бродил вдоль холодной реки, стекавшей с гор, и прокрадывался за спинами рыбаков, воруя их наживку, оставляя мокрый лист на месте мясистых червей, чтобы они решили, что духи *каппа*, живущие в воде, зачаровали их глаза и ограбили их. Эта игра ему никогда не надоедала, и все же сейчас он чувствовал, что не должен был сидеть, сжавшись, здесь, под своим домом, пока *ками* наверху принимал последнее мрачное подношение от его семьи. Он не должен прятаться, не от *ками*, приказывавшего идти дождю, и расти рису в полях.

Он помнил, как, когда он был совсем маленьким, люди из его деревни шли по дороге из полей, к кедровой роще, где был установлен небольшой алтарь под древнейшими и наиболее священными деревьями. Там они оставляли рисовую лепешку для *кицунэ*, ухаживающих за алтарем, и небольшую медную монетку с прорезанной в ней дырочкой, для *ками*. Было важно,

чтобы монетка была круглой, чтобы *ками* мог принять подношение, а взамен дать богатства в виде хорошего урожая. Все всегда повторялось по кругу. Он вернулся тогда по опасному пути своей памяти, вспоминая, не забыл ли он когда-то поднести монетку, или же оставить достаточно рисовых лепешек. По какой-то причине, он знал, что в том, что явились *ками*, была его вина. Он должен выйти и встретить их. Он должен предложить себя этим жутким богам, чтобы они пощадили остальных. Но он также знал, что было уже слишком поздно для этого, и поэтому, несчастный, он притаился и ждал.

Когда первые лучи рассвета прокрались сквозь камни фундамента, объявив ему, что ночь ужаса завершилась, он выскользнул из своего укрытия под домом и, не останавливаясь, побежал, пока не выбежал на пределы деревни. По пути он видел тела. На улицах лежало больше мертвых, чем он знал по имени. Он обнаружил, что хуже мертвых были те несчастные, которых *ками* оставили в живых. Он видел, как они грудились, хныкали, в разорванной одежде, с пустыми глазами, с мыслями, сжатыми когтями ночного кошмара. *Ками* он не видел, не считая одного случая, когда ему по пути попалось что-то вроде собаки, пожирившей трупы, сброшенные в небольшую канаву на краю деревни, где вода текла лишь во влажный сезон. Вместо шерсти, пес был покрыт человеческими черепами. Он ахнул, и один из черепов повернулся, уставившись на него слепым гневным взором. Затем челюсть черепа открылась, и он заговорил голосом его матери, - подойди, мой воробышек – она всегда его так называла – Я оставила тебе завтрак. Подойди, поешь. – Мальчик понял, что ему было пора убегать. Лишь спустя много лет, когда он стал мужчиной, уже после того, как он присоединился к ученикам при Храме Черного Свитка, он впервые проспал всю ночь, не просыпаясь в холодном поту, с бешено колотящимся сердцем и сухим привкусом смерти во рту.

* * * * *

Хигурэ крадется под скрученными ветвями фигурных сосен во внутренний двор. На мгновение он застывает, осматривая тугую медную проволоку и с умом расположенные металлические прутья, сгибавшие ветви старых деревьев, мучительно заставляя их принимать форму, с первого взгляда кажущуюся совершенно естественной и в то же время идеальнее, чем любое природное творение. *Ниндзя*, думает он, не так уж сильно отличается от скульптора *бонсай*. У обоих в руках острое оружие, которым они обтачивают жизнь по своему усмотрению. Ветви дерева – ученики скульптора *бонсай*. Некоторых он поддерживает и тренирует, чтобы они смогли достичь чистой формы. Иных обрезает, завершая их жизнь в том месте, где она не устраивает его заказчика. Но работать с одним деревом так много лет – для этого у Хигурэ не хватает терпения, он и без того уже слишком здесь задержался. Слышится пение ночного дрозда меж строений у коттеджа, и он быстро двигается вперед, пересекая декоративный пруд по мосту из камней. Сам мост, также, указывает на изысканное мастерство садовника. У каждого камня своя, отличная текстура под его стопами, и, тем не менее, они вырезаны так, что плотно прилегают друг к другу, словно стихи дворцовой поэмы: каждый уникален, со своим характером, и, все же, его форма мягко намекает и ведет к следующему стихотворению.

По ту сторону очередного моста, он бежит быстрее, пригибаясь под открытым проходом с искусно вырезанным деревянным символом. Он знает, как выгладит символ, ощущая его значение, даже не видя его. Это пейзаж: вытянутое рисовое зерно, растущее под хризантемой солнца, знак торгового дома Нитты – давних союзников клана Конды, а теперь их основной поддерживающей силы в войне против *ками*. Странно, что одному из них выпало быть помеченным смертью – но его обучение убивает вопрос в его разуме, прежде чем тот успевает сформироваться. Слова в свитке всплывают в его памяти. Не существует ни мотива, ни заказчика, ни себя. Есть лишь то, что должно быть сделано.

* * * * *

- Это, - сказал Учитель Кагеро, поглаживая длинный седой ус, отходя в сторону, чтобы ученики смогли разглядеть единственный черный символ *канджи* на свитке, - *нин*. Это *шиноби*, тот, кто ходит в ночи. Это *ниндзя*, тот, кто выдерживает. – Он указал на верхнюю часть *канджи*. – Видите, здесь меч, бьющий вниз... сюда. – Его рука провела вниз по стилизованному рисунку меча, украшенного пятнышком крови, формировавшего верхнюю половину *канджи* в виде странно изогнутой линии и трех точек внизу, символизирующих сердце.

Мальчик сидел с тремя другими учениками в чайной комнате, которую они использовали, как классную комнату для уроков по каллиграфии. Другие мальчики были старше его, и, по большей части, предпочитали иные уроки – где они бегали сквозь поля высокого тростника, словно газели, танцевали над сталагмитами, как водомерки, и металы *шурикены* в стрекоз, оттачивая меткость. Учитель Кагеро стоял и смотрел на учеников, с кисти в его узловатой руке капали черные чернила *суми*. Снаружи ленивая цикада громко запела в летнем тумане. *Ш-ш-ш-шшш...* Учитель улыбнулся. – Следующий урок!

- Что это значит, учитель? – слова вылетели, прежде чем мальчик смог остановить их. – Почему меч режет сердце? Кто должен выдержать, и что? Это наши враги должны выдержать боль смерти от меча, или же это мы должны выдержать суровость нашего обучения... - Он запнулся. Учитель Кагеро метнул кисть в сторону, где она увязла, войдя наполовину в плетеную солому и глину на стене, и вышел из комнаты. Трое остальных учеников взглянули на мальчика, ошарашенные тем, что он на самом деле *задал вопрос*, но прежде чем они смогли что-то сказать, учитель вернулся с длинной палкой в руке. Это был прут, которым юные ученики убирали кучи навоза, оставшиеся на дороге за храмом после болотных буйволов, привозивших из деревни еду. Он ткнул грязным концом мальчику в ребра. Тот застонал, подавляя крик боли. – Что это? – вскричал Учитель Кагеро.

- Навозная палка, учитель? – ахнул мальчик.

- Скажи мне тогда, что означает эта навозная палка?

Повисла тишина. Цикада запела вновь из листьев. *Ш-ш-ш-шшш...* Звук умолк, и учитель поднял гневный взгляд, словно он ждал, когда насекомое закончит. Затем он фыркнул, и швырнул навозную-палку в окно. – Свободны. – Он прошел к открытому проходу, затем остановился и повернулся, взглянув на дрожащих учеников. – Значение, - сказал их учитель с глубокой грустью в голосе, - вы должны отыскать сами.

Лишь спустя три года мальчик, теперь уже юноша, узнал первую часть того, на что намекал Учитель Кагеро в тот летний день. Он шел по поросшей мхом тропе в лесистых холмах к северу от дороги в Эйгандзё в облике бродячего торговца бумагой. На голове у него была небольшая зеленая ткань, а за спиной тяжелая сумка с масляной рисовой бумагой, режущими инструментами и сетчатые формы, чтобы наделать больше бумаги, на случай, если он на самом деле распродаст свои запасы. Смысл этого маскарада был двойным. Во-первых, он должен был собрать информацию о том, как торговые дома поддерживали или не могли поддержать войну Конды с *ками*, и во-вторых, что, вероятно, было более важно, он должен был практиковаться *быть* продавцом бумаги. – Шут может пройти по дороге, наряженный в облачение императора, но даже слепой нищий все равно узнает в нем шута, - сказал Учитель Кагеро. – Когда вы сможете предстать передо мной, с мечом *ниндзя-то* в руке, одетые в *ги*, и все равно идти так, словно вы все еще несете эти свитки за спиной, тогда возвращайтесь. – Так, ему надлежало продавать бумагу, а затем, возможно, он будет кузнецом, или самураем, или швеей, как пожелает его учитель.

Он продолжал идти по тропе, утопая ногами в грязи и листьях, влажных от воды из ближайшего ручья, который, должно быть, разлился из-за недавних дождей. Он слышал веселое бульканье ручья, бегущего меж деревьев, уводя его мысли от тяжелой и перекошенной поклажи, впивавшейся ему в спину. Тропа проходила между двух высоких, поросших мхом валунов, и спускалась к небольшому деревянному мосту через ручей. Он шагнул на его мокрые доски и уже прошел половину моста, когда заметил ее.

Под мостом купалась женщина, в том месте, где ручей расширялся в спокойную заводь, прежде чем устремиться вниз, сквозь скалистое ущелье. Она не увидела его. Испугавшись, что она была каким-то речным камнем, явившемся, чтобы заманить его на верную смерть, юноша быстро прыгнул обратно на берег и спрятался в тени одного из крупных валунов.

С этого ракурса он видел ее профиль, и сердце забилось в его груди. Он никогда не видел никого столь прекрасного. Ее руки были бледными и тонкими. Высоко начерченные аристократичные брови, и губы, окрашенные в цвет индиго. Ее глаза были прозрачнее голубых ледников в горах Сокезан, щеки цвета цветков сливы, расцветших в первых лучах весеннего солнца. Если она и в самом деле не была *ками*, думал он, то, должно быть, она дочь какого-то знатного торговца, живущего в большом доме вдоль главной дороги, и пришла сюда искупаться. Когда она плыла, каждое ее движение в глазах юноши было танцем красоты, и, казалось, он наблюдал за ней вечность, прежде чем с неохотой пришел в себя. Вновь взвалив на спину поклажу, он тихо вышел к заводи. Лишь спустя несколько недель, в которые каждое мгновение его сна и бодрствования было поглощено мыслями о ней, он понял значение символа «*нин*» - выдерживать. Его сердцу надлежало выдержать разлуку с такими же людьми, как он. Он никогда не женится и не заведет семью. Как никогда не познает общество, отличное от этого Храма. Более того, у него никогда не будет ее – и знание этого резало его сердце, подобно лезвию меча.

* * * * *

Лезвие алебарды ночного стражника блестит слева от него, когда Хигурэ перепрыгивает через ограду веранды главного зала. Охранник теперь начеку – исчезновение стражников было замечено. Прижавшись всем телом к стене, он достает из кармана небольшую сферу и поворачивает на ней колпачок. Кремь трет о селитру, и из сферы начинает валить черный дым. Он швыряет ее в сторону стражника. Дым беззвучно заполняет воздух пятном непроницаемой ночи, которое не способен пронзить лунный свет. Сверкает больше клинков, когда его *деши* выскальзывают, словно из воздуха, срезая ослепленного охранника. Три пары рук ловят тело, прежде чем его доспех успеет лягнуть о покрытую гравием дорожку. Все происходит быстро, и стражник успевает выкрикнуть. Хигурэ поворачивается, отталкивает ставню веранды в сторону, и исчезает во тьме зала.

* * * * *

Юноша теперь повзрослел. На его совести тридцать две жизни. Некоторые были людьми, как и он, несколько лис, несколько грациозных *соратами*. Все они пали от его клинка, и с каждой успешной миссией он получал еще одного *деши* в обучение и следование ему. У него был собственный анклав, спутник Храма, набирающий силу с каждым новым учеником, присоединяющимся к нему. Он уже обучил большее число учеников, чем Учитель Кагеро. С точки зрения практичности, он вел дела напрямую со своими заказчиками, поэтому для него оказалось неожиданностью получить вызов, написанный знакомым почерком его учителя. Уладив свои дела и отменив оставшиеся дневные уроки, он, не медля, отправился в храм.

День клонился к вечеру, когда он, наконец, прибыл в сады храма. Пруд, где он впервые учился ходить по сталагмитам так много лет назад, являл собой безмятежное зеркало, отражающее рубиновый свет заходящего солнца. Земля казалась опустевшей, словно это был заброшенный алтарь позабытых богов. Где-то вверху, в сгущающемся сумраке мягко прозвенел гонг. Мужчина подошел, ступив сквозь, проход, давно лишенный ворот, и обошел деревья, пахнущие кедром и сладкой павлонией, которую предпочитали садить при храмах за ее долголетие, и священной катальпой, некогда используемой для сбивания *ками* с небес, а теперь почитаемой оберегом, удерживающей от их напастей. Мужчина остановился, втянув носом воздух. Затем он начал проделывать нечто, похожее на странный, одинокий танец, раскачиваясь и сливая свои движения со звуками заката, и ветром, дующего сквозь листву. Сам ритм его сердца замедлился, превратившись в эхо мягких ударов гонга. Он стал единым целым не только с гонговым молотом, но и с рукой, его держащей, и человеком в зале Храма. Спустя несколько шагов в сторону и прыжков вперед, он достиг двери в зал, держа каждое движение в полной гармонии с окружающим миром. Он бросался вперед с дуновением ветра, затем, когда чувствовал, что ветер стихал, он также замирал... и последний луч солнечного света пробился сквозь деревья на западном холме, всколыхнув сумрачный бриз.

Спешно, он распахнул двери. Золотой гонг висел по центру зала, слегка покачиваясь на своей подставке, удар мягкого молота все еще звенел в воздухе. Но того, кто бил в гонг, видно не было. Лицо мужчины исказилось от досады на предательство ветра и свой провал.

- Легко быть невидимым, как *ками*, - произнес знакомый голос. – Они ходят по завесе меж мирами. Шагни в сторону, в *какуриё*, и для смертных тебя нет. Шагни в другую сторону, в *уцушиё*, и ты один из нас. – Смеясь, Учитель Кагеро sprыгнул вниз со стропил с мрачной грацией духовного *кумо*. – Ты знал, Хигурэ, что некоторые из *кицунэ* обучились чувствовать запах *ками*? Да, даже у богов есть слабые места. Пусть у *ками* будет их пелена невидимости, гораздо сложнее оставаться в этом мире, и в то же время быть никем невиденным.

Это был урок, который человек слышал много раз, и все же, кое-что из слов учителя заставило его замереть. – Хигурэ?

- Да, Хигурэ... *сумрак*... теперь это твое имя, ибо ты пришел ко мне вечером, когда солнечный свет исчезает и уходит от нас.

- Но лишь учитель *ниндзя* может... - Неожиданно, ответ на его вопрос был ему очевиден, прежде чем он договорил его.

- Ты теперь учитель. – Учитель Кагеро выпрямился, приняв формальную позу. – Хигурэ, Я нарекаю тебя так, но я также нарекаю тебя «Бесшумный Ветер» ибо ты был бесшумным ветром у моих дверей, даже когда сумеречный бриз дул вокруг тебя. Тебе повезло, что я не враг тебе. Никогда не забывай, что ты смертен, Хигурэ.

Учитель Кагеро опустил плечи, и на мгновение показалось, будто изнуряющий груз старости, которого он ловко избегал всю свою жизнь, наконец, настиг его. – У нас новый заказчик, - сказал он, шаркая к своему столу у стены, вытаскивая свиток, обернутый дорогой позолоченной парчой. Из-за сгорбленной спины его учителя, Хигурэ видел серебряный почерк каллиграфии лунного народа. Он задумался, кого хотел убить один из *соратами*, и почему, но теперь он был гораздо старше того мальчика, который так глупо задал своему учителю вопрос в классе со стенами из соломы и глины. Учитель Кагеро развернул свиток и повернулся к нему лицом. – Ты вернешься в холмистые земли.

Хигурэ движется бесшумно вверх по узкой винтовой лестнице из красного дерева, ведущей в коридор перед покоями лотоса, где отдыхает благородный юноша, когда не встречает посетителей в приемном зале на первом этаже. Ставня скользит в сторону. Он прижимается к стене и прислушивается к голосу в дали коридора.

- Нет, Кио, я сказал, что здесь безопасно, и ты останешься здесь. – Пауза, затем голос продолжает, чуть мягче. – Я твой отец и ты не ослушаешься меня. – Он проходит еще три ставни по коридору, чтобы разглядеть мужчину, говорящего с кем-то в комнате. – Не волнуйся, - говорит мужчина, теребя пальцами ремешки своего тяжелого железного шлема, - они, вероятно, просто снова заигрались в саду. Я посмотрю, что там случилось и сразу вернусь.

Крашенная ставня плотно закрывается, и мужчина идет по коридору, проходя не более чем в ширине ладони от места, где стоит Хигурэ. Самурай торговец Нитта крупный, и спускается по винтовой лестнице, слегка покачиваясь, словно подволакивая правую ногу – вероятно, старая рана. Выйдя из своего укрытия, Хигурэ нащупывает ставню, и распахивает ее.

Он входит в комнату тяжелой поступью, хромота на правую ногу едва заметна, но все же присутствует. Угольная жаровня в углу наполняет комнату задымленным светом, но здесь достаточно темно, чтобы обман Хигурэ сработал, и сын аристократа поднимает глаза с того места, где сидит, в роскошной пурпурной мантии. Нет, не сын – дочь. Бледные и тонкие руки, высокие, начерченные брови, губы, окрашенные в цвет индиго, глаза прозрачнее голубых ледников, и щеки цвета цветков сливы – все в точности так, как в его воспоминаниях о женщине, купавшейся в реке у моста много лет назад. Это она.

Разум Хигурэ вскипает. Он слышит голоса – мальчик, юноша, мужчина в нем требует быть услышанным. Затем, еще один голос, голос мудрости, преподает урок в жаркий летний день. – Значение ты должен отыскать сам. – Неожиданно, он понимает, что это значит. Меч, который Учитель Кагеро нарисовал на том свитке целую жизнь тому назад, был *ниндзя-то*, который он теперь носил с собой, и сердце было его собственным.

Леди Кио встает, не желая сидеть на месте, и понимает, что чего-то не хватает, когда она видит сияние углей, отраженное на обнаженной стали. – Вы не мой отец, - шепчет она голосом, холодным, как горный ручей, в котором она когда-то купалась. – Мой отец был воином, сражавшимся на поле боя – истинным мужчиной. Вы не мужчина.

- Нет, - отвечает Хигурэ, - Я *ниндзя*.

Крик эхом отражается от деревянных ставен коридора. В свете углей, рассыпанных из перевернутой жаровни, темно-красное пятно расплзается по индиго, стекая на коврик *татами* на полу покоев лотоса. Снаружи безмятежная ночь, луна тяжело свисает с небес. Единственный звук, это стрекот цикад. Затем и они, также, замолкают.

Возмездие Войны

Jeff Grubb

Проклятый воин явился с запада, где умирающее солнце утонуло в кроваво-красных клубках пыли, первых предвестников урагана, надвигавшегося из равнин. Я был тем, кто обнаружил проклятого воина, и потому, несущий ответственность за все, что последовало за этим.

Располагайся наша деревня на пару миль дальше на восток, или не увидь я его шатающийся силуэт, спотыкаясь, бредущий сквозь низкие кустарники предгорья, он бы погиб и все мы миновали бы своей участи. Но деревня не пролегла дальше на восток, и я заметил его там, а потому, должен принять весь груз своей ответственности.

В тот вечер мне бы лучше было спать, завернувшись покрепче от горячего ветра, или присматривать за овцами, или обмениваться небылицами у костра. Но в мире происходили странные и жуткие вещи, духи и чудовища бродили по земле и кто-то должен был быть начеку, наблюдая за ними. И стать одним из таких наблюдателей выпало мне.

Я стоял на вахте, осматривая равнины западных земель в заброшенной части деревни. Отдаленные холмы уже исчезли в густой, клубящейся красной пыли. Проклятый воин был не более чем тенью, и поначалу я принял его за волка, или бродячего пса, разорвавшего деревенскую свалку. Но уже тогда было что-то не так – тень была непостоянной и колеблющейся. Она вставала на задние лапы и раскачивалась в затухающем свете. Наконец, тень проявилась полностью, приняв грубые очертания человека, который либо был пьян, либо ранен, либо и то и другое. Я спустился с низкой возвышенности нашей деревни, и прошел к нему, кинжал моего деда все еще был в ножнах, но я обеими руками сжимал копье.

Проклятый воин увидел меня, и поднял руку, хотя, не понятно было, приветствовал ли он меня, или пытался показать, чтобы я уходил. Затем он упал, опустившись на колени. Я медленно подошел к нему.

Он был солдатом, ветераном, и выглядел так, словно прошел сквозь сражение в самом мире ками. Его доспех был сделан из черного, лакированного тростника, он был разрезан и разбит в нескольких местах, а наплечники и наколенники, отсутствовали полностью. Одежда под доспехом была рваной и грязной. На боку у него все еще свисали ножны, но оружия в них не было. Его сандалии были изношены почти до толщины бумаги. Когда я подошел, он оставался на месте, стоя на коленях среди высокой травы, отбрасывающей длинные тени.

Я стоял перед ним несколько долгих мгновений, затем осмотрел горизонт в поисках других воинов. Он был один. Выживший? Дезертир? Сам воин ждал, и лишь когда стало ясно, что я не собираюсь прикончить его на месте, поднял глаза.

Он был гораздо старше меня, и его лицо должно было быть строже и мудрее. Вместо этого, оно было исполосованным и выпачканным, слезы прорезали дорожки по его вымазанному грязью щекам. Судя по состоянию его лица, он плакал несколько дней.

- Все мертвы, - произнес он хриплым, скрипучим голосом, чуть громче шепота. – Возмездие Войны забрал всех.

Я взглянул на воина, затем обернулся в сторону деревни. Я бы мог сходить за помощью, но старик вполне мог скончаться в мое отсутствие. Он не выглядел раненым, и, невзирая на внешний вид, не казался больным.

Я выкрикнул в сторону деревни о помощи, и положил копье, чтобы обеими руками поднять истощенного воина на ноги. Как только я это проделал, он вымолвил одну, хриплую фразу, едва ли не заглушенную вечерним бризом.

И когда слова слетели с его губ, я понял, что совершил ужасную ошибку.

- Ты уверен, что это то, что он сказал? – спросил Фуруйдзин. Он был старшим из старейшин деревни, и его обязанностью и самой природой было подтверждение всего, по меньшей мере, трижды, прежде чем он мог поверить во что-то.

Я кивнул. – Катаки придет за мной, - повторил я в третий раз. Старый ветеран произнес имя могущественного ками, одного из величайших духов какуруи.

Снаружи, поднявшийся ветер уже трепал ставни и стекла. Буря, затмившая солнце, шла по пятам истощенного воина.

Сурошиан, самый крупный из старейшин, глубоко и хрипло вздохнул, - Итак, он произнес имя ками. Как это касается нас?

Кёкури, служащий ученым, писарем, и учителем, кивал головой, подобно птичьему тикку. – В наши мрачные дни, опасно произносить имена любых ками. Их темная сторона бродит по земле, свободная от оков их древнего кодекса и обетов. Они несут гибель всем, кто стоит у них на пути.

Я ничего не сказал, но лишь сжал губы в знак согласия. Катаки был духом, которого воспевали кузнецы, кующие копья, и духом, которого чтили молитвами стражники и воины, затачивая свои клинки. Его небольшой алтарь был в оружейной, обычно усыпанный рисовыми лепешками. Этот алтарь, как и все остальные, был заброшен, когда ками обезумели.

Сурошиан вздохнул еще раз, - Значит, он произнес имя духа воинов, что с того? Любой воин может сделать то же самое, чтобы навести лук, или укрепить лезвие меча.

Фуруйдзин сказал, - У него не было меча, когда ты его обнаружил. Это так? – Я кивнул, и он продолжил, - И Катаки, возможно, убил его товарищей.

- Все мертвы, - повторил я в третий раз, - Возмездие Войны забрал всех.

Сурошиан снова вздохнул, но Кёкури перебил его, прежде чем хоть одно слово слетело с губ массивного старейшины, - Катаки также известен, как Возмездие Войны, ибо он был великим духом-защитником, оберегавшим оружие и доспехи воинов. Катаки направлял каждый удар, нанесенный во имя мести, точно в цель. Он был светлым и благородным в лучшие времена.

- Так, кто конкретно умер? – спросил Сурошиан. – Его попутчики? Его часть? Тогда, все просто. Они перешли ками дорогу и были наказаны за это. И поделом. – Он повернул шею в мою сторону, - Ты знаешь, из какой он был части?

Я бы пожал плечами, но выказывать такое неуважение старейшинам не подобало. – Я не видел ничего, похожего на отметки принадлежности к какой-либо военной части. У него не было ни щита, ни меча, ни поклажи. У него был бурдюк, пустой и плоский, он явно не наполнялся водой несколько дней.

- Значит, дезертир, - заключил Кёкури, - должно быть, он сбежал с поля боя. Катаки бы это не понравилось.

- Никто уже не знает, что ками нравятся, а что нет, - сказал Фуруйдзин, - Они больше даже не притворяются, что думают, как живые существа.

- Какого боя? – спросил Сурошиан у своего нервного товарища, - я не слышал никаких новостей о каких-либо боях.

- Он пришел с запада. – Сказал Кёкури, и Сурошиан метнул в мою сторону взгляд, но не такой, на который требовался ответ, - В этом направлении нет ничего кроме зарослей и солевой пустыни на многие мили, вплоть до самих гор. Он явно пришел из военной части, которая, в свою очередь должна была быть там по причине, по которой там должна была располагаться военная часть. Отсюда и бой.

- Зачем вообще военной части располагаться у гор? – прорычал Сурошиан.

- Возможно, для защиты жителей деревень от Катаки, - сказал Фуруйдзин. – Из-за большого расстояния, мы мало что смогли бы узнать от горных общин. Да, что там, целые войны могли бушевать за холмами, и мы бы ничего о них не знали бы.

- Его часть могла пытаться защитить деревню от Катаки, - выпалил Кёкури, - или от чего-то другого. На земле теперь нет мира.

- Он *мог бы* быть дезертиром, - проворчал Сурошиан, - либо же, он мог бы быть просто выжившим патрульным, попавшим в засаду. А, возможно, он лишь отстал от своей колонны. Пусть поспит в кладовой, а завтра идет своей дорогой.

- Это будет мудрее всего, - сказал Фуруйдзин, - Если только его товарищи действительно не были убиты духом Катаки.

Тяжелые брови Сурошиана поморщились, и Кёкури перебил его снова, - В самом деле. Ибо, если он навлек на себя гнев Катаки, то он покойник. Ками славятся как своим непостоянством, так и неотступностью. Они могут оскорбиться малейшим пустяком, но оскорбившись, они становятся упорными охотниками.

- И они станут срывать злость на любом, кто станет защищать оскорбившего их обидчика, - сказал Фуруйдзин.

- Значит, мы дадим старому ветерану немного риса, наполним его бурдюк из колодца, и вышлем своей дорогой, - сказал Сурошиан. – Если этот дух преследует его, то, когда найдет, никого из нас рядом с ним не будет.

- Любая помощь оскорбившему может разжечь гнев ками, - сказал Фуруйдзин.

Кёкури нервно подернул головой и нахмурился. – Справедливо и то, что если ками узнает, что мы не смогли остановить его обидчика, то он может также пожелать покарать нас за это.

Сурошиан испустил вздох, родившийся, казалось, в самом его сердце. – И конечно, мы не можем посоветоваться с ками, потому что все они обезумели. Жаль, что старик не скончался в пятидесяти футах отсюда, да? - Массивный Сурошиан смерил меня долгим, гневным взглядом.

- Он может просто оказаться безумцем, повредившим рассудок от долгого скитания по равнинам, - сказал Фуруйдзин, - прогнать такого человека было бы ужасно.

- Так же, как и быть застигнутыми с ним, когда явится Катаки, - сказал Кёкури. – С этим духом нельзя сражаться нашим оружием.

- Учитывая то, что наше оружие благословенно его именем, полагаю, нельзя, - сказал Сурошиан.

Кёкури покачал головой и поднял руку, прося тишины, - Проявление Катаки поначалу слабое и тихое, но если не изгнать его полностью, он вырастает и окрепнет, так же, как преданность воина растет по ходу сражения. Он месть войны, воплощение духа возмездия. Для нас было бы безрассудно противостоять ему.

- Для нас было бы безрассудно пытаться угадать, что у него на уме, - сказал Фуруйдзин.

Сурошиан заворчал, - Мы не должны оставлять незнакомца. Мы не должны бросить незнакомца. Мы даже не можем убедиться, действительно ли Катаки преследует незнакомца.

Сурошиан произнес следующие слова медленно, но смотря при этом на меня, а не на своих товарищей.

- Жаль, что этот незнакомец дожил до того, чтобы так нас озадачить, да?

Старейшины еще долго продолжали спорить. Со временем они вспомнили, что я все еще находился в комнате с ними, и отпустили меня, потребовав отработать еще раз. Я вышел за дверь и увидел, что буря пересекла равнины и теперь двигалась прямо на нас. Небо не было полностью темным, но мрак сгущался, и первые порывы ветра уже вились между домами. Солоноватая пыль, поднятая с равнин, жалила лицо, и я прикрывался рукой, направляясь в кладовую.

Несмотря на поздний час и поднявшийся ветер, деревня все еще бурлила активностью. Семьи проверяли ставни и ширмы, убеждаясь, что все было крепко привязано. Старый Тайманто, который отложил починку ставен, теперь кричал своему шуруину, чтобы тот держал деревянную раму прямо, пока он забивал последние деревянные втулки. Костер боролся с ветром, и вокруг него, остатки первой вахты передавали по кругу свежие слухи и бурдюк с вином.

Чуть поодаль я слышал бляенье овец на ветру, и ругань пастухов, пытавшихся загнать стадо в укрытие. На мгновение ветер стих, настолько, что я расслышал смех других вахтенных. На мгновение я почувствовал соблазн присоединиться к ним, взять вино, и пожаловаться на старейшин. Пусть кто-нибудь другой берет на себя ответственность за старого воина.

Вместо этого я прошел к кладовой, приземистой постройке без окон напротив деревенского колодца. Наш гость был расположен в передней, подальше от бочек и кувшинов и мешков в дальней комнате. Рюшацу, еще один охранник, поставленный у входной двери, сидел, жадно смотря в сторону костра.

- Есть что-нибудь? – сказал я.

Рюшацу пожал плечами, - Ничего путного. Он начинает плакать, затем прекращает, затем начинает снова. Ни просьб. Ни разговоров. Ни молитв. Ничего.

Я поднял бурдюк ветерана, - Вот. Сходи к колодцу, наполни его.

Рюшацу покачал головой, - Кёкури сказал не кормить его, пока они не решат, что с ним делать.

- Я только что от них, - искренне сказал я. – Они говорят о том, чтобы послать его своей дорогой.

- В такую-то ночь? – сказал Рюшацу. – Лучше бы просто пристрелили его.

Я пожал плечами, скорее, чтобы не смотреть Рюшацу в глаза, чем соглашаясь с его словами. Он все еще смотрел на меня, когда я поднял взгляд. Я протянул бурдюк. – Сходи, наполни его. И если хочешь, можешь не торопиться, - я посмотрел в сторону костра, и ветер снова стих, донесся до нас смех наших товарищей. – Я тут за всем присмотрю.

Рюшацу замешкался, затем взял бурдюк и побежал к колодцу. Я вошел в кладовую.

Передняя комната использовалась для запаковки и распаковки, и была пустой, единственные инструменты были заперты в главном складском хранилище за дверью. Ветеран стоял на коленях в центре комнаты, справа от него стояла нетронутая миска с рисом, слева мигала свеча, обернутая восковой бумагой. Он уже не плакал. Более того, его лицо было спокойным, как у солдата утром, накануне сражения.

- Добрый вечер. – Сказал я. Он не ответил.

Я опустился на колени перед воином. – Вы можете говорить?

- Немного, - его голос был сухим, словно песок. – Воды?

- Скоро, - сказал я, - Старейшины не желали проявлять гостеприимство, пока не были уверены.

- Осторожность, - сказал ветеран, не сводя глаз с колен, - Хорошо. Нам нужно быть осторожными.

- Что случилось? – спросил я.

- Оскорбил Катаки, - сказал он, и его голос дрогнул, произнеся это имя.

- Оскорбили как?

Воин слегка кашлянул. – Это так просто.

- Да, но как? – настаивал я.

Воин оторвал взгляд от своих рук, и в его глазах я увидел безумие. Безумие, и, возможно, намек на что-то другое.

- Все ками спятили, - сказал он. – Затем, это что-то другое в его глазах растаяло, и лицо стало вялым. Он снова опустил взгляд на свои руки.

- Как? – сказал я, вставая, возвышаясь над стариком.

- Убил всех нас, - сказал воин.

- Убил кого? Вашу часть? Ваших союзников? Кого? – я пытался удерживать ровный тон голоса, выбросив из своих слов всякое раздражение.

- Я во всем виноват. – Мягко сказал он.

- Да, - умоляющим тоном произнес я, - но что Вы сделали? Вы убили кого-то?

- Воины должны убивать.

- Тогда, может, Вы не смогли кого-то убить? Осквернили духа? Вы предали самого себя? Вы дезертировали? Вы сбежали? Поэтому Катаки Вас преследует?

Последовала долгая пауза, и входная дверь кладовой задрожала на ветру. Думал ли старик, или просто пытался выговорить слова, я определить не мог. Вскоре, он произнес, - Я сбежал.

Я начал прохаживаться по комнате, обходя его, зная, что Рюшацу недолго будет торчать у костра. Времени не оставалось.

- Катаки хочет Вас убить? – спросил я, прохаживаясь.

Снова пауза. – Кто знает, чего хотят ками? Они все спятили.

- Катаки преследует Вас из мести. – Это был не вопрос, я просто указал это. Я знал, что следовало сделать, что Сурошиан сказал мне сделать, не говоря прямо. Кому-то нужно было принять решение.

- Да. – Мягко сказал старый воин.

Снаружи взвыл ветер.

- Все равно уже слишком поздно, - добавил он.

Я уже стоял за его спиной. Я вытащил из ножен дедовский кинжал, надеясь не вспугнуть его. Вероятно, он слышал шепот металла о ножны, но не шелохнулся. На одно безумное мгновение я подумал воззвать к Катаки, чтобы тот направил мое лезвие, но решил не делать этого.

- Вам следует... - были последние его слова, и одним быстрым движением я провел лезвием по его горлу.

Это ничем не отличалось от забивания ягненка. Он не сопротивлялся, его руки так и остались лежать на коленях, его тело внезапно стало тяжелым и влажным. Он обмяк на полу без единого вдоха.

И ревущий ветер снаружи неожиданно стих, словно его накрыло гигантской крышкой.

Я осторожно положил его тело на пол, вытер лезвие о его порванную одежду, и медленно прошел к двери. Стих не только ветер, ибо в деревне не было слышно никаких звуков.

Я вышел из кладовой и увидел, что все небо было окрашено сиянием красновато-коричневого оттенка, словно деревня была охвачена пожаром. Не было ни звезд, ни облаков, лишь тусклое, грязное сияние.

Рюшацу лежал на земле шагах в четырех от меня, головой к кладовой, полный бурдюк воды вытекал на землю. Что-то вытекало и из самого Рюшацу, увлажняя почву под его головой и грудью.

Паника охватила меня, сковав комом желудок, но я все же подошел к нему и перевернул на спину. Его горло было перерезано одним плавным движением. У него не было времени на сопротивление.

Это ничем не отличалось от забивания ягненка.

У деревенского костра также были распластаны тела, освещенные мигающими языками пламени. Тайманто и его шурин оба лежали в доме, последняя ставня лежала между их телами.

Я сделал пару шагов к тому месту, где находились старейшины, но уже знал, что я там обнаружу.

И тогда вернулся ветер, сперва легкий, затем все сильнее, сметая пыль по деревенской площади, вздымая ее в огромное облако. В облаке пыли двигались темные тени, увеличиваясь, и обретая плотность.

Катаки явился.

Ками был вдвое выше моего роста, созданный из оружия и закованный в броню. В том месте, где должны были быть руки, лязгали смертоносные клинки. Его ноги были созданы из пучков арбалетных стрел. Под его эбонитовым шлемом торчали тонкие кинжалы, а позади него вздымались лезвия алебард. Резкое сияние мелькало из-за глазниц его маски. Вокруг духа танцевали метательные серпы, каждый из которых был охвачен тем же свечением и был окроплен кровью моих собратьев.

Его голос звучал подобно мечам, встретившимся в битве. Он произнес мое имя.

Мое горло было суше солевых равнин, но я смог прохрипеть ответ. – Твое задание выполнено. Старый воин мертв.

Величественный силуэт лязгал и клубился передо мной, - Я знаю, - произнес он.

На лбу выступил пот. – Твое задание выполнено. Ты свободен от любых обетов и приговоров. Твое возмездие было исполнено.

- Мое возмездие было отклонено, - произнес камы, и земля затряслась у меня под ногами. Вой ветра усилился.

- Я не... - начал было возражать я, но мои слова заглушил поднявшийся ветер.

- Очень давно один воин оскорбил меня, - сказал камы, - он был убит другим, который был также убит следующим, каждый из них в свою очередь желал унять мой гнев, но все они лишь по очереди отклоняли мое возмездие. Каждый обидчик погибал, прежде чем я мог разорвать его душу и ввергнуть в вечные страдания. И теперь ты сделал то же самое, ты и твоя жалкая деревня. Так, ты принял теперь на себя мой гнев и воздаяние.

Я понял, что камы действительно был безумен, и что бы мы ни сделали - действовали, обсуждали, спорили, убили, или не убили бы - ничего бы не изменило. Я обрек свою деревню на смерть в то мгновение, когда спас умиравшего воина.

Я лишь ускорил нашу неизбежную гибель.

И в тот момент я вдруг понял, что знал старик. Проклятый воин подбирал свои ответы так, чтобы я даровал ему желанное освобождение, и принял на себя груз его проклятия, став тем, кого преследовал Возмездие Войны.

И я знал, что должно случиться теперь.

Я отвернулся от Катаки, и побежал.

Лицо под маской

Rei Nakazawa

- Мы все умрем, - тихо сказал Ходзё, - поэтому скрываться нет особого смысла. – Языки пламени костра окрашивали его лицо мерцающим светом, пока он по очереди осматривал лица остальных. – Я знаю, что Сакашима находится в этой крепости, а мы – последние выжившие. Я выясню, кто из вас – он. Вы можете облегчить мне труды, и раскрыться сейчас. – Звериный рев эхом прокатился откуда-то, за пределами комнаты, и стены задрожали, осыпав мелкую пыль с потолка. Кейми собрала свое порванное, грязное кимоно, некогда гордую форму ученицы Минамо, дрожа всем телом. – Вам не кажется, что лучше принять смерть при свете истины? – лицо Сайте не изменилось; оно редко менялось, даже когда действительно жуткие шансы этой группы выживших оборванцев стали очевидны. Казалось, оно навсегда застыло в стоическом, холодном взгляде, присущим всем орочи.

- Поверить не могу, - прорычал Нисено. К этому времени, краска на его лице, отмечавшая его шаманом ямабуши, давно уже смылась потом, который даже теперь стекал по его обнаженной груди. – Нам грозит уничтожение, а тебя заботит какой-то призрачный враг, который, как любое разумное существо, наверняка, давным-давно сбежал?

- Я знаю, что он среди нас, - холодно ответил капитан самураев. – И мой долг его отыскать.

- Долг, - скептически повторил Черный-Нос. Запястья незуми выворачивались под путами, пока он дюйм за дюймом подбирался к огню. – Твой долг спасет нас из этого ада, прежде чем kami убьют нас всех? Удовлетворил твой долг твоего повелителя, который, вероятно, давно уже мертв? Или, может, твой долг накормит и напоит нас, чтобы мы переждали осаду бессмертных? Скажи мне, самурай, какая конкретно польза от твоего долга?

Ходзё открыл было рот, но передумал отвечать. Он встал и без единого слова вышел из комнаты. Орочи смерил незуми пустым взглядом, затем встал и последовал за вышедшим человеком.

Нисено фыркнул. – Неплохая речь для крысы.

- Заткнись.

* * * * *

Я странным образом спокоен, несмотря на обстоятельства. Сакашима, сказал я себе, ты был и в худших переплетах, чем этот. Конечно, когда я задумываюсь всерьез, мне тяжело вспомнить хоть один более сложный случай. Поэтому, я пытаюсь об этом не думать.

Говорят, что перед смертью, вся жизнь проносится перед глазами. Если это правда, то меня это сильно волнует. Я помню Нацуми, которая была примерно моего возраста, когда поступила в наш приют. Мы играли вместе, ловили вместе рыбу, иногда делились рисовым шариком, ничего серьезного.

Одним голодным днем, меня что-то осенило: Нацуми внешне походила на мальчика. Тогда я не знал, что многие пятилетние дети выглядели, как бесполое, но для моего юного разума это было великое и грандиозное открытие. Я помню, как изучал собственное отражение в реке и думал, что если размажу немного грязи по лицу, правильно причешу волосы... то буду выглядеть точно, как Нацуми.

Я понимаю, как растерялись повара приюта, когда Нацуми закатила свою маленькую истерику, рыдая, что не получила ни единого рисового шарика. Они клялись настоятельница, что дали ей еду всего пару минут назад. Нацуми пришлось тогда лечь спать без ужина за ложь и истерику. Я чувствовал себя виноватым за это, но лишь немного. Да ладно, у меня же было два рисовых шарика.

* * * * *

Лишь треск костра нарушал тяжелую тишину, окутавшую комнату. Кейми взглянула на Нисено и Черный-Нос, влажными глазами, полными вопросов. Ее губы раскрылись, но никакого звука не последовало. Ямабуши ухмыльнулся в изумлении. – Что ты хотела спросить, малышка?

- Эм... ничего важного, - шепотом ответила она. – Я просто задумалась, кто этот Сакашима, о котором говорил капитан.

Черный-Нос фыркнул. – Мерзавец и настоящее бедствие.

- Если незуми кого-то так называет, знаешь, он, должно быть, действительно ужасен. – Рассмеялся Нисено. Он с серьезным лицом вдруг повернулся к Кейми. – Сакашима, что-то вроде страшилки, только он настоящий. Говорят, он мастер перевоплощения – что он даже превращался в кицунэ, и ходил среди соратами, как один из них. Никто не знает, зачем он это делает, и в какие тайны проникает, но он хорош в своем деле. Настолько хорош, что большинство существ, включая kami, боятся его.

Кейми смотрела распахнутыми глазами. – Он обманул соратами? Я не знала, что такое возможно!

- Они тоже не знали, поэтому то они так сильно его ненавидят.

- Как он это делает?

- Никто не знает наверняка. Должно быть тут замешана какая-то сложная магия. Но если он здесь, то мне сложно винить Ходзё за его паранойю.

Вновь опустилась тишина. Она щекотала горло, требуя разговора, и в то же время душила его. – Как думаете, мы сможем выбраться отсюда живыми? – спросила Кейми, словно выдавливая из себя слова. Никто не ответил.

* * * * *

Могу ли я выбраться? Могу ли даже я, великий Сакашима, просто уйти отсюда, обернувшись kami? Возможно. Но с этой бескрайней ордой, ожидающей у ворот, желающей разорвать на части все, что хоть отдаленно было смертным, я рисковать не могу.

Идиот! Поверить не могу, что я думал, проникнуть в эту крепость будет так просто! Я прекрасно знал о том, что происходило всего в паре миль отсюда, в Эйгандзё. Но я рассудил, что раз люди Конды были уничтожены О-Кагачи, а kami бросились в погоню за своим сокровищем, то это будет пара пустяков, верно? Идиот!

Войти было просто, как я и ожидал. Эти редкие выжившие солдаты и беженцы были слишком отвлечены телами, которые kami оставили после себя. К тому же, моя маскировка довольно хороша, раз уж я сам могу так сказать. Но я поверить не могу, что не учел легион kami, осевший в этой местности! Если бы не защитные заклинания (почему их не было, когда явился О-Кагачи?), мы бы все уже были мертвы. Но кто знает, сколько они еще выдержат против такой армии снаружи? И хуже того, я умру, так и не найдя нужных мне знаний, ради которых я сюда пришел.

Идиот!

* * * * *

Пальцы Ходзё гладили холодный металл крепостных ворот, проводя ими по болтам и прорезям, по огромному знаку, начертанному на них кровью. Он попытался вспомнить, чья это была кровь. Ах, да, мага кицунэ... Он все еще не был уверен, лгал ли маг, утверждая, что его раны, кровью из которых был начертан знак, были нанесены ему им самим.

Он обдумал варианты: крепость была окружена с двух сторон горами – хорошо для защиты, плохо для бегства. Но с другой стороны, никакие отряды Даймё никогда не ожидали осады столь превосходящей силы противника. Одни ворота были погребены под горным обвалом, вызванным магией kami, после которого остались лишь врата, стоявшие перед ним, по ту сторону от которых за ними в ожидании наблюдал легион kami.

Он услышал тихий шорох, едва различимый на фоне нечеловеческих звуков за воротами. И все же, это был шорох. Ходзё повернулся, обнажив катану... Перед ним стоял Сайте, его змеиное лицо все еще оставалось плоским и равнодушным. Ходзё расслабился, убрав оружие в ножны. – О, это ты. Я... эм... проверял защитные символы. Возможно, нам придется здесь задержаться, поэтому крайне важно, чтобы знаки удерживали kami как можно дольше.

- Конечно, - ответил Сайте голосом, в котором самурай различил легчайший налет сомнения. – Ты действительно думаешь, что стоит тревожиться о Сакашимае?

- Как я сказал, Даймё лично приказал мне найти его. И я исполню его приказ.

- Даже если твой повелитель мертв?

- Особенно, если мой повелитель мертв, - последовал сухой ответ.

Глаза Сайте блеснули. – Значит, ты уже оставил надежду?

- Нет! Но...

Прежде чем Ходзё смог продолжить, врата затряслись. Пронизывающая симфония визга разразилась снаружи. Кровавый символ вспыхнул ослепительно белым светом, и по всей крепости прошла волна дрожи. Оберег мигнул, на мгновение вновь став таким же тускло-красным, как и несколько секунд назад. Этого мгновения было достаточно.

Длинный змеевидный kami в мгновение ока просочился меж створками ворот, десятки его глаз пылали ненавистью, а из пасти капал яд. Его эбонитовая чешуя светилась в лунном свете, а вокруг тела кружились бесформенные комки болотной грязи. Ходзё обнажил катану, а Сайте выхватил лук. Kami зашипел в предвкушении.

С невероятной скоростью Сайте зарядил стрелу и выстрелил. Ками вскрикнул, отпрянув от боли и ярости. Ходзё нанес три молниеносных удара, иссекая тело обесцвеченными полосами. Последовала еще одна стрела, за ней еще, и еще, выстреливающие быстрее, чем их мог отследить глаз Ходзё. Ками рухнул на спину, беспорядочно болтая головой. Ходзё бесшумно шагнул вперед и взмахнул катаной. Голова ками дважды отскочила от пола, прежде чем исчезнуть в мерцании духовной энергии. Его тело быстро проследовало ее примеру.

Ходзё выдохнул. – Как думаешь, еще кто-нибудь сможет прорваться?

- Не сомневаюсь, - спокойно ответил Сайте.

Самурай кивнул. – Значит, нам надо выбираться отсюда.

- Но как? – Лишь глумливый хохот ками был ему ответом.

* * * * *

Все пятеро вновь собрались у костра. Горстка оборванцев, пытающихся пережить катастрофу. Мы бы никогда не сотрудничали друг с другом, если бы у нас был выбор, или если бы положение было не настолько мрачным. Быть единственными выжившими, когтями цепляющимися за жизнь, все это странным образом объединяло. Полагаю, действительно нет никакого смысла продолжать мою шараду, но я не могу удержаться. Привычка. Кроме того, мне вполне понадобятся способности, которые мне дает эта маскировка. Хуже точно не будет.

Под покровом иллюзии, составляющей мою маскировку, никто не видит мои маски. Человек, огр, кицунэ... я могу надеть любую, и превратиться в кого-то другого. Я давно понял, что это не многим отличается от того, что большинство людей делают ежедневно.

Когда я надеваю маску, я очищаю разум, превращая его в чистый свиток, готовый к свежим записям. Не маска меняет мою внешность – я перерос столь аматорские уловки давным-давно. Фокус истинного перевоплощения: мысленно стать нужным субъектом, чтобы спроецировать этот образ другим. Они видят меня так же, как я вижу себя, поэтому я погружаюсь в свою личность, словно ныряя в теплый источник. Это волшебство, актерская игра, и немного инстинкта, собранные в одной, на первый взгляд простой упаковке. На самом деле, она совсем не проста. Я лишь делаю так, чтобы это выглядело легко.

Кое-что еще висело у меня на поясе: небольшой жетон с выгравированным ан нем гербом семьи Сакашима. Он был привязан к сумке, в которой меня младенцем принесли в приют. Я всегда ношу его с собой, как напоминание о том, кто я на самом деле, и кем все еще могу быть.

* * * * *

- Мы можем убежать от ками?

- Очень вряд ли.

- Кто-нибудь знает заклинание, которое бы позволило нам сбежать?

Кейми покачала головой. – У мен есть амулет Минамо, наделенный силой телепортации, но в нем осталось лишь два использования. И он работает только на коротких расстояниях.

- Разве мы не можем сразиться с ними? – раздраженно выпалил Ходзё. – Большая их часть – малые ками. Мы впятером могли бы...

- Уничтожить, может, четверть их количества, - тихо отрезал Сайте. – И пасть под натиском остальных. – Повисла тишина, каждое лицо застыло в глубокой, отчаянной задумчивости.

Черный-Нос фыркнул, с ненавистью уставившись на орочи. – Как ты можешь оставаться таким спокойным в такое время? Разве ты не понимаешь, что умрешь?

- А ты нет? – сухо ответил Сайте.

- Конечно, нет! Я как-нибудь выживу, даже если придется проползти по трупам каждого из вас! Но посмотри на себя! Ты сидишь, словно ждешь, когда тебе подадут полуденный чай! Ты что, не боишься смерти?

- Заткнись, - рывкнул Нисено.

Черный-Нос покачался взад-вперед, вырываясь из связывавших его веревок. – Реагируй, змей! Прояви эмоции! Что-угодно! Страх, смелость, мне плевать! – Долгая пауза. – Реагируй, чтоб тебя! – Кейми резко встала и выбежала из комнаты. Спустя мгновение растерянности, Ходзё встал и последовал за ней. – Что с ней?

Нисено покачал головой. – Ты мне кого-то напоминаешь, крыс. Кое-кого, с кем я вырос в деревне в Сокезан. Он всегда хвастался, насколько он был хорош, каким был отважным, как он мог одолеть любого в деревне, даже братьев Ямазаки.

- Ты утомляешь меня, человек.

- Естественно, когда ками пришли в деревню, он исчез. Пуф. Ками уничтожили все в тот день. Выжившие, включая меня, смогли отыскать его лишь спустя месяц. За его трусость мы подвесили его за кишки.

Черный-Нос фыркнул. – Ты угрожаешь мне, ямабуши?

- Просто рассказываю историю. Рыбки? – Он ткнул шампуром с высушенной рыбой на конце в морду Черному-Носу. Незуми отвернулся. Нисено пожал плечами. – Как хочешь. – Он взглянул на Сайте, откусив кусок рыбы. Орочи мало чем отличался от статуи.

* * * * *

Это всегда было слишком легко. В первый раз, когда я проник в храм, претворившись малым ками, мое сердце, казалось, вылетит из груди. Я действительно боялся, что кто-то усомнится и нападет на меня. Когда я ушел, оставив за спиной склонившихся в поклоне священников, я все еще был напуган. Я не нервничал уже много лет. Конечно, лишь не многие обращают внимание на переходящую дорогу девушку, или на пастуха, ведущего своего буйвола. Но логично думать, что самураи Даймё заметят перемены в поведении своего генерала, или что монахи Дзюкай озадачатся, почему их глубоко духовный учитель неожиданно требует пятую часть их последнего урожая. И все же, этого никогда не происходило.

Это было первое, что мне предстояло выучить, оттачивая свое искусство. Люди хотят быть обманутыми. Они хотят верить своим глазам, доверять, что их соратники те, кем они являются. Они не хотят думать о чудовищах, которые могут скрываться под поверхностью, более ужасные, чем любые мстительные Kami. Кроме того, те, кто не знает самих себя, не могут знать других. И очень многие, действительно ничего о себе не знают – или им это безразлично.

Я пытался проникать в более сложные и тайные места, лишь для испытания себя. Хонден Объятий Ночи? Легко. Самая глубокая нора акки? Я зевал всю дорогу туда и обратно. Тронный зал Даймё Конды? Даже неловко, насколько просто это оказалось. Со временем, я начал допускать осознанные промахи в своей актерской игре, давая окружающим шанс поймать меня на ошибке. Не помогло.

И что же осталось? Сам какуриё? Обмануть Kami? Возможно, как-нибудь. Возможно, хоть они не разочаруют меня.

Но, скорее всего, разочаруют.

* * * * *

Ходзё нашел ее в помещении, ранее служившем штабным центром, склонившуюся над столом. Спина Кейми вздымалась с всхлипыванием, а лицо было зарыто в складках порванного кимоно на руках. Ходзё долгую минуту стоял в дверях, не проронив ни слова. Он прокашлялся, и спина ученицы Минамо мгновенно выпрямилась. – Эм... прошу прощения... я волновался, все ли у тебя в порядке.

- Нет, нет. Это я должна извиниться, - Кейми шмыгнула носом, вытирая лицо рукавом. – Просто... мне страшно. – Она поднялась со стула и подошла к окну, лунный свет блестел на влажных полосах, все еще сбегавших по ее щеке. – Я... я едва сбежала из Минамо. Моя подруга Нозоми спасла мне жизнь. Она к тому времени уже помогла стольким людям сбежать. Другим ее друзьям, даже тому, который не мог самостоятельно двигаться, он был таким говорливым. Я была последней. Как только я исчезла, я заметила того орга за ее спиной... Я пыталась кричать, предупредить ее, но... - Еще одна слеза стекла по ее нежной щеке, и она быстро вытерла ее рукавом. – Я пытаюсь вернуться домой. Даже не знаю, живы ли родители, но мне больше некуда идти. Когда я узнала, что Эйгандзё был осажден, я подумала, что буду в безопасности здесь. – Она горько усмехнулась, нелепый звук вырвался из ее горла. – Теперь получится, что Нозоми погибла напрасно.

Ходзё потянулся к девушке, но быстро одернул руку. – Так думать нельзя, - наконец, сказал он. – Как только решишь, что обречена, пропадешь. – Выражение удивления скользнуло по его лицу, словно он испугался собственных слов. – Нам нужна каждая ясная голова, чтобы сбежать отсюда. И твоя тоже. Если нам суждено погибнуть, мы погибнем, зная, что сделали все, чтобы выжить.

- Но, что я могу? Я никогда не была прилежной ученицей. Я неспособна на все то, что смогли бы сделать мои друзья. Какой от меня прок?

- Ты ученица Минамо. В Минамо не берут бесполезных идиотов. Ну-ка вспомни. Ты должна была выучить *что-нибудь* полезное за время учебы.

Слезы исчезли, и лицо Кейми напряглось в раздумьях. – Я не... погодите... думаю, я помню одно заклинание...

- Да..? – лицо самурая заметно посветлело, когда она описала его. – Великолепно! Это ключ к нашему спасению!

Кейми жалостно покачала головой. – Нет. Расстояние ограничено... Я практически должна находиться в центре вражеской орды, чтобы одно подействовало. Они убьют меня в одно мгновение.

- Может, и нет. Думаю, у меня есть план...

* * * * *

Я никогда не был талантливым учеником. Как не был особо хорош в искусстве, фехтовании, или волшебстве. Лучшее слово, описывающее меня во всех моих делах, было «средний». Не так уж плохо, но и не особенно хорошо тоже. Короче говоря, я никогда ничем не выделялся.

Не то, чтобы я об этом переживал. Но я уже видел перед собой все свое будущее: скорее всего я пошел бы в ученики к какому-нибудь торговцу или путешественнику, обучился бы достаточно, чтобы освоить собственную профессию, устроил бы более-менее сытную жизнь. Вероятно, осел бы в небольшой деревеньке, женился бы, завел бы кучу детей. Я бы умер, оставив после себя скромное дело моим наследникам. И больше ничего. Весь мой мир состоял бы из этой деревни и своей работы. Я бы затерялся в море лиц при жизни, и в еще большем море надгробий в смерти. Мое лицо, моя память, каждое мое достижение превратилось бы в пыль на куче пепла истории.

Если существует ад, то это был бы он.

Но если это была моя неотвратимая судьба, как мог я ее избежать? Я проводил долгие дни под вишневым деревом недалеко от приюта, размышляя над этим самым вопросом. Ответ не приходил годами. Но однажды я вспомнил Нацуми, и меня осенило... Возможно, Сакашима не мог изменить свою судьбу.

Но кто сказал, что я должен оставаться Сакашимой?

* * * * *

Остальные уставились на Ходзё – Кейми со страхом, Черный-Нос с отвращением, Нисено со странной смесью сомнения и восхищения, и Сайте со своей обычной бесстрастностью. – Дерзко, - наконец, произнес Нисено. – Мне нравится.

- Думаю, это самоубийство, - пробормотал Черный-Нос.

- Как и ожидание, когда ками пробьют обереги, - произнес Сайте. – Я не знаю, каковы шансы на успех, но не думаю, что у нас есть выбор.

- Это нелепо! – Настаивал незуми. – Невозможно! Например, как девчонка доберется в центр орды, чтобы завершить свое заклинание? Что она сделает, просто пройдет среди ками?

Намек на ухмылку скользнул по лицу Ходзё. – Здесь начинается твоя часть.

Черный-Нос моргнул. – Моя?

- Я много путешествовал в поисках Сакашимы, много чего узнал. В частности, опознавание определенных... качеств. – Ходзё замолк, пока незуми заерзал. – Ты ниндзя, не так ли? Из банды Окиба? Поэтому ты путешествовал так далеко от Такенумы – Я слышал, Мозго-Грыз начал истреблять вашего брата в последнее время.

Ерзание стало более явным. – И что, если так? К чему все это, вообще?

- Это ключ к нашему спасению. – С этими словами, Ходзё вынул вакизаси и подошел к испуганному незуми. Одним отточенным движением, путь Черного-Носа беззвучно опали на пол.

Ниндзя потер запястья, и ухмыльнулся. – Ты уверен, что хотел это сделать?

Ходзё пожал плечами. – Ты бы мог, я полагаю, тайно выбраться отсюда, и оставить всех нас умирать. Но я не думаю, что ты это сделаешь. Не потому, что мы тебе небезразличны, но потому что ты осознаешь, что, возможно, не сможешь избегать ками достаточно долго, чтобы уйти сухим. Мой план предлагает тебе большие шансы выжить, чем все, что ты смог бы сделать в одиночку, и ты это знаешь.

- Ты слишком много воображаешь, самурай, - огрызнулся Черный-Нос. – Я сваливаю прямо сейчас.

- Тогда, вперед. Я не стану тебя останавливать. – Все в комнате замерли.

* * * * *

Большинство людей меня ненавидят. Их проблема в том, что они не способны понять чертов юмор. Все из-за этой войны – она всех делает такими серьезными. Никто не учится на том, что я делаю. Они лишь пыжата и срывают свои нервы и ярость на мне, не задумываясь о том, что немного изменений пошло бы им на пользу.

Чинсен был не таким. Я понял это в тот момент, когда он догадался, что я не был его учеником, пришедшим со свитками от другого йюши. Он даже рассмеялся, и похвалил меня за смелость. Он затем пустился в детальный, долгий разбор того, как я мог бы улучшить свои перевоплощения. Не помню, упал ли я на колени в тот же момент, умоляя его обучить меня. Думаю, вполне мог. Я не очень горжусь этим жестом, но и не сожалею о нем.

С самого начала было ясно, что я достиг всего, на что были способны маски и макияж. Именно Чинсен обучил меня искусству чистого свитка, становится ничем, чтобы создавать мысли и форму чего-то иного. Медленно осваивая это искусство, я однажды заметил, что мои черты начали стираться. Я чувствовал нарастающее любопытство, но не тревожился, даже когда они полностью растаяли, превратив лицо в чистый лист. Чинсен улыбнулся, когда увидел, что происходит. Это был знак, сказал он, что мои навыки почти достигли своего пика.

Самое забавное, что я, в общем-то, не скучаю по своему лицу. Так же, как многие не носят одну и ту же одежду постоянно, я порой не понимаю, как они выдерживают постоянно быть одной и той же личностью, с одним и тем же лицом, изо дня в день, когда в мире можно столько еще всего исследовать...

* * * * *

- Знаешь, это вполне может сработать. – Нисено наклонил голову, наблюдая за тем, как Ходзё затачивал свой меч. Остальные разошлись, настраивая себя физически и морально к предстоящему испытанию. – Я впечатлен, самурай. Большинство людей Конды бросилось бы в бой с катаной наглого, особенно, если бы это вело к какой-то прославленной смерти.

- Что ж, я сегодня не готов умереть, - проворчал Ходзё, не поднимая глаз.

- И это главная перемена, не так ли? – лязг точильного камня о метал резко прервался. – Не удивляйся. Я видел это с самого начала. Пока ты прохлаждался здесь, бегая за Сакашимой, твои друзья и товарищи умирали в битве с О-Кагачи. От такого любой бы чувствовал вину, а? Словно он должен быть мертв со своими соратниками?

- Да... - Прошептал Ходзё, не совсем своим голосом.

- Я рад, что в тебе проснулся инстинкт выживания, и ты одумался. Этот твой план оживляющий, в безумном смысле. – Нисено помолчал. – Что думаешь о Сайте?

- О, он справится со своей частью плана хорошо.

- Я не об этом. Я до сего дня никогда не встречал представителей его вида. Как думаешь, что он делает так далеко от Дзюкая?

- Он сказал, что у него была просто тяга к странствиям, желание увидеть, что пролегла за пределами леса.

Нисено ухмыльнулся. – Не знал, что подобная импульсивность присуща орочи.

- Я тоже...

Открылась дверь. Объект их обсуждения стоял в дверном проеме, с Черным-Носом и Кейми по бокам. – Мы готовы.

* * * * *

Думаю, быть пойманным в данной ситуации будет всецело моей виной. Я всегда хотел приключений. Зачем еще я бы совершил такую глупость, как прогулка вокруг Дворца Оборо, словно я там жил? Чтобы узнать, что у соратниками было на обед?

Вообще-то, ответ на этот вопрос весьма интересен, вероятно, более интересен, чем любая истинная тайна, которую хранит лунный народ. Военные тайны, темные страсти, тщательно спланированные заговоры... Все это блекнет в сравнении с их простейшими вещами... такими, как образ их жизни. Я помню, как Чинсен однажды сказал мне. – Ты можешь видеть сквозь сотню тысяч пар глаз, - сказал он, - ходить в сотне тысяч пар сандалий. Надеюсь, ты поймешь, насколько велик этот дар.

Он был прав. У меня ушли годы, чтобы понять это, но черт его дери, он был прав. Удивительно было в первый раз погрузиться в чужую личность, почувствовать, как сильно изменился мир. Словно мы все живем на разных планетах, каждая из которых лишь поверхностно напоминает другие, каждая выстроена из многих лет совершенно уникальных воспоминаний и опыта. Каждое существо, это богатое полотно из мечтаний, желаний, печалей, нескончаемой истории триумфа и трагедии.

А я ненасытный читатель.

Жизнь в Оборо была невероятным опытом. Впервые я понял, почему соратами такие, какие они есть. Взвизгивающие вниз, на землю под ними, где даже Эйгандзё похож не более чем на разбросанные игрушки, оставленные беспечным ребенком... Наблюдая и испытывая их силу, то, как я мог заставить как форму, так и мысли танцевать по малейшей прихоти... Я проводил целые дни преобразовывая цветок лотоса, наблюдая за сменой его цвета и формы, когда я играл с ним, как с марионеткой.

Мне пришлось в буквальном смысле спуститься с небес на землю, почувствовать рыхлую почву под ногами, и тепло солнца на лице, чтобы вспомнить, кем я был на самом деле. Я провел две недели в образе жалкого фермера, возделывающего земли Арабы. Думаю, это было своего рода искупление, чтобы вернуться в реальный мир.

Но я бы не променял это время в облаках ни на что. Ни на какие драгоценности какуриё.

* * * * *

Орда ками увидела первого смертного, когда северные ворота распахнулись, и за ними появился самурай с мечом в руке. Смеясь над его глупостью, армия бросилась на него, благодарная за возможность, наконец, уничтожить смертных выскочек. Сверкнула катана, и ками рухнул на землю, но остальные ринулись вперед, топча своего павшего сородича.

В этот момент появился орочи, на северо-западном фланге от ворот, от него густо пахло заклинанием телепортации смертных. Армия ками думала, как один, и часть их тут же отделилась от передового напора, метнувшись в сторону орочи, который к этому времени уже осыпал их градом стрел.

Затем мелькнул ямабуши, появившись на северо-востоке от ворот, все с тем же запахом заклинания телепортации. Некоторые ками завопили от страха, но еще одна треть орды отделилась и бросилась к нему. В конце концов, он был один, а их было много. Возможно, нескольких он уничтожит, но остальные сотню раз отомстят ему за потери.

Таким образом, армия разбилась на три части, подобно рисовому тесту, разделенному на три порции. По центру орды образовалось пустое пространство, увеличивающиеся в размерах, когда куски теста окружали осажденных смертных. Посреди этого хаоса крови, стали, магии, и стрел, Черный-Нос прорвался сквозь кишасшую массу ками, с липкой от пота шерстью. Каждый его нерв был туго натянут, каждый мускул пылал от напряжения, и его навыки ниндзюцу разогнаны до предела, когда он зигзагом шнырял сквозь армию, появляясь лишь на мгновение, прежде чем снова раствориться в очередном рывке.

Наконец он достиг центрального места и аккуратно поставил свой груз на землю. Кейми было нужно лишь мгновение, чтобы закрыть глаза и собраться с мыслями. Если бы какой-нибудь из более могущественных ками обратил на нее внимание, то заметил бы волны мистической энергии расходящиеся от девушки во все стороны ожесточенного сражения. Однако, заметили они это лишь когда духовные узы, привязывавшие их к уцушиё, растворились, затягивая их тела обратно, в эфирный мир. Ками взвыли от отчаяния и гнева, но это был лишь инстинктивный жест от тщетности их стараний, когда они исчезли из материального мира. В считанные мгновения, лишь пятеро вспотевших смертных остались на плато, уставившиеся друг на друга в ошеломленном неверии.

- Ну, будь я проклят, - прошептал Черный-Нос. – Сработало.

* * * * *

- А куда девался незуми? – солнце вставало, этот вид наполнил Ходзё легкостью, опьянившей его.

- Улизнул куда-то, как только удостоверился, что ками исчезли, - послышался ответ. – Нам, вероятно, стоит быть благодарными за то, что он не прикончил нас в тот же момент.

- Зачем ему это? Он сохранил свою жалкую жизнь. Он не терял времени, чтобы удрать, пока была возможность. – Пауза. – А остальные?

- Сайте сопровождает Кейми в ее деревню. А я, у меня тоже есть дом, в который я возвращаюсь. Было приятно с тобой познакомиться.

Ходзё кивнул. Он подождал несколько мгновений, пока человек перед ним повернулся к нему спиной и зашагал прочь. Он не знал почему – возможно, это было чувство драматичной поэзии. Он вынул из туники свиток и поднес его к теплым лучам восхода. – Уходишь без документа, за которым пришел, Сакашима-сама?

Человек, которого Ходзё знал, как Нисено, остановился, затем медленно обернулся. – Кажется, я тебя не расслышал.

- Думаю, расслышал. Я слышал, что ты говорил незуми. Как я сказал, я много путешествовал и узнал много всего. Я даже был знаком с братьями Ямазаки, еще когда они служили Даймё. Я знаю, что их деревня не была уничтожена ками.

- Ты знал это с тех пор? Ты снова впечатлил меня. Так, почему же ты...?

- Это было неважно, особенно тогда. Полагаю, это неважно и теперь.

Сакашима замолчал, уставившись на протянутый свиток. Он взял его и развернул. – Как ты узнал, что я искал его?

- Просто угадал. Я знал, что в крепости не было ничего ценного, лишь запасы и старые архивы переписи населения. Я увидел имя, и решил, что эта ставка могла сыграть.

- Что ж... Спасибо. – Ответа не последовало. – И что же ты намерен сделать теперь?

- Вернусь в Эйгандзё, посмотрю, чем я могу там помочь. Если Даймё жив, и он примет меня, я вернусь к нему на службу. Насчет моего приказа... Тебя тяжело найти, Сакашима.

- Думаю, да.

Ходзё кивнул ему. – Прощай.

Сакашима подождал, пока Ходзё не исчез за горизонтом, затем вновь взглянул на свиток. В нем, среди множества строк записей о рождении, находилось одно имя, которое он искал: Кенши Сакашима.

- Так это и есть мое имя, - пробормотал он. – Неплохо. У моих родителей был вкус.

Улыбаясь шире, чем за долгое время, Сакашима сунул свиток за пояс. Возможно, он отправится в Шинку, и какое-то время побудет оргом. Или, возможно, посетит незуми? Перед ним простиралась широкая дорога, и все было возможно.

Насвистывая веселый мотив, Сакашима сделал первый шаг в своем новом путешествии.

Встреча

Alexander O. Smith

Маки вздохнула и отряхнула пыль с голубого шелка своей мантии. Она прокашлялась, поскольку движение подняло густое облако пыли со свитков. Как это похоже на Тору, неожиданно вспомнить о важном задании в тот день, когда они должны были вместе проветрить свитки. Ей придется поговорить об этом с Азами-сенсей. Она много раз уже собралась пожаловаться на своего напарника, ученика, как в тот раз, когда она застала Тору, использующего краденный *гохэй* для выбивания пыли с карт в башенной обсерватории.

- Слушай, - сказал он. – *Киёми-но-ками* все еще заточен внутри! – Он говорил, что дух очищения, вселенный в *гохэй* много веков назад каким-то давно умершим канниси в храме, из которого он выкрал этот *гохэй*, все еще был жив, и теперь он принес его в библиотеку!

Тору стоял перед большой картой всего комплекса Минамо, разостланной на чертежном столе, и махал отделанным оборками бумажным концом того самого *гохэя* в воздухе над картой.

- Смотри.

Призрачные нити скользнули вниз из *гохэя*, извиваясь на поверхности карты. В ужасе, она наблюдала и видела, что в тех местах, где нити касались поверхности, цвета карты начинали светиться. Она присмотрелась и увидела, что вода великого водопада в центре карты двигалась на самом деле! Она видела туман, понимающийся от подножия водопада!

- Видишь? – сказал Тору, широко улыбаясь, - Она чище чистой, и я ее даже не касался. Никаких тряпок, никаких метелок...

Маки не слышала ни слова из того, что он говорил. Ее взгляд был прикован к водопаду в центре карты. Ее глаза расширились. Что-то двигалось в воде – там! Она увидела отблеск света, отразившегося от лазурной чешуи, когтей, затем от змеиного хвоста и... клыков! Маки вскрикнула и насколько могла быстро выхватила *гохэй* из руки Тору. Не обращая внимания на его возмущение, она метнулась мимо него к арочному окну, выходящему к настоящему водопаду далеко внизу, и швырнула *гохэй* наружу. Она наблюдала, как он, вращаясь, исчез в клубящемся тумане у подножья водопада.

- Ты зачем это сделала? – воскликнул Тору.

- Идиот! – Рявкнула она. – Выкрасть эту штуку уже было достаточно ужасно, но принести ее сюда, под береги библиотеки! Что если этот *ками* решит, что нам требовалось «очищение»? Что если у него есть друзья?

Тору нахмурился, и ничего не сказал, но с того самого дня, казалось, Тору делал все, чтобы превратить ее жизнь в мучение. Сегодняшняя провинность стала последней каплей, решила она. Пришло время ей действовать – как только она закончит переносить эти свитки.

Маки подняла взгляд на кипу свернутого рукописного пергамента, которую она принесла из внутренних складов. Среди них был один, который она узнала, толстый свиток, обвязанный красным кожаным шнуром, обернутым вокруг застежки из слоновой кости. Она помнила, что это была картина, пейзаж, написанный угольной тушью суми. Это явно была работа мастера, широкие мазки кисти, от которых казалось, что горы вот-вот выпрыгнут из бумаги, и лишь тончайший след туши для облаков – столь разные техники, что было сложно поверить в то, что они были нанесены одной рукой.

Что ж, думала она, в работе одной были свои преимущества. Никто не станет ругать ее, если она немного передохнет и еще раз взглянет на картину. Ее рука протянулась к застежке, быстро развязав шнур. Пергамент казался тяжелым в ее руках. Подойдя к стене коридора, она повесила кожаный шнур на держатель для факела, и отступила назад, позволяя собственному весу свитка развернуть его, пока он не повис перед ней в идеально ровном виде.

Легкий ветерок пронесся по коридору, и из дальнего его края донесся шум воды. Кто-то, должно быть, открыл дверь на одну из террас, выходящих к водопаду. Маки не беспокоилась, что ее могут поймать. Лишь единицы заходили так высоко, в эти залы, где хранились картины в огромных стопках свитков. Искусство было приятным времяпрепровождением, но оно не могло помочь справиться с разъяренными *ками*, или защитить помещение от гадальных зеркал соратами. Поэтому, оно считалось фривольностью, а в эти дни мало кто проявлял интерес к фривольностям.

Картина была точно такой, какой она ее запомнила. Невероятно высокие горы, украшенные тонкими водопадами, стекавшими, словно ленты к предгорью, прежде чем исчезнуть в тумане нижнего края пейзажа. На центральном пике располагался одинокий чайный домик на вершине тропы, спускавшейся по скалистому склону.

Традиционно в подобных пейзажах изображались пилигримы, бредущие вверх по тропе, дабы воздать молитвы и почести у одного из горных алтарей. Это придавало композиции жизни и ощущение масштабности. Но эта картина отличалась. На тропе никого не было, как не было птиц в облаках, и лишь несколько всклокоченных сосен цеплялись за скалистые выступы гор. Она представила себе художника, на закате своей карьеры, сидящего в каком-нибудь горном домике, его зрение все чаще подводит его, но сухие руки все также тверды, как во времена его юности. Здесь, в этом одиноком месте, так близко к его последнему пристанищу, он осознал совершенство величия природы. Гора стоит в одиночестве. Она не потерпит ни единого смертного, решившего взобраться по ее тропам, ни единого... Маки моргнула. Это что, пятно на пергаменте?

Она подошла на шаг ближе. Там, в двух третях пути над крутой тропой к маленькому чайному домику, она ясно разглядела силуэт. Он был крошечным на фоне пейзажа, но она смогла различить его посох и чашу нищего – монах. Ее взгляд поднялся выше по тропе, и она довольно ясно разглядела больше фигур в чайном домике, четыре в общей сложности. Как это возможно? Как она упустила их, когда обнаружила картину два года тому назад? Невероятно, подумала она, но и перепутать ее она никак не могла: это был тот самый пейзаж. Она подошла еще ближе, и ветерок пронесся по коридору, принес с собой запах горного воздуха и холодных брызг водопада. Она закрыла глаза, и звук бурлящей воды наполнил ее слух.

* * * * *

Старик высунулся из окна чайного домика, вглядываясь вниз сквозь туман раннего утра, на тропу, вьющуюся вниз, к подножью горы.

- Он идет, - сказал он, отвернувшись от окна и стряхивая блестящие капли росы со своей длинной седой бороды цвета слоновой кости. – Единственная встреча каждые 1 000 лет. Можно было бы и не опаздывать.

- Оставь его, - сказал другой человек, столь же старый, как и первый, сидящий на низком табурете за длинным столом посреди комнаты. Поверхность стола была изрезана паутиной линий, ведущих от краев стола к его центру, подобно хитрому лабиринту. Установленные в местах пересечения линий, находились фигурки различных форм: змея, мотылек, сидящий самурай, и другие. Сидящий человек внимательно разглядывал их, время от времени потягивая длинную узкую

трубку, которую он держал в зубах. Его глаза отражали рубиновое сияние углей в чашечке трубки. Едкий запах серы наполнял чайный домик. – Он был более занят, чем все мы, последнее время.

Из-за двери послышался звук шарканья кожаных ботинок о щебень, и третий человек появился в дверном проеме чайного домика. Он тяжело опирался на скрученный посох из твердой вишни, с единственным листиком изумрудно зеленого цвета и крупным шипом, растущими на его верхушке. Деревянная чаша для милостыни свисала с пеньковой веревки на его талии. – Трубка, Серебряная борода, - сказал он, кивая двум старикам в домике. – Он идет. Я видел его на тропе.

- Мы тоже его видели, Шип, - ответил Серебряная борода, отвернувшись от окна. – Он думает, что он умник, заставив всех нас его ждать. Почему он не прыгнет и не подлетит наверх?

Трубка сбил немного углей на пол. – Он уважает собрание выбранной формы.

- Пф, - фыркнул Серебряная борода. – Ничего он не уважает. Я даже начинаю думать, что наши маленькие воссоединения, это пустая трата времени.

Шип засмеялся, смехом, похожим на шелест листьев на сильном ветру. – Ты так говоришь на каждой нашей встрече, и все же, что-то тебя возвращает сюда каждые 1 000 лет.

- Он одинок, - сказал Трубка, ухмыляясь.

Серебряная борода хмуро ответил на его ухмылку. – У меня есть надежда.

- Надежда? – Трубка поднял лохматую бровь. Его губа подернулась, и тонкая лента дыма поднялась из его рта к потолку. – Надежда на то, что он изменится? Надежда на то, что он сбросит бесконечность пороков и выйдет из тьмы, чтобы снова лететь с тобой перед взором солнца? Ты можешь с тем же успехом ждать, пока каждый смертный в Камигаве обретет просветление!

- Я надеюсь на это тоже, - сказал Серебряная борода, тихо отворачиваясь и выглядывая в окно.

Трубка выдул очередное облако едкого дыма и усмехнулся Шипу, который медленно подошел и присоединился к нему за столом. Трубка указал на Серебряную бороду, стоящего у окна. – Буд-то он способен отличить смертного от облака в небе, а?

- Я знаю смертных! – Сказал Серебряная борода, развернувшись к ним. Теплый бриз пронесся по комнате, всколыхнув его усы. Он пах полем травы сусуки под полуденным солнцем. - Хотите послушать о том, как я провел время за эти 1 000 лет? Я...

Трубка взмахнул рукой, улыбаясь. – Спокойнее, дружище. Я не хотел тебя обидеть. Прибереги свои рассказы к тому времени, как мы все соберемся. Чешуя уже почти пришел, а последний... - Здесь Трубка замолчал и метнул многозначительный взгляд через стол, на один из пустых табуретов.

- Старые воспоминания встречаются в одолженных одеяниях, - произнес голос – чуть громче шепота – из воздуха над пустым табуретом. – Рукава моей мантии все еще мокрые от слез горя нашего последнего расставания, или это кровь тех, кого мы нежными руками увели из этого мира?

- Как мило, что ты присоединился к нам, Роса. Как всегда, говоришь загадками.

Подул теплый, соленый ветер, и с ним появился человек, сидящий на табурете. Он был одет в парящую лазурную мантию, мерцающую, словно вспомнив о пойманных когда-то лучах заката на море.

- Я был здесь задолго до твоего прихода, дорогой Трубка, - сказал человек по имени Роса, - и весь мир это загадка. Я лишь говорю истину.

Трубка, вынужденный как-то ответить, было открыл рот, но был прерван лютым воющим ветром у дверей. Пятый человек вошел в чайный домик. На нем была плотная мантия из промасленной мешковины, запачканной по краям высохшей грязью дорог. Его глаза были мелкими, черными гагатами, блестящими из впалых глазниц, а кожа была сухой и почерневшей. Морщины на коже были покрыты оранжевыми пятнами, оставшимися после какой-то болезни, перенесенной в давние времена. Он улыбнулся, обнажив черный язык, трясущийся между беззубых десен.

- Мой ход.

Пройдя к столу, он протянул руку и поднял одну из фигурок, желудевое нэцке, вырезанное в форме яйца, вокруг которого сплелись три змеи. Он провел грязным ногтем вдоль одной из линий на столе, пока не достиг свободного пересечения. Он поставил фигурку на стол, глаза Трубки напряженно следили за каждым его движением. Удовлетворившись, старик шлепнулся на табурет и принялся громко кашлять.

Трубка вежливо подождал, пока утихнет его приступ, затем проговорил. – Приветствую тебя, Чешуя. Серебряный как раз собирался рассказать нам о его глубинных познаниях о потенциале смертных в вопросе просвещения, не так ли?

- Ах, я люблю хорошие сказки, - проскрипел Чешуя, его хриплый голос звучал, как надрывный шепот.

Серебряная борода проигнорировал его и сел на последний свободный табурет. Затем, сложив перед собой руки, словно в молитве, он начал говорить.

- Вы смеетесь, когда я говорю о просвещении смертных, но это больше чем сказка, или праздная игра *ками*, - сказал он, указывая на стол перед собой. – Я видел, как это происходило перед моими собственными глазами. Я видел, как смертный получал просветление, и был свидетелем вознесения после смерти.

Хриплый смех Чешуи наполнил чайный домик, затем он ахнул в притворном ужасе. – Так, погоди – в итоге, смертный умирает? – сказал он, сочась сарказмом. – Шокирующе!

Серебряная борода нахмурился и протянул руку к небольшой фигурке из слоновой кости на столе. По форме она напоминала сидящего человека в доспехах, хотя лицо его было настолько вытертым, что ни его выражение, ни пол были уже неразличимы. – Он был самураем, и я служил его советником. Он был повелителем небольшой крепости неподалеку от руин, которые они теперь называют Рейто, хотя в те дни, это был процветающий город, центр торговли и образования. Он содержал небольшой отряд верных людей, был обеспечен и исправно участвовал в политических играх самураев, но порочный торговец привел его к разорению.

- Узнав о слабости моего повелителя к авантюрам, торговец нашептал ему множество прибыльных и нелепых схем. Своим серебряным языком он обещал, что золото моего повелителя увеличится вдесятеро. Я отговаривал его от каждой из этих авантур, но моей силы убеждения было недостаточно, чтобы спасти моего повелителя от природной жадности, а я твердо отказывался нарушать свою роль и использовать свои истинные силы.

Это вызвало еще один приступ скрипучего хохота Чешуи. Трубка метнул в него гневный взгляд, и тот, наконец, затих, хотя его грудь все еще содрогалась в беззвучном смехе.

- Со временем мой повелитель остался один. Он проводил все свое время в личных покоях, лихорадочно пересчитывая оставшиеся серебряные монеты. Однажды утром, я застал его, тайком выходящим из хранилища крепости с сумкой под рукой. Я знал, что в ней покоился великий шлем с гербом аиста – ценная семейная реликвия. Он собирался заложить его ростовщику, чтобы выплатить один из его многочисленных долгов, или, скорее даже, ради выручки денег для очередной схемы торговца. Видя, что он опустил на самое дно, я решил провести с ним эксперимент. Мог ли кто-нибудь, полностью лишенный чести, быть спасен? Мог ли он достичь просвещения и вознестись к *ками*?

- Я остановил его за воротами заднего выхода из крепости и сказал о существовании иного пути. Поначалу он не стал меня слушать, но я напомнил ему, сколь оскудело его состояние после того, как он перестал прислушиваться к моим советам, и он согласился помолиться вместе со мной о спасении у крепостного алтаря, хоть и лишь из надежды на то, что благословение *ками* сможет улучшить его шансы в последнем запланированном вложении денег.

- Он опустил на колени у алтаря и прозвонил в колокол, чтобы обратить на себя внимание *ками*, положив шлем на алтарь, как подношение. В тот момент я впервые воспользовался своими истинными силами, но так, чтобы мой повелитель не понял, что это дело моих рук. Я превратил шлем в крошечного *ками* света, звенящего, подобно серебряному колокольчику. Он поднялся к потолку святилища, и исчез.

- Самурай был, ясное дело, шокирован, и поначалу, клял меня и рыдал о потере сокровища, но в ту ночь он увидел этого *ками* во сне, и на следующий день явился ко мне с просьбой снова посетить алтарь. Каждое утро мы повторяли этот ритуал. Он приносил очередное сокровище к алтарю, а я превращал его в чудесного *ками*, пока повелитель молился. Так продолжалось, пока ему уже нечего было предложить духу света.

- Самурай тогда отказался от своего титула и земли, и ушел в монастырь, для большего служения *ками*. Он жил полной жизнью, и на 88-ом дне рождения покинул мир просвещенным. Я стоял у его постели и наблюдал. Когда последний вздох слетел с его губ, раздался звон гонга, и с облаком аромата роз его тело растворилось, и он превратился в *ками*. Поэтому, как видите, просвещение смертных действительно возможно. И разве это не предпочтительная альтернатива уничтожению, которое предлагают сегодня наши собратья?

Чешуя громко рассмеялся. – Стало быть, ты предлагаешь, чтобы каждый из нас провел по 50 лет, спасая одну смертную душу? Это вовсе не эффективно. И это вознесение, о котором ты твердишь, напоминает не более чем милую ловушку. Ты мог бы с тем же успехом убить смертного, пока тот стоял на коленях у алтаря, и покончить на этом. Не говоря уже о том, что я слышал, как этот *ками* был заточен каким-то *каннуси* в его *гохэй*, которым теперь смахивают пыль с карт. Вот тебе и вознесение!

- Кто говорит, что смертным вообще нужно наше вмешательство? – спросил Шип голосом, подобным грибному дождю, капающему на мох.

- А, так ты предлагаешь правду! – Сказал Чешуя, лениво почесывая язву на шее. – Удачи в убеждении Величайшего.

Шип вздохнул. – Как может идти война между двумя частями единого целого? Как и мы, смертные являются частью ритма природы. По своему, они не менее важны, чем *ками*.

Почему бы тебе не рассказать нам, чем ты был занят последние 1 000 лет, Шип, и мы оценим правомерность твоего аргумента, - предложил Трубка. Шип кивнул и начал говорить.

- С последней нашей встречи я был многими вещами, и во всех своих ролях, я был свидетелем того, как смертные работали в соответствии с законами природы. Какое-то время я был буйволом, вспахивавшим поля, обрабатываемые монахами. Я видел, как они удобряли почву перегноем, и меняли посевы, чтобы земля не отравлялась одними и теми же растениями. Они проводили фестивали посевов и урожаев, и соблюдали ритуалы служения *ками* риса и *ками* свежей воды. Затем, чуть позже, я стал рощей бамбука, за которой аккуратно присматривали орочи. Каждую весну они приходили на сбор моих зеленых побегов, которые они мариновали и, затем, питались все лето и осень, а зимой удобряли мои корни своими отходами, питая свежие побеги весной, и таким образом, поддерживали цикл.

Перед тем, как прийти сюда, я был ручьем, текущим мимо рисовых полей, обрабатываемый кицунэ. Они выстроили на мне шлюзы и ворота, и жгли ладан, кадили, считая прошедшие часы, чтобы знать, когда им следовало перенаправить мои потоки от поля одной семьи, к другой, чтобы все могли в равной степени, без излишеств воспользоваться благами природы. И они пели песни, ожидая раскрытия ворот шлюза. Я даже теперь все еще слышу их голоса, полные жизни, и все же с налетом грусти – признания смертности, словно семя, растущее летом, но все же, знающее, что придет пора жатвы. И, тем не менее, они продолжали жить и умирать, возвращая свои тела земле. Война Великого – ошибка, ибо он нарушает равновесие, которое с таким трудом удерживают смертные и *ками*. Как же мы, *ками*, можем желать его уничтожения? Как, те, кому служат, будут жить без служащих им?

В комнате повисла тишина. Из-за окна послышалось мерное капанье тумана, скопившегося на листьях.

Наконец, Чешуя нарушил молчание словами, - Расскажи мне, о зеленеющей, ты когда-нибудь видел высокие равнины, замаранные сражениями самураев? Это опустошение, когда ни на земле, ни на небе ничего не шевелится. Или, как насчет диких мотыльков, которых они поработили, превратив во вьючных животных? Какое равновесие достигается здесь, какие циклы сохраняются? Даже твои драгоценные кицунэ выкашивают огромные борозды полей сусуки для своих деревень. Эти смертные тоже часть ритма природы? Они возвращают хоть десятую часть того, что берут?

- Говори, что хочешь, inferнальный собрат, - тихо ответил Шип, голосом, подобным трепету крыльев мотылька, - Я видел добро в смертных, и говорю, что есть иной путь.

- Дерзкие слова, - прошипел Чешуя, - но я видел тебя со склоненной головой, исполняя приказ Великого. Сколько раз ты позволял своим дарующим жизнь водам подниматься в потопах, а своим быстро растущим шипам покрывать фермы? По-своему, ты забрал больше жизней смертных, чем любой из нас еще до начала войны, и ты...

- Довольно! – Рявкнул Трубка. Воздух вокруг него словно вспыхнул жаром, и послышался тонкий запах серы. – Вы говорите о спасении смертных, помощи смертным, убийстве смертных; Почему бы не позволить им решать самим? Если они не могут существовать в гармонии с *ками* сейчас, возможно, *они* найдут способ уладить этот конфликт? Они явно более находчивы, чем каждый из вас догадывается.

- Ага! – Сказал Чешуя. – Чувствую, нас ждет история. Расскажи нам, дорогой Трубка, на чем ты основываешь это свое утверждение о находчивости смертных?

- Я ничего не утверждаю, - сказал Трубка, - как не желаю участвовать в этих дебатах, ни на стороне *ками*, ни смертных. Я лишь инструмент, лупа – как молот, который вбирает силу руки кузнеца и фокусирует ее на точке удара, или меч, берущий навык самурая и сосредотачивающий его на своем тонком лезвии.

- Сам выбор твоих метафор обнажает твоё пристрастие к смертным, но, прошу, продолжай, - произнес Чешуя.

Трубка, казалось, его не услышал. Он пару мгновений помолчал, осматривая игровое поле, пока не нашел фигурку, которую искал, человек, верхом на странном животном, похожим на смесь буйвола и горного козла. Положив палец на нэцке, но не сдвигая его, он начал говорить.

- Я провел большую часть времени с нашей последней встречи в своей истинной форме, ибо лишь высоко в горах, где огонь сумерек пылает вместе с облаками, я чувствую себя как дома. И все же я спускался раз или два, и в один из этих спусков, я решил, что мне уместно стать мечом. Я был не обычным мечом, но произведением искусства, созданным из металла, фальцованного тысячи раз рукой истинного мастера. Моя рукоять была обернута кожей дракона, и увенчана чистейшим рубином, закаленным заклинаниями, давно утраченными для знания смертных. В мое время, многие обладали мной, но лишь один из них смог, вместе со мной, обрести величие.

- Я был выронен в сугроб высоко в горах Сокезан, после кровавой битвы между двумя соперничающими отрядами разбойников, когда скаут из другого племени нашел меня. Сначала, он решил принести меня, как великий дар, своему вождю, но когда натолкнулся в ущелье на бродячую свору *они*, у меня появилась идея получше. Поторопившись назад, в лагерь, он показал меня своему вождю, и рассказал об огромных запасах подобного оружия, которые он обнаружил неподалеку. Подстегиваемые жадностью, вождь и трое его ближайших людей тут же бросились за ведущих их скаутом. Он отвел их в ущелье, и указал вниз, говоря, что запасы были там, и что он посторожит вход, чтобы другие бродячие банды не помешали им. Четверо его соплеменников бросились в ущелье, где их ждали дикие *они* – лютые, свирепые чудовища, с колючими хвостами и железными бивнями. Скаут ждал, пока эхо их криков не стихло, и когда увидел, что *они* ушли, сполз в ущелье и подобрал меня, вместе с медальоном вождя, символом его ранга и силы.

- Вернувшись в свой разбойничий лагерь, скаут объявил, что вождь был повержен в схватке с *они*, что было правдой, и что он назначил скаута своим приемником, поручив ему принять груз ответственности и лидерства из его рук, что было ложью. Некоторые воспротивились, но когда скаут обнажил меня, я вспыхнул неземным пламенем, и суеверное племя увидело в этом волю *ками*. Оставшиеся инакомыслящие один за другим встречали свою смерть на моем острие, от твердой руки скаута.

- Прошла зима, и вскоре скаут возвысился выше, чем любой вождь до него, объединив несколько племен в альянс. Их победы над фортами самураев в низине были великими, а награбленное богатым! У скаута родилось множество детей от многих жен, и он был благословлен удачей; до того дня, когда он, по обыкновению, в одиночестве скакал утром в холмах, и угодил в засаду шайки акки. Он разрезал пять их панцирей, но когда он поразил шестого, кровь на его перчатке сделала скользкой его хватку, и я выпал из его руки. Спустя пару мгновений ему в голову угодил камень, и он замертво рухнул на землю.

Пф! – Фыркнул Чешуя, - ты рассказываешь нам историю о жадном глупце, умершем глупой смертью от рук дураков! Если тебя впечатляет этот абсурд, тогда планка твоих стандартов слишком занижена, о пылающий огнем!

- И все же, разве он не достиг великих вещей? – парировал Трубка. – Низший скаут становится вождем! Ты можешь назвать хоть одного из нашего вида, кто бы продвинулся столь сильно? Его последователи, также, достигли великих успехов. Да что там, его правнук Годо, я слышал, в большом почете среди разбойничьих племен.

Чешуя издал звук, одновременно похожий на кашель и сдавленный смех. – Дорогой, дорогой Трубка. Разве не было это изначально твоим вмешательством, приведшим низшего скаута к его удаче? Я никогда не видел, чтобы ты встречал смертного, или даже *ками*, которым бы ты не желал

манипулировать... но нет, я не желаю спорить с *тобой*. – Он замолчал и многозначительно взглянул на Серебряную бороду. – И все же, в твоей истории много смертных, убивающих друг друга, и с этим я согласен. В этом смысле, вероятно, у них все же есть потенциал.

Трубка нахмурился и сделал долгую затяжку, выдохнув дым в воздух, где он повис, подобно грозовой туче над столом, прежде чем медленно растаять на сквозняке из открытой двери. – Что у тебя, Роса? – спросил он, помолчав несколько долгих минут. – На чьей стороне ты в вопросе смертных?

- Ты... ты же знаешь, что значит «смертный», да? – спросил Чешуя, озарив Росу беззубой улыбкой.

- Этого я не знаю, - ответил Роса, вызвав очередной смех Чешуи, - ибо я вижу сосуды, ходящие по земле, но также, я вижу призрачных существ света и чудес, оживляющих целые миры, просто закрыв глаза.

- Ты городишь околесицу, друг мой, как всегда, - сказал Трубка.

- Нет, я говорю о снах.

Роса встал, его силуэт мерцал между состоянием прозрачности и невидимости, однако полностью он не исчезал. Он был подобен тому, что обычно можно увидеть боковым зрением. Он определенно был там, но на нем невозможно было сфокусироваться.

- Последние 1 000 лет я возвращал сны в сознание смертных. Я бродил по мерцающим дорогам их воображаемых миров, читал неписанные свитки, которые всегда читаются по-разному, хотя их никогда не касалось ни перо, ни лезвие.

- Когда юный соратом Мелоку закрыл глаза после завершения первого из великих испытаний, лежащих перед каждым ученым соратом, он создал во сне дворец, в котором он был хозяином, и я танцевал среди его облаков, кирином с усами из тумана.

- Боже, как оригинально, - пробормотал Чешуя.

- Я был там червем во фрукте, когда акки Иши-Иши пролетел над вершинами Сокензан на своем крепком козле и нашел обильное древо хурмы. Я был нежным летним ветерком, перенесшим златовласую деву к кицунэ Снежному-Меху в его снах. Он проснулся и в тот день написал свою первую поэму.

- Погоди, - перебил его Чешуя, - не пытаешься ли ты сказать нам, что, по-твоему, смертные в своих снах становятся чем-то большим, чем животные – что они равны *ками* – из-за *воображения*?

- Все, что я говорю, - ответил Роса, - что нельзя судить желудь по его размеру. Нужно взглянуть на его тень, ибо в ней вы увидите сон дуба, коим он станет.

Чешуя покачал головой и вздохнул. – Скажи мне тогда, Роса, что делать с незуми, которому снится, что он дракон? Можем ли мы сказать, что, поскольку ему это снится, то он и в самом деле величественное существо из чешуи и ярости?

Роса молчал.

- Нет, - сказал Чешуя, отвечая себе самому, - ибо в итоге мы все равно кончим мордой в болоте, с отравленным кинжалом в спине. И, Роса, я читал ту поэму Снежного-Меха, ту самую, о златовласой деве-лисе. Она омерзительна.

Чешуя принялся смеяться над собственной шуткой. Он хохотал так сильно, что смех перешел в болезненный кашель. Одной рукой он схватился за горло, и громко кашлянул еще раз. Послышался звук металла, брякнувшего об пол. Все в комнате повернулись и увидели маленькую треугольную черную чешуйку, лежащую на деревянных досках под ногами. Они беззвучно наблюдали за тем, как дым начал подниматься от пола вокруг чешуйки. В считанные мгновения чешуйка прожгла пол и выпала из-под чайного домика.

Чешуя встал.

- За последние 1 000 лет я видел многих смертных изнутри, и вскоре после каждого моего вселения, выбранный мною смертный умирал. Некоторых я посещал на месяцы, некоторых на недели, некоторых лишь на день, и у каждого появлялись признаки моего присутствия. Язвы на горле и во рту, кровоподтеки на суставах и коже, или багровые раны, расцветавшие на лице за ночь. Однажды, я видел, что умерла вся деревня, когда я перешел от собаки к ребенку, к матери, к отцу, и дальше, к следующей семье. Мои путешествия не несли с собой ни предубеждений, ни пристрастий. Я равно перескакивал с калеки к нищему, как и с крестьянина к лорду. Они называли меня Черным Ветром, и Рыдающей Чумой, думаю, из-за следов крови, текущих из глаз тех, кого я благословлял.

Чешуя замолк и посмотрел на остальных, сидевших в чайном домике, медленно обдумывая каждого из них по очереди, продолжив рассказ. – Я видел смертных, достигавших головокружительных высот, лишь для того, чтобы рухнуть на колени, неуклюже кляня *ками*, словно им было кого винить, кроме собственной смертности. Все вы здесь заявили о том, что знаете, что значит быть смертным, и как мы могли бы залатать великую брешь между нашими мирами, которые, на самом деле один, единый мир. Но услышьте: Истинно понять что-либо можно лишь по его завершению, и я видел так много завершений... И, - добавил он, помолчав, - увижу еще больше, ибо моя работа не завершена.

Чешуя низко поклонился, затем вышел за дверь из чайного домика.

- Погоди! – Серебряная борода встал и подбежал к двери, хватая Чешую за его тощую прыщавую руку. – Погоди, дружище. Ты говоришь об уничтожении смертных, и все же, ты знаешь, что они больше, чем скот для убоя. Пусть они служат и почитают тебя, если хочешь, но... не отворачивайся от них. Вспомни, Чешуя. Вспомни, как все было прежде. Мы снова сможем процветать, но это процветание должно быть общим, или же все мы пострадаем.

- Я помню, - сказал Чешуя, легкая улыбка возникла на его тощих губах. Затем послышался вой ветра и поток блестящей черной кожи, увенчанной изогнутым, чешуйчатым хвостом, когда огромное существо – темный *кирин* – взмыл с того места, где стоял Чешуя. Холодящий душу рев эхом прокатился по холмам, и существо исчезло.

Оставшиеся четверо беззвучно переглянулись.

- Мне он никогда не нравится, - со вздохом сказал Серебряная борода. – Но, у меня есть надежда.

Сказав это, он вышел за дверь. Поток блеска возник на его месте, словно солнце опустилось к самой двери чайного домика, и когда он растаял, на месте Серебряной бороды стоял *кирин*. Его грива была цвета рассвета, а чешуя напоминала мягкие облака, обрамленные небесным сиянием. Он фыркнул и ударил копытом о землю, после чего, также, исчез.

Трубка улыбнулся в чайном домике. – Что ж, полагаю, на этом наша встреча завершена. Увидимся с вами через следующие... - Он замолк, ибо в домике остался лишь он и Шип. – Ох и скользкий же этот Роса, верно? – пробормотал Трубка. – Как гениальная мысль, парящая над головой, но ты никак не можешь до нее додуматься. Ну, что ж. – Он взглянул на стол. – Мы так и не закончили

нашу игру. В следующий раз, думаю, в следующий раз. – Трубка вздохнул, и спустя мгновение, он исчез в блестящей горячей волне пламени и дыма, испепелившей два табурета и обуглившей половину стола.

Оставшись в одиночестве, Шип встал, и устало оперся о свой посох. Он медленно направился к выходу, скрипя суставами, подобно древесине древнего морского корабля. Он вышел из чайного домика и начал спускаться по петляющей горной тропе.

* * * * *

Маки открыла глаза и сделала резкий вдох. Она сидела на полу, и там, перед ней был пейзаж, висящий так же, каким она видела его в последний раз. Должно быть, она заснула! Но что за фантастический, жуткий сон! Он был так реален – старики в чайном домике... Она вскочила на ноги и подбежала к картине. Затем вздохнула с облегчением. На полотне не было пилигримов, не было теней в чайном домике.

Никаких киринов.

Это был лишь сон.

Она впервые заметила, что вспотела, в горле пересохло, а язык казался разбухшим во рту, почти, как...

Медленно, дрожащей рукой, она протянула пальцы ко рту и вынула из него одну черную чешуйку.

Ийзука Беспощадный

Gwendolyn Kestrel

Сожженные деревни, не похороненные трупы, и металлический смрад кузниц: запахи войны наполнили воздух. Незуми разоряли земли людей, поклявшись в верности нескольким благородным домам. Самураи под предводительством великого Генерала Такеши собрались у границы земель незуми. Они планировали напасть на территорию крыс и в сотни раз возместить потери пострадавших людей.

Многочисленные мелкие шайки партизан незуми нападали на разведывательные отряды самураев, наступающих подразделений армии. Один, затем другой, и третий самурай хвастался, признавался, или угрожал своим пленителям незуми, о том, что армия людей приближается. По землям крыс поползли слухи о великом замысле Генерала Такеши: уничтожение всех незуми. Генерала не интересовало, какие из банд незуми нападали на земли людей и сжигали деревни. Недавние набеги служили ему лишь поводом.

Обычно очень независимые и неорганизованные незуми не могли игнорировать угрозу, которую являли собой могучие самураи, и крысы собрали собственную армию. Их острое чувство самосохранения указало им на логичность объединения. В мелких, разрозненных отрядах они бы неизменно проиграли, поэтому, крупная, объединенная армия незуми восстала перед противниками.

Тьма. Тысячи мелких костров озаряют ночь. Солдаты играют в карты, притворяются спящими, или молятся. Рассвет принесет сражение. Две армии схлестнутся через считанные часы. Бой и его потенциальные исходы не выходили из мыслей каждого солдата на границе.

Почти каждого. Кроме Ийзуки Беспощадного.

* * * * *

Еще в ранге капитана стражи Лорда Кенсяя, Ийзука служил ему гордо и с честью. Его повелитель был могущественен и все, кто служил ему, купались в лучах его престижа.

Лорд Кенсай использовал различные способы в продвижении своих замыслов и устранении соперников. И все же, хватило всего одного неосторожного шага, чтобы Лорд Кенсай рухнул со своего возвышенного положения. Теперь, Ийзука был обещанным самураем без статуса. Из-за неудавшихся политических махинаций его бывшего повелителя, Ийзука стал ронином без собственной земли. Лишение статуса озлобило его. Он видел, как более мелкие люди возвышались в обществе, пока он стоял в стороне от него.

Образованный, амбициозный, и умелый, он решил заработать уважение собственным методом. Ийзука натренировал свое тело так, что его меч двигался, подобно продолжению его души. Душу свою он посвятил тьме, обучившись магии крови у мага огра. Он познал темное волшебство, давшее ему еще большую силу. Он собрал людей, верных не идеалам, но лишь самому Ийзуке, и составил план, как воплотить в жизнь свои амбиции.

* * * * *

- Готово, сир! – Произнес Рёта, глубоко склонившись в почтительном поклоне.

- Докладывай, - приказал Ийзука.

- Захваченные в плен незуми подтвердили наши ранние доклады. Раздвоенный-Язык передала 300 воинов командующему крыс. В ее крепости останется лишь горстка наемников.

Ийзука одобрительно кивнул и жестом приказал лейтенантам подняться. Хоть он был и ронин, Ийзука все равно командовал преданными ему людьми. Он знал их и их способности, и мог положиться на них в предстоящем задании. Ийзука взглянул на них обеими глазами: обычным, обладавшим стандартным зрением, и вторым, казавшимся со стороны слепым глазом, который забрала магия крови, дав ему возможность видеть глубже. Он смотрел в их души, и знал, что они будут верны ему до смерти.

Ийзука был человеком больших амбиций. В предстоящем столкновении людей и незуми он видел благоприятную возможность. Не на поле боя, но за его пределами.

Существовало много рассказов и слухов о сокровищах, собранных и накопленных незуми по имени Раздвоенный-Язык. Ее крепость находилась всего в паре часов трудного пути сквозь болота в сторону от поля боя. Репутация ее осторожности равнялась слухам о ее богатствах. Отсутствие армии незуми открывало редкую возможность: ее крепость будет лишена охраны.

Ийзука бросил взгляд на последнего члена своей группы, Кен'Ичи, его единственного сына и наследника. Мальчик только становился мужчиной, но пока проявлял себя достойно. Он не уклонялся от необходимости пытаться пойманных воинов незуми ради информации. Как и его отец, казалось, он был способен на все, что нужно. Редкий приступ отеческой гордости заставил Ийзуку улыбнуться, когда его сын склонил голову. Его зрение-за-пределами-зрения показало ему багровую ауру вокруг юноши. Завтра он познакомится со смертью. Ийзука предвидел, что Кен'Ичи убьет многих незуми в грядущей битве. Он снова одобрительно кивнул.

- Теперь к делу, - сказал Ийзука. – Нам предстоит пройти много миль быстро и скрытно. – Ронин провел пальцем маршрут на подробной карте местности. Он выложил еще одну карту, эту на грубой бумаге, начерченную спешными штрихами. Пятна крови и других, менее понятных жидкостей покрывали рисунок. – Как только прибудем в анклав Раздвоенного-Языка, направляемся к сокровищнице. Ты и остальные можете взять все, что сможете унести, но не раньше, чем мы отыщем то, что ищем. По моему сигналу мы вернемся по тому же маршруту.

* * * * *

Ийзука знал, что истории были более чем простыми слухами. Его бывший повелитель, Лорд Кенсай, хорошо заплатил Раздвоенному-Языку за небольшую услугу.

Черный-Ус, посланник незуми, поклонился до пола. Его тело подрагивало, с трудом удерживая раболепную позу столь долгое время.

Лорд Кенсай, не торопясь, рассматривал свитки и сделал на них пометки. Словно он только сейчас заметил крысенюша, стоявшего перед ним на коленях последний час, он поднял взгляд. – Доставь свое сообщение.

- Милорд, - произнес Черный-Ус, выпрямившись, но держа голову склоненной, и глаза почтительно отведенными в сторону. Голос незуми был хриплым и почти радостный, когда он выложил свой план. – Моя госпожа, Раздвоенный-Язык, желает удостовериться Вас, что все будет выполнено, как Вы пожелали. Она вышлет лучших убийц для осквернения священной гробницы

Клана Цуки и разбросает обрывки униформы Дома Мико по кустам неподалеку для наведения подозрений на Вашего соперника. Моя госпожа согласилась на все Ваши условия.

- Мерзкое отродье. Как ты смеешь говорить о таких вещах! Дела, которые я вижу с твоей госпожой носят самый тайный характер, - упрекнул незуми Лорд Кенсай. Он указал на одного из стражников. – Возможно, 20 ударов плетью научат тебя осмотрительности. Уведите его.

Стражник выволок скулящего незуми из комнаты. Лорд Кенсай повернулся к Ийзуке. Он взглянул на своего капитана, выискивая в его взгляде хоть намек на то, чтобы указывало на то, что Ийзука прочел душу незуми и увидел, что его слова были искренними. Ийзука прикрыл затуманенный глаз, указывая, что он смотрел глубоко, и не увидел обмана. – Пусть крысеныш отнесет это Раздвоенному-Языку, - сказал он, протягивая черную лакированную шкатулку, украшенную красными камнями.

* * * * *

Ийзука искал крепость Раздвоенного-Языка не только из-за ее сокровищ, но также и из мести. Он знал, что для нее наибольшей болью будет лишение ее богатства.

* * * * *

Лучшие планы незуми и людей часто ведут не туда.

У крепости Раздвоенного-Языка, пара стражников патрулировала периметр. Рассчитав их интервалы, чтобы проскользнуть незамеченными внутрь, оказалось довольно просто. Это было последнее, что прошло точно по плану.

* * * * *

Когда Хидеаки шагнул в сторону последнего коридора перед сокровищницей, оглушительная какофония звуков разразилась из-под его ног. Упрямый информатор незуми не упомянул про соловьиный пол вокруг сокровищницы. Хитро разработанная сигнализация сработала и известила весь анклав о злоумышленниках.

Ярость охватила Ийзуку. Быть так близко! Сражение было неизбежным. Его люди заняли защитные позиции вокруг него. Они скорее погибнут, чем позволят их предводителю пасть. Оба его клинка вышли из лакированных ножен. Стражники крепости бросились в коридор. Мечи Ийзуки запели песнь крови.

* * * * *

У незуми было множество преимуществ. Они сражались на знакомой территории, защищая свои дома и свою госпожу. Тем не менее, поодиночке, как бойцы, они не шли в сравнение с Ийзукой и его закаленными ветеранами. Обычно, основной силой незуми против самураев было их количество. С грядущим масштабным сражением и передачей трехсот воинов Раздвоенного-Языка ради пополнения рядов армии крыс, Ийзука чувствовал себя вполне уверенно. Эта

уверенность быстро растаяла, когда все больше и больше незуми стекалось в замкнутое пространство крепости. Усы, шерсть и лезвия мечей, мелькающие в открытых проходах, говорили о том, что силы крысиного подкрепления ожидали своей очереди сразиться с захватчиками.

- Тесните их сюда, в широкий зал! – Четкий голос отдал приказ незуми. Ийзука выискивал глазами того, кто это произнес. Вооруженная до зубов, в доспехе, крупная незуми сосредоточила усилия на управлении другими крысами, направляя их силы. Стало быть, это была Айя, капитан охраны Раздвоенного-Языка. Полевая разведка Ийзуки докладывала, что она будет командовать элитными воинами Раздвоенного-Языка. Теперь Ийзука все понял. Раздвоенный-Язык действительно пообещала передать почти всех своих воинов армии незуми. Просто она никогда не собиралась выполнять свое обещание; она больше заботилась о себе, и своих сокровищах, чем обо всем остальном мире.

Солдаты незуми не горели желанием бросаться в бой с самураями.

- Серебряная монета каждому незуми, вставшему между самураями и сокровищницей! Золотая за каждого убитого самурая! – Озвучила дополнительный стимул Айя. Она прекрасно знала, что жадность отлично мотивировала трусливых сородичей. Крысы заслонили телами путь к сокровищнице, оттесняя самураев в более широкий, открытый зал, в котором большее число незуми могли атаковать одновременно.

Ийзука провел своим кроваво-красным ногтем по ладони. Пять капель крови просочились сквозь царапину. Он взмахнул рукой по широкой дуге, и кровавые дротики метко вонзились в незуми, те завопили от боли и испустили дух.

В широком зале незуми не толпились слишком близко. Самурайские мечи и магия Ийзуки заслужили им уважительное расстояние.

Опытные самураи образовали кольцо, мечами наружу. Незуми заплатят дорого. Периодически, один из крыс подбирался слишком близко, и быстро превращался в труп с пропитанной кровью шестью.

Айя сама ринулась вперед, словно, собираясь напасть. Хотя старые солдаты знали, что это был лишь маневр, Кен'Ичи попался на ее уловку, и вырвался из их плотного строя.

В тот же миг Ийзука выкрикнул предупреждение, но одним молниеносным движением Айя обезоружила юношу и приставила меч к его горлу.

Кен'Ичи взглянул на Ийзуку и выкрикнул, - Отец!

Айя мгновенно застыла, и вместо того, чтобы обезглавить парня, она схватила его крепче и подтянула к себе, сдавливая левой рукой его шею, а правой держа меч у горла юнца.

* * * * *

- Стоять! – Выкрикнула Айя. Она стояла с острием меча у горла Кен'Ичи. – Бросьте мечи, и мы назовем это перемирием. Вы уйдете. Больше никто не умрет. – Айя сильнее прижала острие меча к горлу Кен'Ичи. Густая капля крови скатилась на лезвие ее клинка. – Бросьте мечи, или мальчишка умрет.

Ийзука взглянул на сына. Парень стоял неподвижно, без внешних проявлений страха. Он смотрел на отца, спокойный, готовый жить или умереть по желанию Ийзуки. Плоть от его плоти, кровь от

его крови. Но теперь мальчик был беспомощной жертвой в руках его врагов. Сын стал инструментом против его отца. Как унижительно. Ярость наполнила пустоту, оставшуюся от отцовской гордости.

Капитан стражи Раздвоенного-Языка прикрывалась парнем, как щитом, полностью защищенная от нападения.

Ийзука шире развел руки, приняв незащищенную позу. Медленно передвигаясь, он перенес вес на правую ногу, и, склоняясь на право, он опустил острие своей катаны. Все глаза в комнате неотрывно следили за лезвием его меча. Ийзука разжал ладонь на рукоятке, и меч со звоном упал на пол. Клинок отскочил от деревянного пола с громким лязгом.

Ийзука метнулся вперед, резким движением выбрасывая левую руку со вторым мечем вперед. Блеск стали, две струи крови. Айя отреагировала на выпад Ийзуки, перерезав горло Кен'Ичи. Она почувствовала холодное пламя стали в глубокой ране в своем животе. Когда смертельный мрак начал сгущаться вокруг нее, она с удивлением взглянула вниз, на левый клинок Ийзуки. Самурай пронзил им тело собственного сына, чтобы нанести ей смертельную рану.

В атаку! – Выкрикнул Ийзука. Его люди бросились на крик. Они видели жертву, они знали цену. Они сражались с маниакальной энергией.

Возобновленное нападение со стороны людей и беспощадность их предводителя напугали оставшихся стражников незуми. Вид погибшего капитана, заколотой сквозь сына Ийзуки, расшатал их нервы. Большинство сбежало. Единицы из тех, кто остались, быстро умерли.

Ийзука опустился на колени рядом с телами Кен'Ичи и Айи. Глаза его сына застыли распахнутыми от удивления. Он нежно закрыл их. Вынув свой меч из сплетенной плоти, крови и костей человека и незуми, он увидел, что Айя все еще упрямо цеплялась за жизнь. Кровь брызгала из ее рта, орошая усы, она пыталась говорить. Ийзука подался вперед, стараясь расслышать последние слова столь достойной противницы.

- Ззз...зачем? – задыхалась Айя. – Твой же сын...

Ийзука вздохнул, - я всегда могу завести еще детей. – Его меч блеснул, отрубив ей голову.

* * * * *

Наконец Ийзука вошел в сокровищницу целеустремленным победителем, пока не увидел ее разоренное состояние: раскрытые сундуки, перевернутые короба, и лакированные комоды с пустыми ящиками, высунутыми, подобно издевательским языкам. Ценностей все еще хватало, серебряный кувшин, украшенный орнаментом из драгоценных камней и золотой филигрании, и золотое ожерелье с опалами торчали из мешка, собранного наскоро, а затем брошенного позади, но было очевидно, что избранные, ценнейшие из сокровищ, были унесены. Во время сражения Раздвоенный-Язык собрала наиболее важные вещи и сбежала.

Ийзука тщательно обыскал остатки сокровищ, и, наконец, нашел черную лакированную шкатулку. Герб Лорда Кенся из кроваво-красного граната украшал ее крышку. Шкатулка была пуста, отброшена. Ийзука методично пересчитал 100 золотых монет, наполнив ими шкатулку. Это сокровище он аккуратно уложил в свою сумку.

- Возьмите все, что сможете унести. Остальное сожгите.

Последняя Гостья

Jay Moldenhauer-Salazar

Примечание автора: данная история произошла спустя шесть лет после событий рассказа «Щит Дракона».

Солнечный свет, струящийся сквозь кроны деревьев, покрывал яркими пятнами ее бледную кожу, из-за чего ее образ в равной степени казался тенью и светом. Края ее черной мантии сливались с окружающими деревьями и кустарниками, от чего невозможно было определить, где заканчивалась она, и начинался лес.

Небольшие сферы с оболочками, похожими на хитиновые панцири насекомых, парили в воздухе вокруг нее. Кроме них, никакого движения не было. Ни одна птица не пела, ни одно животное не карабкалось по ветвям, ни единого дуновения ветра. Фигура приняла тишину, которая обычно требовалась для благоговения в ее присутствии.

Отдаленный звон колокола заставил ее приподнять лишенную характерных черт маску лица. Величественные олени рога стесали листья с ближайших ветвей, осыпав их на лесную траву. Сферы, окружавшие ее, завертелись в предвкушении.

Фудайдзю. Фигура знала значение этого звона. Конечно, знала, как и все представители ее вида. Это был призыв о помощи наиболее древнего монашеского ордена. Но, как ответить на этот зов в столь непростые времена... на этот вопрос не существовало ясного ответа. Она решила не делать ничего, по крайней мере, пока.

И так она слушала звон колокола, из года в год, осторожно обдумывая свои действия. Она наблюдала, как листья осыпались и расцветали, как росли и таяли сугробы снега. Все время размышляя и медитируя.

Шесть лет звенел колокол, неутрачивая и скорбным звоном. Шесть лет она обдумывала свои действия. И затем, приняв решение, двинулась вперед.

Она ответила на зов Фудайдзю.

* * * * *

Хамано сделал выпад посохом *бо*. Лезвие *катаны*, парящее в воздухе, отразило удар. Хамано ожидал защиту, и его контрудар пришелся ками за стеной из мечей, по щеке. Существо взревело от неожиданности, голосом сотни деревьев, треснувших пополам. Защита лесного духа расступилась, и Хамано бросился вперед. Его *бо* удалил в висок громадной головы ками, затем повернулся и угодил ей промеж глаз. Хамано пытался не морщиться, когда лицо – лицо красивой женщины, вырезанное из дерева – вскричало от боли. Еще два удара и ками отпрянула на несколько шагов назад. Она подлетела низко к земле, извиваясь корнями там, где должна была быть шея женщины.

- Хамано! – Послышался голос. – Слишком далеко! Вернись в круг!

Он быстро осмотрелся по сторонам, удивившись, что преследовал ками так далеко. Хамано со всех ног бросился назад, к братьям по оружию.

Но не успел он занять свое место, как Kami возобновила свое нападение. Аккуратные губы маски исказились в злобном реве, и несметные *катаны*, окружавшие Kami, понеслись к монаху. Хамано развернул посох, встав наготове. Зеленая энергия вспыхнула в его глазах и окутала его второй кожей.

Хамано отбил один меч в сторону и парировал удар второго. Он уклонился от третьего, который пролетел так близко, что Хамано услышал свист рассекаемого воздуха над головой. Kami медленно наступала за завесой своих мечей, ее миловидная маска исказилась в гримасе ненависти. Хамано сосредоточился на вертящихся мечах, нападавших со всех сторон, чувствуя, как его сверлят деревянные глаза гневного духа.

Треск, пронзительный крик, и *катаны* покатались на землю. Kami была столь сосредоточена на нем, что не заметила приближение Кайто. Мускулистый монах с обнаженной грудью поднял молот из обломков, еще недавно бывших красивой маской Kami. Зеленая энергия окутывала Кайто, как и Хамано. Монах подмигнул, прежде чем вернуться на свое место в круге, готовясь к встрече Kami, выглядящего как комок темной почвы и мха.

За его спиной раздался одинокий громкий удар колокола. Звон эхом отразился от Фудайдзю, задержавшись в разбитой древесной оболочке, которую монахи когда-то называли Стеной, затем уплыл прочь в гущу Леса Дзюкай. Хамано пытался сконцентрироваться на своей вахне. Это уже был третий удар? Четвертый? Хамано не знал. Он даже не мог сказать, было ли сейчас утро или полдень.

Мысли Хамано прервались стоном агонии от Кайто. Монах был отброшен на колени неуклюжим Kami, который теперь возвышался над своей жертвой.

Хамано прыгнул, вытянув руки к собрату. Он обхватил Кайто и перекатился, когда Kami рухнул на землю с грохотом громового раската.

- Не совсем объятья мамочки, но сойдет и так, - усмехнулся Кайто. Он оттолкнул с себя Хамано и одним плавным движением схватил свой громадный молот, поднимаясь на ноги. Монах взревел от гнева и ударил Kami ночной почвы так сильно, что сгустки его тела разлетелись по всему полю боя.

Хамано бросился к своему месту в круге. Он быстро осмотрел землю в поисках своего *бо*, но не увидел никаких следов деревянного посоха. Вместо него он поднял брошенный мачете и прокрутил им в руке. Хамано уже несколько месяцев не держал в руках меч, но он быстро определил баланс оружия. С собственным боевым кличем, он сошелся с наступающим кумо.

Kami выглядел, как паук со слишком большим количеством лап и размером с лошадь. Широкий клинок Хамано высекал искры из твердой, как камень, шкуры чудовища. Он схватил рукой одну из серповидных лап кумо, и провернул ее. Хамано использовал вес своего тела, как точку опоры, швырнув кумо в воздух. Паукообразный Kami взмыл высоко и далеко, треснув об обломок Стены. Куски его тела застряли в липкой паутине, висящей повсюду, как занавески. Хамано поблагодарил силу, данную ему Дзюганом, их первым защитником.

Еще один кумо поднялся из завесы паутины и бросился вперед. Хамано не сходил с места. Пока он ждал, стрела просвистела в воздухе и вонзилась в глаз кумо. Тот взревел от боли, но продолжил наступать. Хамано слегка поклонился жилистой Асукэ, с ее *ханкю* в дюжине шагов слева в их круге. Она не кивнула в ответ, но выпустила еще одну стрелу в ближайшего Kami, похожего на смесь из корней и зубов.

Хамано подпрыгнул вверх, когда кумо набросился на него. Его свободная рука схватилась за стрелу, все еще торчащую в глазнице чудовища, опираясь о ее древко. Вторая рука обрушила

мачете вниз, между каменистыми пластинами, отделив голову кумо от его тела. Жидкость выплеснула из раны, и кумо попятился вбок. Хамано спрыгнул на землю, наблюдая, как лапы ками подкосились, его тело рухнуло в грязь и застыло.

Кайто басил, когда Хамано вернулся на место в круге. Монах стоял над останками ками ночной почвы, который только что был его противником.

- Идите! Идите и отведайте мою мощь! Идите и испытайте силу...!

Колокол Фудайдзю прервал его слова. Звон прокатился сквозь тела монахов, подобно волне.

- Седьмой удар! Уходите! – Заорал голос за спиной. Это был голос Саруки, молодого монаха будока, который только начал свое обучение, когда началась осада Фудайдзю.

Сарука прыгнул вперед, окутанный зеленым светом. Юнец со слишком крупным носом держал над собой алебарду, вдвое превышавшую его рост. Прежде чем занять свое место в круге, Сарука набросился на корневого ками, с которым сражалась Асука. Существо уже походило на подушку для иголок, утыканное стрелами со всех сторон. Сарука впился в сучковатую массу зазубренным лезвием своего оружия. Нападая, он испустил крик за монахов Фудайдзю. Подобные крики эхом разошлись по кругу, когда свежие монахи заступили на вахту.

Хамано, шатаясь, отошел назад, его вахта закончилась с седьмым ударом колокола. Он тяжело дышал.

Отдохни! – Выкрикнул Кайто, шлепнув Хамано по плечу. Он также с трудом переводил дыхание. – Часы пролетят слишком быстро, сам знаешь.

Хамано осмотрелся вокруг. Монахи, пережившие эту вахту, собирались у основания Фудайдзю. Некоторые медитировали в тишине, пока другие обменивались историями. Все выглядели полумертвыми и изнуренными, невзирая на яркое сияние, окружавшее их тела.

Его взгляд блуждал. В двадцати шагах от отдыхающих монахов располагалось то, что некоторые называли Новой Стеной, живой круг сражающихся монахов, защищавших Фудайдзю и его колокол с тех давних пор, как пала старая Стена. Разбитые обломки прежней Стены были разбросаны повсюду, вместе с ками, огромным количеством трупов и оружия. Белые сети паутины свисали отовсюду за кольцом монахов, липкие остатки кумо, бесконечным потоком лившихся к Фудайдзю.

- Я почти ничего не узнаю, - озвучил он вслух свои мысли. – Я почти не помню, каким был наш дом.

- Пф! – Фыркнул Кайто. – Когда мы отобьемся от ками, мы сможем восстановить Фудайдзю в его прежней красе. Из этой кумовской паутины выйдет неплохой шелк, я думаю. Мы можем основать фабрику, достойную самого Лорда Конды! Неплохой способ оплатить наши усилия по восстановлению храма, а? Я слышал, торговля шелком - весьма прибыльное дело.

- Это ты уже говорил, - сказал Хамано с усталой улыбкой.

- Говорил? – Кайто моргнул. Его широкое лицо растеклось в улыбке. – Что ж, это отличная мысль. Иди сюда, Хамано. Садись. Я отказываюсь наблюдать, как ты умрешь оттого, что не сможешь поднять свое оружие. – Он похлопал рукой по земле рядом с собой и откинулся своими широкими плечами назад, прислонившись к стволу Фудайдзю.

Хамано сел рядом с Кайто. С другой стороны от него сидел монах, пишущий что-то на свитке. Журнал, подумал Хамано. На несколько минут Хамано закрыл глаза, тщетно пытаясь игнорировать звуки сражения вокруг него, и сконцентрироваться на скрипе пера, скребущего по пергаменту.

- Они становятся менее организованными, - сказал Хамано.

Кайто фыркнул. – Возможно. Но и мы тоже.

- Нет, нас становится меньше, но мы не менее организованы. Это разные вещи.

- Как скажешь.

Оба погрузились в усталую тишину. Обычно, их пост-вахтенные разговоры длились несколько минут, но сражение, казалось, было особенно жестким в этот раз, и более утомительным. Ками были менее организованы, чем прежде. Их дерзкие нападения говорили об отчаянии, растущем в их рядах. И все же, он не мог отрицать и слова Кайто. После каждой смены их ряды редели. Некогда тысяча наиболее грозных *будока* Камигавы, теперь насчитывала менее пятидесяти человек.

- Кого мы потеряли на нашей вахте? Были потери? – спросил он, спустя несколько минут.

- Кто знает? Рано или поздно кто-нибудь придет и скажет нам. Возможно Наото, если он выжил. Этот парень повернут на пересчете наших тел.

- Да, - сказал Хамано, подавляя зевок. – Возможно Наото.

Хамано осознал, что чувствует вздымание сна за опущенными веками, впервые за долгое время. Когда дракон Дзюган погиб, он передал свою силу монахам Фудайдзю. Без магии дракона монахи бы умерли от голода, жажды, или усталости давным-давно. Желание спать говорило либо о том, что чары ослабевали, либо, что монахи использовали их слишком усиленно. Вероятно, и то, и другое, подумал Хамано.

Еще какое-то время Хамано не открывал глаз в медитации, пытаясь впитать силу непосредственно из дерева Фудайдзю. Постепенно, даже звуки войны растаяли, и он направил все свое внимание внутрь. На мгновение, он обрел покой.

Крик агонии заставил его распахнуть светящиеся глаза. Худая монахиня по имени Юми одновременно сражалась с двумя кумо. Один из ками отрезал ей левую руку в локте, прежде чем другие защитники в кольце успели прийти ей на помощь. Хамано наблюдал, как монахи – с юным Сарукой среди них – отбивались от громадных пауков, пока Юми харкала кровью в грязи.

- Только не Юми... - хрипло сказал Кайто. Пока они наблюдали, Юми схватила копье оставшейся рукой и неуверенно поднялась на ноги. Со вспышкой зеленого пламени в глазах, Юми вышла из круга. Она взмахнула копьем, держа его одной рукой, пробираясь сквозь море ками. Вскоре она скрылась за стеной паутины. По крайней мере, они были избавлены от вида ее смерти.

Монахи по обе стороны от Юми перестроили кольцо Новой Стены, с учетом ее отсутствия. Хамано почувствовал прилив гордости, осознав, что тело кумо, которого он убил, помогло заслонить брешь, оставленную уходом Юши. Это был странный повод для чувства гордости, вяло подумал он.

Хамано продолжил осматривать сражение. Спустя некоторое время, он повернулся к Кайто.

- Разве колокол не должен был уже прозвонить? – спросил он.

Кайто пожал плечами. Он выглядел хмурым и осунувшимся, резко контрастируя с обычной возбужденностью. – Кто знает? Казуки ударит в колокол, когда будет нужно. Он знает свое дело.

- Что-то слишком долго.

- Сходи, взгляни на Казуки, если тебе об этого станет легче, - прорычал Кайто.

- Думаю, схожу. – Хамано с трудом поднялся, чувствуя боль в каждом суставе. – Мне жаль Юми, Кайто. Знаю, она была другом.

Кайто кивнул, но не взглянул в глаза. Хамано оставил его, направившись к Колокольне.

Он прошел мимо отдыхающих монахов, огибая великое дерево Фудайдзю. Оно было шире любого храма, и выше самых высоких строений Камигавы. Лишь единицы монахов повстречались ему на Спиральной Тропе, серии наростов на стволе дерева, ведущих в его кроне. Эти люди высматривали признаки помощи со всех сторон. За годы поисков, тем не менее, скауты с кроны не доложили ни о чем, кроме двух легионов ками. Хамано пытался не позволить горечи проникнуть в его мысли. Он мычал мелодию колыбельной, которую его мать пела ему в детстве.

Спустя треть пути на вершину, он обнаружил вырубленные вручную ступени, ведущие в Колокольню. Хамано устало взошел по ступеням к нише, достаточно крупной, чтобы вместить в себя бронзовый колокол размером с человека, и его хранителя.

Казуки всегда был одним из сильнейших в Фудайдзю. Его мощь стала, несомненно, основной причиной, почему Учитель Рокуан избрал его для ответственного задания звонить в колокол, не прекращая, с самого начала битвы. Спустя годы, проведенные у колокола, его тело вздымалось от мышц. Его широкие плечи и спина делали его подобным богу среди людей. И в самом деле, изумрудный свет Дзюгана исходил от Казуки, подобно лучам солнца, отчего было порой больно на него смотреть.

- Казуки! – Позвал Хамано, затем выругал себя за глупость. Казуки оглох от своей миссии уже очень давно. Он взошел по ступеням и помахал звонарю.

Казуки не ответил. Казалось, он вовсе не замечает Хамано. Звонарь, не шевелясь, смотрел сквозь монаха. Хамано обернулся, следуя его взгляду вглубь Дзюкая. Он не заметил ничего особенного.

- Казуки?

Только теперь Хамано увидел бревно, которое Казуки использовал для ударов по великому колоколу, лежащее у его ног. Паника прошла по его телу.

- Казуки! Что? Что случилось? – Хамано бросился к собрату. Казуки обратил на него взор своих зеленых глаз. Он выглядел не только глухим, но и слепым, не способным увидеть монаха, стоящего перед его лицом.

- Аюми... - прошептал Казуки.

- Что? – Ахнул Хамано. Страх сдавил его горло. Как давно он не касался колокола?

- Аюми...

- Аюми? Последняя Гостья? О чем ты говоришь? – Хамано позабыл о неспособности монаха слышать его слова. Он схватил массивную руку Казуки. Касание высвободило голос Казуки, подобно фонтану.

- В Конце всего, придет она! – Прорычал он.

- Да, да, Казуки. Мы знаем пророчество. Успокойся! О чем ты говоришь?

- Она придет собрать последние упавшие листья Босейдзю! – Продолжал реветь Казуки. Слезы стекали по лицу монаха. – Дабы сплести из них пергамент! Дабы воссесть на высочайшей из ветвей! Дабы записать последние часы!

- Да, да! О чем ты говоришь?! – Молил Хамано.

- Она запишет Конец, во избежание его причины, когда все начнется заново!

Хамано схватил монаха за другую руку. Он с силой потряс его. – Почему ты прекратил звонить в колокол?!

Казуки, словно впервые заметил его. Он моргнул. Волна самосознания прошла по его лицу.

- Ха... Хамано? – прошептал он.

Хамано кивнул, не желая отводить взгляд от звонаря.

- Аюми, - выдохнул Казуки. – Аюми идет...

- Что? – Ахнул Хамано. - Как ты мог... Когда? – Казуки снова ускользал, его глаза становились отстраненнее. Хамано снова потряс его. – Казуки! Когда? – проорал он монаху в лицо.

- Она уже... Здесь.

Хамано повернулся. Его ноги перескакивали по три ступени за раз, когда он несся от Колокольни к подножью Фудайдзю.

- Кто-нибудь! – Слышал он собственный крик. – Казуки сошел с ума! Он прекратил звонить в колокол! Он говорит...

Хамано словно ударился о незримую сену. Тишина. Фудайдзю не бурлила сражением. Ни лязг мечей, ни крики не пронзали воздух. Ни яростных воплей ками. Ничего. Тишина. Хамано замер на полушаге, с открытым на полуслове ртом, и осмотрел свой дом.

Монахи на вахте и отдыхающие, все собрались и смотрели на то, что прежде было Стеной. Ками всех форм и размеров отвернулись от Фудайдзю, смотря в том же направлении. Хамано медленно перевел взгляд в сторону их взглядов.

Фигура, втрое выше человека стояла там, где прежде располагались главные ворота Фудайдзю – теперь здесь были лишь обломки и паутина. Она выглядела изящной аристократкой, с бледной кожей в ниспадающем платье, обнажавшим ее плечи, руки, живот, и ноги. Ее лицо было невозмутимой маской, гладкой и лишённой характерных черт. По обе стороны ее безволосого черепа расходились огромные олени рога, окруженные танцующими хитиновыми шарами.

Хамано хотел спросить, что происходит. Он хотел требовать объяснений. Но слова покинули его, как, похоже, и всех, кто был вовлечен в бесконечную битву за Фудайдзю. Все, что мог делать

Хамано, это наблюдать, как фигура аккуратно перешла поле боя, подходя к собравшимся монахам. Ками расступились перед ней, позволяя ей беспрепятственно пройти.

Голос за его спиной нарушил тишину.

- В Конце всего, придет она! – Громко произнес Казуки. Хамано повернулся, как и многие другие монахи. Звонарь спустился с Колокольни, присоединившись к остальным, все еще сияя, подобно зеленому солнцу.

- Она придет собрать последние упавшие листья Босейдзю! Дабы сплести из них пергамент! Дабы воссесть на высочайшей из ветвей! Дабы записать последние часы! Она запишет Конец, во избежание его причины, когда все начнется заново!

- Аюми, - прошептал Хамано.

- Да, - сказал Казуки, прочитав слово по губам, и улыбнулся. Он положил руку на плечо Хамано. – Аюми, Последняя Гостя, ответила на наш зов.

Крики радости вырвались из толпы монахов Фудайдзю, настолько громкие, что, казалось, они сотрясли собой древнее древо. Хамано добавил свой голос к шумному хору. Аюми, верный писарь веков, сила бессмертного долга и покоя. Конечно, именно Аюми должна была, в итоге, откликнуться на звон колокола и прийти на помощь Фудайдзю. Каждый мускул тела Хамано кричал от радости и освобождения, и он охрип от ликования.

Вторая волна радости взорвалась, когда ками, окружавшие Фудайдзю, начали отступать. Мелкими стаями, потусторонние существа пробирались сквозь опустошение, исчезая в лесу. Их движения были тихими, едва ли не почтительными в присутствии Аюми. Как могли они быть не почтительными, одурманенно думал Хамано, перед тем, кто отзывает всех их к их истинному предназначению?

Аюми шагнула в толпу монахов, тихо осматривая их. Всюду вокруг нее монахи прыгали и ликовали, молились и обнимались. Хамано поднял кулак к небу и слезы застили его глаза. Кто-то игриво взъерошил ему волосы.

Казуки вышел вперед, и, несмотря на экстаз, монахи расступились перед ним. Аюми увидела подошедшего высокого и крепкого, как гора, человека, и повернулась к нему лицом. Монахи увидели ее поворот, и многие замолкли. Их дыхание замедлилось, пока они наблюдали безмолвную беседу звонаря и спасительницы.

Аюми спокойно протянула пальцы, каждый длиной с руку. Когти, которых не было еще мгновение назад, вырвали большую дыру в груди Казуки. Кровь окропила Хамано, когда рука Аюми вышла из спины звонаря.

Сферы, парящие вокруг Аюми, одновременно раскрыли изогнутые жала. Аюми напала на другую монахиню, срезав ее пополам, и сферы обрушились в толпу.

Все это произошло в одно мгновение. Ликование монахов обернулось криками протеста, шока, и смерти. Половина людей лежала изрубленная у ног Аюми, прежде чем монахи смогли ответить. Единицы, отважные единицы бросились в атаку, которая завершилась, когда длинные, черные когти вытянулись из запястий Аюми. С просчитанной точностью, величественная ками прорезала себе путь сквозь остатки защитников Фудайдзю и встала перед Хамано.

Монах ничего не сделал, он не мог ничего сделать. Он смотрел на руку Аюми, протянутую к нему. Один из черных когтей пронзил его плечо. Кровь брызнула из раны и перед глазами Хамано затанцевали круги и пятна, когда Аюми поднесла его к своему непроницаемому лицу.

- Почему? – Задыхаясь, выдохнул он. Он был способен произнести лишь это слово.

Аюми бесстрастно смотрела на него. Словно от скуки, она провернула коготь, и Хамано вскричал от боли. Его голос остался последним, понял он. Он был последним выжившим Фудайдзю.

- Почему!?! – В муках прокричал Хамано. Он чувствовал, как его покидает сознание.

Хамано увидел, как великая kami отвела назад вторую руку. На мгновение, черный коготь на ее второй руке указывал прямо на него. Затем он опустился.

* * * * *

Аюми осмотрела свою работу и кивнула. Ее работа началась в Фудайдзю, но она не окончится здесь. Война Kami завершится. Равновесие между смертными и бессмертными будет восстановлено. Это займет время, да, но Аюми славилась своим неугасающим терпением. Фудайдзю было достойным началом.

И когда она закончит, когда она вырвет сердце Конды из его груди и увидит его последнее вздрагивание, она проявит милосердие. Аюми, Последняя Гостья, оставит двух человеческих детей в живых, дабы те усвоили урок Конды. Лишь тогда, решила она, смертные смогут вновь начать строить свой мир.